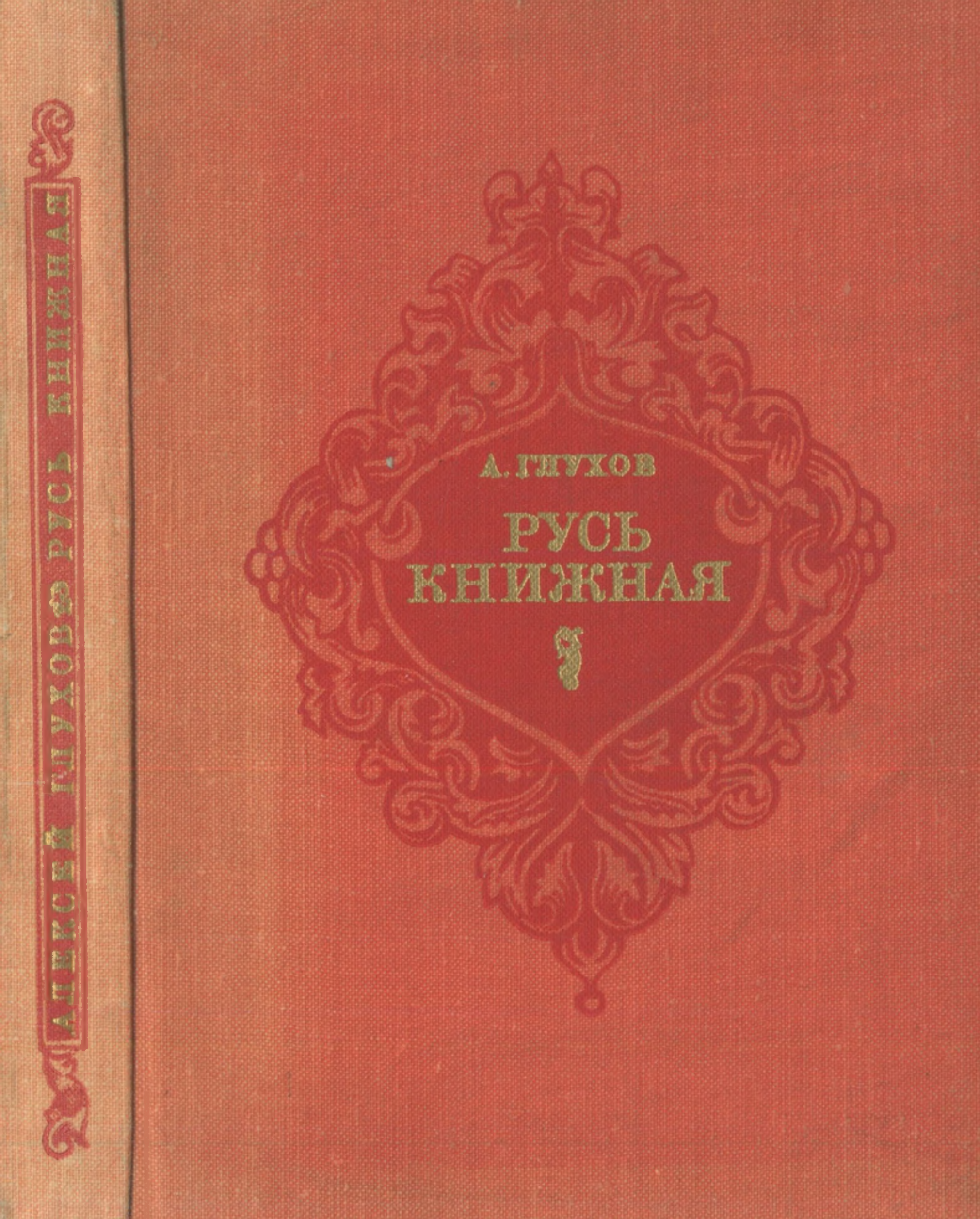

АЛЕКСЕЙ ГЛУХОВ РУСЬ КНИЖНАЯ
А. ГЛУХОВ
РУСЬ
КНИЖНАЯ

АЛЕКСЕЙ ГЛУХОВ · РУСЬ КНИЖНАЯ

АЛЕКСЕЙ ГЛУХОВ

РУСЬ КНИЖНАЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
МОСКВА
1979

002
Г55

Алексей Глухов провел кропотливую работу, чтобы, пользуясь многочисленными источниками, восстановить картину начала письменности на Руси, зарождения грамотности, возникновения древнейших рукописей. С большим знанием истории ведет он разговор о подвижниках книги, о первых ее авторах и первых читателях. Зримо видишь, как создавались и как исчезали, нередко бесследно, монастырские библиотеки; вместе с исследователями испытываешь истинное волнение за судьбу книжного собрания московских князей, тайна которого не раскрыта до сих пор. А рассказ о новгородских берестяных грамотах походит на своего рода поэтическую новеллу.

Я уверен, что множество наших современников, ныне усердно собирающих произведения литературы, деятельных помощников Всесоюзного общества книголюбов, оценят труд А. Глухова и поставят его в ряд тех, которые учат любить книгу, помогая узнать, какими тернистыми путями, зачастую из потайных хранилищ выходила она на простор, начинала служить просвещению и воспитанию. А без этого каждый культурный человек уже не мыслит своего существования.

ВЛ. ЛИДИН

Г $\frac{61004-041}{М-105(03)79}$ 39—79 443040000

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всегда, во все времена, во всех странах мира люди славили книгу. В Древнем Египте и Ассирии, в Греции и Риме, в городах Арабского халифата и в Киевской Руси... Книга — это и лекарство для души, и кладовая наук, и источник мудрости. Арабский писатель сравнивал книгу с хранилищем сокровищ, а древнерусский — то с реками, «напояющими» Вселенную, то с солнечным светом. «Изборник Святослава» утверждал: «Красота воину —оружие, и кораблю — ветрило, так и праведнику— почитание книжное». В сборнике «Пчела» отмечалось: «Ум без книг, аки птица спешена. Якож она взлетати не может, такоже и ум не домыслится совершена разума без книг. Свет дневной есть слово книжное». В «Поучении соловецкой библиотеки» книги сравниваются с глубинами морей, откуда читатель «выносит жемчуг драгий». После этого автор с удовольствием добавляет: «Добро есть, братие, почитание книжное...»

Древняя Русь оставила нам множество рукописных и печатных произведений, и они рассказывают о том, как жили, о чем думали, что умели делать наши далекие предки, какого уровня достигали у них литература, наука, искусство. И сама книга, особенно рукописная,— предмет искусства: она вобрала в себя мастерство переписчиков, переплетчиков, художников, ювелиров.

Старинные русские книги... Их было, видимо, много. Но одни — истреблены во время войн, другие — сгорели, а третьи — разграблены. Однако и рукописи, уцелевшие после войн и пожаров, часто потом погибали в архивах. И тем не менее дошло до нас около

ста древнерусских грамот и свыше пятисот рукописных книг XI—XIV веков. Сохранились они благодаря древним «книгохранительным палатам».

Значение этих «палат», пусть с небольшим фондом, с крайне ограниченным числом читателей,— огромно. Если бы, к примеру, не случайная находка в конце XVIII века в провинциальной монастырской библиотеке единственного списка «Слова о полку Игореве», то наше представление о древней русской литературе было бы значительно беднее. В ту эпоху, кроме «Слова о полку Игореве», создавались, очевидно, и другие подобные произведения, но время не пощадило их. В девятисотых годах Н. Никольский справедливо заметил: «Слово о полку Игореве», «Слово Даниила Заточника», отрывки исторических сказаний в летописях, «Слово о погибели Русской земли» и тому подобные произведения показывают, что в начальные века русской жизни, кроме церковно-учительной книжности, существовала и развивалась светская литература, достигнувшая в Южной Руси значительного расцвета. Если бы «Слово о полку Игореве» было одиночным для своей эпохи, то оно было бы, конечно, исторической несообразностью».

Крепкие стены Кирилло-Белозерского монастыря, где была богатая библиотека, спасли древнейший список «Задонщины»; в книгохранительной палате Троице-Сергиевой лавры Карамзин нашел «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. А сколько выдающихся памятников сберегла Новгородская София!

Основное внимание в этих небольших очерках сосредоточено на судьбах древнерусских библиотек — от первой, созданной при Ярославе Мудром, до начала XVIII века, до петровских реформ. И конечно, попутно рассказывается о наиболее примечательных

книгах, составлявших их фонды. В очерках подчеркнута драматическая история многих собраний, а также отдельных литературных памятников, показана их гибель в результате пожаров, наводнений, междоусобных войн. Еще опаснее был идеологический террор церкви — неугодные произведения светского содержания конфисковывались, сжигались, топились. Церковь проводила жесткий отбор, заботясь в основном о церковно-богословских трудах.

Чрезвычайно тяжелым для русского народа и его культуры было монгольское нашествие. Летописи наши не раз горестно сообщают о варварском уничтожении рукописей, подавляющее большинство которых безвозвратно утрачено.

Надо ли знать это нам, людям XX столетия? Безусловно. Каждый, кто приходит в мир, получает право, как сказал поэт Л. Мартынов, «все на земле унаследовать: капища, игрища, зрелища, истины обнаженные, мысли, уже зарожденные...». И еще одно немаловажное обстоятельство. Нам необходимо не просто «унаследовать», но сберечь памятники старины — свидетельства яркой талантливости наших далеких предков. Именно на это направлен принятый накануне 60-летия Великого Октября закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры», в котором бережное отношение к культурно-историческому наследию рассматривается как важная задача не только государственных органов и общественных организаций, но и каждого советского человека. В том же духе выдержаны статьи новой Конституции СССР. Так, в статье 68 записано: «Забота о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей — долг и обязанность граждан СССР».

Автор выражает надежду, что эта книга в какой-то мере поможет читателю ознакомиться с той частью

нашего национального достояния, которым является древнерусская литература, даст возможность заглянуть в прошлое. Каждому человеку необходимо изучать историю своей страны, ее культурные богатства, ведь история культуры питает наш ум и воображение, многое объясняя, многое помогая понять. По словам А. И. Герцена, «в книге не одно прошедшее; она составляет документ, по которому мы вводимся во владение настоящего, во владение всей суммы истин и усилий, найденных страданиями, облитых иногда кровавым потом; она — программа будущего».

ОТКУДА ПОШЛА СЛАВЯНСКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

В неповторимый мир Древней Руси вводят нас былины. Красуются в нем славные города Киев и Новгород с белокаменными храмами; бушует народное вече; стучат мечи богатырские, и свистят каленые стрелы; стоят на страже родной земли богатырские заставы; звенят гусли, и сказитель поет славу своему времени.

Былины отразили напряженные события и создали исполинские характеры, которые вызывают восхищение и по сей день,— Илья Муромец и Святогор, Василий Буслаев и Алеша Попович, Микула Селянинович и Добрыня Никитич. Любовь к родине, сознание красоты и большой будущности отчизны — все это есть в былинах. Но былины раскрывают не только героические события и героические характеры, они содержат свидетельства о жизни людей в ту эпоху, и перед нами довольно полно предстают их быт, нравы и обычаи.

Не обошли былины и такого важного вопроса, как грамотность героев, распространенность образования вообще... И это не удивительно — ведь они повествуют о временах, когда на Руси были распространены письмена на бересте, то есть о временах довольно широкого внедрения в народ умения читать и писать.

Итак, умел ли читать и писать Илья Муромец? А другие богатыри? Заглянем в текст былин, посмотрим, что в них говорится по этому поводу...

...По дороге в стольный Киев-град Илья Муромец делает остановку, срубает сырой дуб и ставит часовенку. А на часовенке пишет: «Ехал такой-то сильный могучий богатырь, Илья Муромец сын Иванович». А ведь перед этим в былине подробно излагается, что Илья — крестьянский сын, «из беднова положения и от бедных от родителей от трудящих».

Для сочинителя былины, таким образом, вполне естественно, что крестьянин умеет писать.

В другой былине («Три поездки Ильи Муромца») повстречался ему «горюч камень», на котором «подпись подписана»:

А в дороженьку ту ехать — убиту быть,
Во другую ехать — женатому быть,
Да во третью ту ехать — богату быть.

Илья Муромец, как следует далее из текста, надпись эту прочитал без всякого затруднения. С аналогичными надписями сталкиваются и другие богатыри, в том числе и Саул Леванидович.

В былине «Алеша Попович и Тугарин» Алеша видит камень придорожный и говорит своему спутнику:

Ай ты, братец, Еким Иванович!
В грамоте поученый человек —
Посмотри-то на камне подписи,
Что на камне-то написано?

Как о самом обычном деле былины поведали о грамотности Владимира. В былине «Илья Муромец и Калин-царь» рассказывается, как Владимир получил грамоту посыльную, «да и грамоту ту распечатывал и смотрел, что в грамоте написано», а потом сам садился за ответ царю Калину. В других былинах Владимир поручает писать ответы своим приближенным.

...На Киев идет Идолище Поганое. Князь Владимир обращается к Добрыне Никитичу, у которого «рука легка» и «перо востро», с такими словами:

Ты бери-тко скоро чернил, бумаг:
Ты пиши-тка ярлыки скорописчаты.

Писать, как уточняется в былине «Камское побоище», надо и могучим русским богатырям — Самсону, Дунаю, Свя-

тогору, Ремяннику, Пересмете, Пермяку, «брателкам» Петровичам и «брателкам» Сбродовичам, Иванушке, Гавриле Долгополому, Потыке и Алеше Поповичу. Следовательно, все они умели и вполне свободно читать. Когда Добрыня выполнил просьбу князя, то с «ярлыками скорописчатыми» во все концы «святой Руси» был послан Михайло сын Игнатьевич. Он положил их «в сумочку, в котомочку». И доставил послание к богатырю Самсону, а тот «скоро все распечатывал, прочитывал».

В былине «Глеб Володьевич» письмо князю пишут из Корсуни корабельщики. Интересно уточнение — «...купили они чернил, бумаг». Круг грамотных расширяется, это уже не только князья, их дружинники и крестьяне, но и корабельщики.

А вот Садко, перед тем как идти в синее море, к царю морскому, просит свою «дружинушку хоробрую» принести ему «чернильницу вальячную», «перо лебединое», «бумаги гербовой», чтобы составить завещание. У него, у Садко, все дорогое, необычное — и перо, и чернильница, и бумага.

Где, как и чему учились былинные герои? Добрыня Никитич, человек исключительного «вежества», начальное образование получил дома от матушки Амелфы Тимофеевны. Когда ее чаду любимому исполнилось семь лет, она «присадила его грамоте учиться». С семи лет приступил к учебе и новгородец Василий Буслаев:

Стали его, Васильюшку, грамоте учить,
Грамота ему в наук пошла,
Посадили его, Васильюшку, пером писать,
И письмо ему в наук пошло.

Здесь указан обычный для древних русских школ порядок: сначала обучали чтению («грамоте»), а потом письму. Учился Василий и пению.

Любопытна и такая деталь: Василий Буслаев «писал яр-

лыки скорописчаты и рассылал те ярлыки со слугой па те улицы широкие и на те частые переулочки», а «грамотные люди шли, прочитывали те ярлыки». Былина непосредственно свидетельствует о широком распространении грамотности среди городского населения. Ведь Василий твердо убежден, что его «ярлыки скорописчаты» будут прочитаны прохожими. Профессор В. Янин утверждает, что «ярлыки» — это берестяные грамоты.

Не редкость на Руси — отмечают былины — и образованные женщины. Об Амелфе Тимофеевне уже упоминалось. А вот былина «Василий Игнатьевич и Батыга». В ее зачине рассказывается, как «турица златорогая» вместе с турами и турятами разошлись в чистом поле под Киевом. Туры увидели диво-дивное на городской стене и так говорят об этом турице-матушке:

...А по той стене по городовыи
Ходит-то девица душа красная,
А на руках носит книгу Леванидову,
А не столько читает, да вдвое плачет...

Надо думать, что сказания, былины, песни верно отражают характерную черту русской жизни: образование, тем более грамотность не представляли большой редкости.

Но когда и где возникла славянская письменность? Когда появились первые книги, литературные произведения, первые читатели и библиотеки? Есть ли, кроме фольклорных, какие-либо источники, документы? Такие документы, такие источники существуют.

Прежде всего вспомним кратко о возникновении письменности на Руси. Удивительно, но долгое время господствовало убеждение, что она пришла к нам вместе с христианством в конце X века. Однако постепенно стали накапливаться материалы, опровергающие такое представление.

...Старейшим сообщением о наличии письмен у древних

славян считают «Сказание о письменах» черноризца Храбра, болгарского монаха, жившего на рубеже IX—X веков. В «Сказании» Храбр утверждает, что до принятия христианства славяне книг еще не имели, но пользовались для гадания и счета «чертами и резами». (Черты и резы — примитивные пиктографические и счетные знаки). И еще: задолго до введения азбуки братьев Кирилла и Мефодия славяне умели записывать свою речь. Каким образом? Оказывается, латинскими и греческими буквами, но безо всякой системы, «без устроения».

Далее, во время путешествия в Хазарию Кирилл останавливался в Крыму, в Корсуни. Здесь у одного русина он увидел евангелие и псалтырь с «русьскими письменами». Кирилл вступил в разговор с русином и, прислушавшись к его языку, сопоставил его со своим собственным болгаро-македонским и вскоре начал читать и говорить по-русски.

Нельзя всерьез предположить, что целые книги были написаны «чертами и резами». Гипотез высказывалось несколько, но наиболее вероятной признают выдвинутую впервые И. Срезневским. Согласно этой гипотезе, книги, найденные в Корсуни, были написаны «протокирилловским» письмом. Короче говоря, «русьскими письменами», применявшимися нашими предками еще в IX веке, были греческие буквы. О путешествии к хазарам через Крым мы узнаем из жития Кирилла, составленного в конце IX века.

Возникает вопрос: зачем понадобилось восточным славянам переводить в дохристианское время христианские богослужебные книги? Потому и сведения о «русьских письменах» считались позднейшей вставкой. Однако это сомнение было довольно убедительно опровергнуто не только тем, что указанное место содержится во всех дошедших до нас 23 списках жития. Дело в том, что в среде восточнославянских племен до официального принятия христианства уже было немало людей новой веры. Византийский патриарх Фотий в по-

слании 867 года сообщает о крещении в начале 60-х годов многих «россов», в том числе целой княжеской дружины. Арабский писатель Ибн-Хордадбег в 40-х годах IX века замечает, что русские купцы в Багдаде «выдают себя за христиан». Эти люди, конечно, нуждались в богослужебных книгах.

Тексты договоров Руси с Византией, относящиеся к первой половине X века, также неопровержимо доказывают, что письменность была распространена до официального «крещения Руси». Уже в договоре 911 года, заключенном Олегом, сказано о привычке русских купцов делать письменные завещания на случай смерти. В договоре 944 года между Игорем и греками говорится о посыльных и гостевых грамотах, которые вручались послам и купцам, отправляющимся в Византию. Грамоты эти удостоверяли мирные намерения приезжающих. Памятниками русской письменности X века являлись, без сомнения, и сами договоры с Византией — ведь их тексты должны были быть зафиксированы и в русском переводе.

Особенно интереспо место в договоре 911 года о том, что Русь и Византия и прежде решали спорные вопросы «не только словесно, но и письменно».

Следует, пожалуй, сослаться и на «Повесть временных лет». При осаде князем Владимиром Святославичем Корсуни (конец X века) один из жителей города по имени Анастасий пустил в стан Владимира стрелу с такой надписью: «Кладези еже суть за тобою от востока, из того вода идет по трубе».

Но все это косвенные доказательства; ни одного памятника русской письменности X века не находилось. Да и особых надежд на то не было. И можно понять радость первооткрывателей, обнаруживших строчку, вернее, всего одно слово, начертанное на корчаге.

...Корчагу нашли летом 1949 года. Тогда археологическая экспедиция под руководством Д. А. Авдусина вела раскопки у деревни Гнездово, недалеко от Смоленска. Здесь когда-то

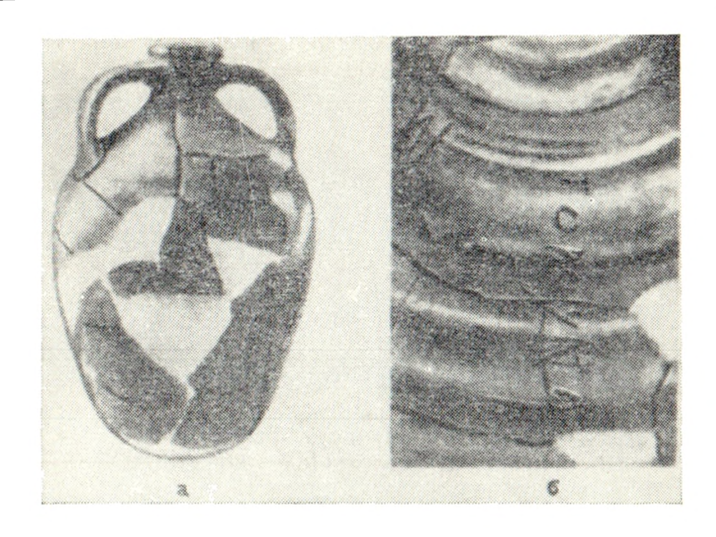
было кладбище кривичских дружинников. Наши предки сжигали трупы умерших, прах помещали в глиняные горшки. Естественно, что это место захоронения привлекало внимание ученых. Впервые раскопки начались в 1874 году, когда были вскрыты 14 курганов. В одном из них погребен воин с двумя рабынями. Рядом воткнуты в землю меч и копье. С тех пор археологи появлялись в Гнездове по крайней мере 20 раз, причем вскрыли более 650 курганов.

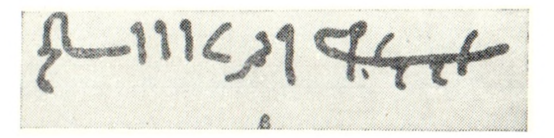
Исследователям попадались мечи, стрелы, копья, кольчуги, шлемы, а также арабские и византийские монеты и украшения.

В сезон 1949 года проникли в 42 кургана, причем самая богатая «жатва» ожидала их в кургане, получившем порядковый номер 13. Он представлял собой песчаную насыпь и имел плоскую вершину. Высота — 1,6 метра, диаметр — 15, окружность основания — 51,5 метра. В толще громадного кострища разрыли свыше 200 различных предметов. Глиняный сосуд, «лепленный от руки», с жжеными человеческими костями и женскими украшениями, стоял в центре. Среди находок — воткнутый в землю меч, рукоять которого отделана серебром, складные карманные весы, гирьки к ним... Во время похорон знатного дружинника было разбито не менее трех сосудов. Черепки, разбросанные на площади диаметром более трех метров, собрали, склеили. Получилась амфора с узким горлом, двумя ручками, круглым дном.

Такие сосуды изготовляли на гончарном кругу и называли на Руси корчагами. У одной из ручек имелся значок, похожий на букву N, процарапанную чем-то острым по сырой глине. С той же стороны — надпись, сделанная уже на обожженной поверхности. Восемь букв, которые сразу были прочтены, составили слово «гороухща», то есть горчица.

Удалось установить примерную дату корчаги — вторая четверть X века. Но если надпись имела торгово-бытовое

Древнейшая кирилловская надпись на глиняном сосуде (а, б).

Одна из нерасшифрованных дохристианских русских надписей, воспроизведенных арабом Недимом (в).

значение, она принадлежала простым трудовым людям. Следовательно, человека кто-то учил грамоте, и учил, видимо, по книгам, которые до нас не дошли.

Академик М. Н. Тихомиров и Д. А. Авдусин в своей статье подчеркивали: «Гнездовская надпись заставляет заново поставить вопрос о распространении письменности на Руси... Она показывает, что грамотность на Руси восходит к начальным десятилетиям X века, причем эта грамотность была кирилловской... Если мы вспомним, что кириллица была распространена в Болгарии, с которой Россия уже в X веке имела оживленные сношения, то ее распространение на Руси представляется нам вполне закономерным явлением».

Слово на корчаге дает возможность определить характер славянской письменности, которую видел арабский путешественник с длинным именем Ахмед Ибн-Фадлан ибн-ал-Аббас ибн-Рашид ибн-Хаммад. Вернувшись в начале X века из далекого, опасного и очень интересного путешествия к волжским болгарам, он описал его. Прежде чем привести сведения из этой книги, кратко — о судьбе ее. Автору не поверили. Один составитель поместил в своей энциклопедии несколько фрагментов из труда Ибн-Фадлана с таким комментарием: «Это ложь с его стороны, и на нем лежит ответственность за то, что он рассказал». Правда, в Средней Азии сохранились отдельные отрывки из книги Ибн-Фадлана в чужих, искаженных пересказах. Автора еще в прошлом веке обвиняли в лживости, считали бесстыдным мистификатором. Потом книгу потеряли. Но вот сравнительно недавно в Иране, в городе Мешхеде, нашли средневековый сборник, посвященный путешествиям. И в нем оказалась большая часть произведения Ибн-Фадлана.

Чрезвычайная ценность его в том, что автор побывал в тех краях, куда никто до него не добирался. Он своими глазами видел жизнь наших предков и воссоздал ее подробно и точно. Ибн-Фадлан был секретарем посольства, которое от-

правилось 21 июля 921 года из Багдада в почти неведомую землю. Этот знатный, но бедный секретарь отличался любознательностью и острой наблюдательностью, он интересовался всем новым и непривычным. Через Иран, в Среднюю Азию до Бухары, оттуда в Хорезм и далее на север... Север страшил арабское посольство. «На каждом из нас была куртка, поверх нее кафтан, поверх него шуба, поверх нее длинная войлочная одежда, покрытая кожей, и бурнус, из которого видны были только два глаза, шаровары одинарные и другие с подкладкой, гетры, сапоги из шагреневой кожи и поверх другие сапоги, так что каждый из нас, когда ехал верхом на верблюде, не мог двигаться от одежд, которые были на нас». А ведь требовалось всего-навсего пересечь Казахстан и попасть на среднюю Волгу.

Весной посольство достигло цели... До недавнего времени представлялось, что в X веке по дремучим приволжским лесам бродили полудикие племена охотников. Ибн-Фадлан рассеял эти представления. Тогда здесь находилось богатое государство. Царь Алмуш сам сопровождал гостей, и Ибн-Фадлан видел в его стране столько удивительных вещей, что не смог перечесть их «из-за множества».

Поразили южанина светлые ночи, когда «красная заря ни в коем случае не исчезает окончательно», необычная земля — «черная, вонючая» и огромные леса; пища тоже необычная: «просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень у них в большом количестве». И жители не похожи на задавленное налогами население халифата: «Каждый, кто что-либо посеял, берет это для самого себя». Необычны и нравы: на приемах жена царя сидит с ним рядом.

Путешествие продолжалось уже несколько месяцев, как вдруг пришла весть, что приплыли руссы... Ибн-Фадлан не мог упустить возможность поближе познакомиться с этими людьми. Русские торговцы — высокие, румяные, белокурые, с голубыми глазами и окладистыми бородами — держались приветливо, но независимо. Они, видимо, прибыли надолго,

построили большие деревянные дома и расположились в них со своими товарами. Двери домов не запирались. Но, пишет Ибн-Фадлан, «если они поймают вора или грабителя, то они поведут его к длинному толстому дереву, привяжут ему на шею крепкую веревку и повесят его на нем навсегда».

Странными были деньги руссов — «серая белка без шерсти, хвоста, передних и задних лап и головы, а также соболь».

Потом Ибн-Фадлан узнал «о смерти одного выдающегося мужа из их числа». И он подробнейшим образом воспроизвел похороны по языческому обряду — сожжение. Ибн-Фадлан смотрел на огонь, и русс, стоявший рядом с ним, сказал ему через переводчика: «Вы, арабы, глупы. Вы берете самого любимого вами из людей и самого уважаемого вами и оставляете его в прахе, и едят его насекомые и черви, а мы сжигаем его в мгновенье ока, так что он немедленно и тотчас входит в рай».

И произошло самое интересное: «Они соорудили нечто вроде круглого холма и водрузили в середине его большую деревяшку белого тополя, написали на ней имя этого мужа и царя руссов и удалились».

Приходится только сожалеть, что арабскому путешественнику не пришла в голову мысль скопировать надпись! Академик М. Н. Тихомиров считает, что «надпись на могиле знатного русса, умершего на Волге, могла быть сделана кирилловскими буквами». Ведь Ибн-Фадлан ведет речь о том же времени, к которому относятся гнездовские курганы.

Ценно свидетельство и другого арабского ученого — Ибн эль Недима. В труде «Книга росписи наукам» он не только упомянул о наличии у наших предков письмен, но и оставил образец. Причем отвел этой теме специальный раздел. «Мне рассказывал один, на правдивость которого я полагаюсь,— пишет Ибн эль Недим, имея в виду 987 год,— что

один из царей горы Кабк (Кавказ) послал его к царю руссов; он утверждал, что они имеют письмена, вырезаемые на дереве. Он же показал мне кусок белого дерева, на котором были изображены, не знаю слова или отдельные буквы». Вслед за этим в книге помещалась копия текста.

В русской летописи от 986 года сообщается о посольстве хозарского когана к киевскому князю Владимиру. Именно с этим посольством мог прибыть на Русь и кавказский посол. Возникают два предположения: во-первых, оригинал недимовской надписи был выполнен в год пребывания этого посольства в Киеве и, во-вторых, то могла быть «охранная грамота» — своего рода посольский документ.

Русским исследователям «показания» Недима стали известны в 1836 году. Они лишний раз подтверждают, что еще до введения христианства руссы имели какую-то письменность. Но пока расшифровать надпись не удалось: по своей графике она отличается и от греческой, и от латинской, и от глаголической, и от кирилловской азбуки.

Зато всевозможных гипотез было высказано немало. Одни ученые стояли за то, что это искаженная переписчиком арабская вязь, но это маловероятно. Другие вообще сомневались в ее подлинности и принимали за выдумку. Пытались найти общие черты со скандинавскими рунами, с древними буквами Синайского полуострова, с символами славянской глаголицы. Выдвигалась мысль, что это — не надпись, а простые рисунки или пиктографическая маршрутная карта с обозначением рек, гор, лесов. Кто-то прочел имя «Святослав», а кто-то — фразу «Славянин с Руси», но такие догадки казались не очень убедительными.

Вызывает спор и то, на чем была первоначально выполнена надпись, срисованная любознательным арабом. Она была вырезана на доске, таково мнение некоторых ученых, так же как долговые обязательства Древней Руси. Нет, возражают им, она начертана на коре дерева, подобно «лубяным» документам. А может быть, на бересте?

В настоящее время большинство специалистов — советских и болгарских — считают образец Ибн эль Недима славянским письмом типа «черт и резов».

Как бы там ни было, надпись эта свидетельствует о существовании на Руси дохристианской письменности. Расшифровка ее продолжается. И успех откроет еще одну тайну из жизни людей того далекого прошлого.

В заключение упомянем еще несколько фактов. Арабский писатель Эль Массуди (умер в 956 году) в труде «Золотые луга» утверждает, что он обнаружил в одном из русских храмов пророчество, выбитое на камне. А персидский ученый Фахр ад-Дина (начало XIII века) сообщал, что хозарское письмо «происходит от русского».

Таким образом, не вызывает сомнения, что письменность у славян, в том числе и у восточных, возникла довольно рано. «Отнюдь не явилось бы смелым предположение о принадлежности каких-то форм письменности уже руссам антского периода» (т. е. примерно VI век н. э.),— высказал свою точку зрения академик С. П. Обнорский. Древнейшее славянское письмо могло быть лишь очень примитивным, типа «черт и резов» — простейших счетных знаков в форме черточек и зарубок, родовых и личных знаков, маршрутных схем, календарных заметок... Такое письмо совершенно не пригодно для более сложных документов — военных и торговых договоров, богослужебных текстов, исторических хроник. Для этого славяне использовали греческие и латинские буквы по крайней мере в течение двух-трех веков, постепенно приспосабливая их к передаче фонетики своего языка. Вполне возможно, что у разных племен письмо было различным.

Упорядочили славянскую азбуку просветители Кирилл и Мефодий.

862 год. В византийский Константинополь прибыло посольство от моравского князя Ростислава. Моравские племена, жившие в бассейнах рек Лабы, Влтавы и Моравы, в начале IX века объединились, создав Великоморавское княжест-

Страница из древнейшей глаголической рукописи — «Киевских листков» (начало X века).

Обрѣте же тоу евангелие и ѱалтырь роушькыми писмены писано, и человѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдова с нимъ, и силоу рѣчи приимъ, своеи бесѣдѣ прикладая различная писмена, гласная съгласная, и къ богоу молитвоу твора, вьскорѣ начатъ чести и сказати, и мнози ся емоу дивляхоу, бога хваляще.

Текст «Паннонского жития» Кирилла, рассказывающий о находке Кириллом русских книг в Херсонесе (Корсуни).

во со столицей в Велеграде. При Ростиславе княжество, отразив военный поход Людовика Немецкого, добилось полной самостоятельности. Однако немецкие феодалы хотели заручиться поддержкой католической церкви для своих захватнических устремлений. В те времена европейские народы переходили в христианство по греческому или римскому образцу. Германия исповедовала римский канон, при котором богослужение велось на латинском языке. И моравский князь опасался принимать веру своих воинственных соседей. Вот почему он искал помощи у Византии... Между Византией и Римом шла ожесточенная борьба за сферы влияния. И Моравия из двух зол выбрала меньшее.

Представители моравов в Константинополе на специально созванном совете попросили императора Михаила и патриарха Фотия прислать к ним проповедников, чтобы о христианстве населению рассказывали на славянском языке. В Моравию решено было отправить Кирилла и Мефодия.

Братья родились в Македонском городе Солуни, в семье крупного военачальника. Уже с детства Кирилл полюбил науку. В короткий срок он изучил грамматику, диалектику и риторику, арифметику и геометрию, астрономию и музыку, а также, как говорится в его жизнеописании, Гомера и «все прочие эллинские художества». Он хорошо владел славянским, греческим, латинским, еврейским и арабским языками. Такие разносторонние знания он получил благодаря тому, что учителем его был Фотий, превосходивший по уму и образованности едва ли не всех своих современников. Отказавшись от предложенной ему административной должности, Кирилл занял скромное место патриаршего библиотекаря. Потом он преподавал философию, успешно участвовал в диспутах, что принесло ему известность. Начиная с 50-х годов IX века император Михаил, а затем патриарх Фотий посылают его в разные страны с религиозными миссиями. Кирилл побывал в Болгарии, Сирии, совершил поездку к хозарам. Его старший брат рано поступил на военную службу,

Кирилл и Мефодий. Миниатюра из Радзивилловской летописи (конец XV века).

долго был правителем одной из областей, а потом стал игуменом монастыря, где усердно «прилежал книгам».

Вот на этих-то братьев и пал выбор.

Кирилл спросил: «Имеют ли моравы азбуку своего языка? Ибо просвещение народа без писмен его языка подобно попыткам писать на воде!» Ответ на заданный вопрос был отрицательным.

Кирилл принялся за дело. Взяв за основу греческое уставное письмо, он изобрел простую и удобную форму для начертаний новых славянских букв. Дополнил азбуку знаками, передающими звуки, свойственные славянской речи и отсутствующие в греческой. Пользуясь этой азбукой, Кирилл с помощью Мефодия очень быстро перевел основные богослужебные книги — всего за несколько месяцев. Объясняется такая быстрота тем, что создавалась азбука не на пустом месте и «русьские письмена», которые видел Кирилл в Корсуни, помогли ему, послужили толчком к упорядочению славянской письменности. Но и при наличии исходных материалов такой труд был под силу лишь очень крупному ученому и тонкому филологу.

Лишь после этого, в 863 году, братья поехали в Моравию (с 863 года ведет свою «родословную» славянская письменность), где развернули бурную деятельность: в Велеграде и в деревнях на богослужениях они читали привезенные с собой книги, выбирали учеников и обучали их славянской азбуке, продолжали переводить греческие труды. Братья сделали многое для распространения в стране славянской письменности и культуры.

Их миссия вызвала резкое недовольство немецкого духовенства, которое, используя все средства — клевету, доносы, подлоги,— пыталось опорочить Кирилла и Мефодия. Их обвиняли даже в ереси — самый надежный в то время метод сведения счетов с противниками. Чтобы защититься, братья едут в Рим и добиваются успеха — им разрешают продолжать начатое...

Длительное и трудное путешествие в Рим, напряженная борьба с непримиримыми врагами славянской письменности окончательно подорвали слабое здоровье Кирилла. В феврале 869 года он умер. Перед смертью, как сообщает «Житие», подозвал к себе Мефодия и сказал: «Мы тянули с тобой, брат, одну борозду, и вот я падаю на гряде, кончаю жизнь свою. Я знаю, ты очень любишь родной Олимп. Смотри же, не покидай даже ради него наше служение...»

На Мефодия, который продолжал благородное «служение» и стоически сохранял свои убеждения, обрушились нескончаемые интриги; его преследуют, сажают в тюрьму, подвергают суду. Немецко-католическое духовенство стремилось запретить в Моравии введенное братьями богослужение на славянском языке, уничтожить славянские книги, остановить развитие славянской культуры.

Вскоре после смерти Мефодия папа римский Стефан V запрещает под страхом церковного отлучения славянское богослужение в Моравии. Ближайших учеников Кирилла и Мефодия арестовывают и после истязаний изгоняют. Трое из них — Климент, Наум, Ангеларий — нашли благосклонный прием в Болгарии.

Здесь они по-прежнему переводят с греческого, составляют различные сборники, прививают грамотность. Болгария, уже достигнув могущества, даже соперничает с Византией. По инициативе царя Симеона, прозванного не без основания «книголюбцем», был переведен «Изборник», дошедший до нас по списку 1073 года, который был изготовлен в киевской книжной мастерской для князя Святослава. При Симеоне появляется и знаменитое «Сказание о письменах» черноризца Храбра. В нем говорится о причинах создания Кириллом славянской азбуки, дается ей характеристика и сообщается о существовании докирилловской письменности у славян. Сохранилось не менее 12 списков «Сказания», древнейший из них относится к середине XIV века. Любопытно, что «Сказание» публиковалось составителями азбук и буква-

рей — Иваном Федоровым и Василием Бурцевым — в качестве приложений.

Как видим, уничтожить дело прославленных просветителей не удалось. Огонь, зажженный ими, не погас. Их азбука начала свое шествие по странам южных и восточных славян. Справедливости ради надо сказать, что помимо кириллицы, в IX веке возникла и другая азбука — глаголица. Вопросы, связанные с ее происхождением, чрезвычайно сложны и пока еще не решены наукой.

Из Болгарии кириллица попала и в Киевскую Русь, и попала, кстати, на благодатную почву. В сложившемся феодальном государстве были все условия для широкого развития культуры. Причем русские ученые-книжники хорошо знали не только «откуда есть пошла Русская земля», но и кто первый начал «составливати письмена азбуковные словенские».

ПЕРВЫЕ
НА РУСИ

Когда слышишь «Древняя Русь», то на память приходят размеренные и торжественные строки наших былин, стихи А. Пушкина о вещем Олеге, изумительная по своей красоте и скромности церковь Покрова на Нерли и величественный собор Софии в Киеве. А Господин Великий Новгород? Так и чудится шум этого города... Вспоминаешь «Слово о полку Игореве», могучих богатырей... Илья Муромец, Василий Буслаев, Садко... И встает в воображении страна со множеством городов и сел, которую издавна так и называли: Гардарик — «страна городов». (Общее их количество ко времени монгольского нашествия приближалось к 300.) О Киевском государстве хорошо знали в Константинополе и в Риме, императоры заключали с ним договоры, миссионеры стремились приобщить его к христианству, а купцы — завязать торговые связи. Ученые-географы Средней Азии и Ирана составляли описание Руси. Нередкими гостями были представители халифов Багдада. И глубоко прав был митрополит Иларион, когда утверждал, что земля Русская известна и славится во всех концах света.

...Уже к концу X века границы древнерусского государства простирались от устья Дуная до дельты Волги, от предгорий Кавказа до Финского залива... Город Тмутаракань стал русским торговым портом на юге, а Новгород — на севере.

Не уступала Русь Западной Европе ни в культуре, ни в образовании.

Характеризуя ее положение в X веке, Карл Маркс писал: «Нам указывают на Олега, бросившего против Византии 88 000 человек и продиктовавшего, укрепив свой щит в качестве трофея на воротах этой столицы, позорные для достоинства Восточной Римской империи условия мира. Нам указыва-

ют также на Игоря, сделавшего Византию своей данницей, и на Святослава, похвалявшегося: «греки доставляют мне золото, драгоценные ткани... фрукты и вина. Венгрия снабжает скотом и конями, из Руси я получаю мед, воск, меха и людей», и, наконец, на Владимира, завоевавшего Крым и Ливонию и принудившего греческого императора отдать ему дочь, подобно тому, как это сделал Наполеон с германским императором. Последним актом он сочетал теократический деспотизм порфирородных с военным счастьем северного завоевателя и стал одновременно государем своих подданных на земле и их покровителем и заступником на небе».

После введения христианства (988 год) в Киевскую Русь начала поступать переводная литература из Византии и Болгарии. Она, эта литература, расширяла кругозор читателя, вызывала интерес к книге, приобщала к чтению, способствовала дальнейшему развитию культуры, знакомила с новыми нормами морали и нравственности, с историческими и географическими сведениями.

Древнерусскому государству сразу же потребовалось много грамотных людей — для работы в администрации, связи с чужими землями, торговли. Судя по летописям, князья того времени не только были знакомы с иностранными языками, не только любили собирать и читать книги. Они проявляли заботу и о создании школ. Первые учебные заведения возникли при Владимире Красном Солнышке. Именно он велел отбирать «у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное». Надо иметь в виду, что «лучшие люди» — это верхушка феодального общества, но никак не холопы, смерды или ремесленники.

Ярослав Мудрый тоже приказал учить 300 детей. По мнению современных исследователей, это были школы высшего типа — своего рода университеты. Они давали знания по философии, риторике, грамматике. В Киеве существовала женская школа, где обучали «писанию... пению, швению и иным полезным ремеслам».

Все больше и больше становится людей, «насытившихся сладостью книжной». А «для продолжения и углубления образования, а также и для самообразования,— указывает академик Б. Д. Греков,— служили библиотеки. Они были введены в русские монастыри вместе со Студийским монастырским уставом. Библиотеки находились в ведении особого брата-библиотекаря. Братия по его распоряжению должна была являться в определенные часы для чтения книг. Были свои библиотеки и архивы при соборных храмах в Киеве, Новгороде, Полоцке, Ростове...»

В летописи сохранились строки, правда, весьма лаконичные, о создании на Руси первой библиотеки при Ярославе Мудром, который всей душой отдался любимому делу Эту его черту выделил летописец, когда не без уважения заметил: «Сам книги читал».

Ярослав собрал «писцы многы» и вместе с ними стал переводить тексты с греческого на славянский. Эти книги, а число их было весьма внушительно, хранились в каменном Софийском соборе, и на них воспитывались целые поколения. Итак: «В лето 1037 заложил Ярослав град великий, у этого же града Златые врата. Заложил и церковь Святой Софии... И к книгам прилежал, читая их часто ночью и днем. И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык, и списали они книг множество, ими же поучаются верные люди... Ярослав же, книги многие написав, положил в церкви Святой Софии, которую создал сам».

Однако книжные собрания возникали до Ярослава. Например, отец его Владимир Святославович, по утверждению летописца, «любил словеса книжные».

К сожалению, какими-либо данными о сокровищах Софийской библиотеки в Киеве мы не располагаем, знаем только, что книг было «множество». А сколько? В разное время делались попытки хотя бы приблизительно определить ее фонд. Некоторые исследователи в прошлом веке утверждали, что он насчитывал великие тысячи книг рукописных

и разных драгоценных манускриптов, писанных на разных языках.

Историк русской церкви Е. Голубинский определял такое число — 500 томов. Сейчас высказывается мнение (в общем, ничем не подкрепленное), что о сотнях говорить не приходится.

Думается, правильнее предположить (без указания точной цифры), что в Киевской Софии имелись основные произведения Древней Руси, как переводные, так и оригинальные. Фонд этот непрерывно увеличивался. Ведь работа, начатая Ярославом Мудрым, продолжалась и позднее.

Что же читали наши предки, что могло быть в княжеской библиотеке, кроме богослужебных книг? Охотно читали апокрифы — полурелигиозные, полулегендарные, не признанные официальной церковью: повести, романы, исторические хроники. Слово «апокриф» означает «тайный», «сокровенный». Апокрифы пользовались успехом на протяжении столетий. В «Братьях Карамазовых» у Достоевского Иван Карамазов говорит: «Есть, например, одна монастырская поэмка (конечно, с греческого) «Хождение Богородицы по мукам», с картинами и со смелостью не ниже дантовых». Широко распространялись и различные «жития святых» — это своего рода тогдашняя серия «Жизнь замечательных людей». Многие из них послужили образцом и для древнерусских писателей, и для писателей позднейшего времени. Некоторые рассказы А. Герцена, Л. Толстого, Н. Лескова, В. Гаршина представляют собой обработку житийных произведений. Вначале на Руси, естественно, были лишь переводные жизнеописания. Потом они стали создаваться на собственном русском материале. Так появились жития Бориса и Глеба, Мстислава и Ольги, Феодосия Печерского, воплотивших в себе идеал подвижников земли русской. Позже жития включались в сборники — «Прологи», «Четьи-Минеи», «Патерики»... Имелись сочинения энциклопедического характера — «Изборники», «Шестидневы», «Физиологи». В них содержались

философские, исторические, географические, астрономические сведения. Их познавательная ценность, несмотря на богословскую окраску, была значительна.

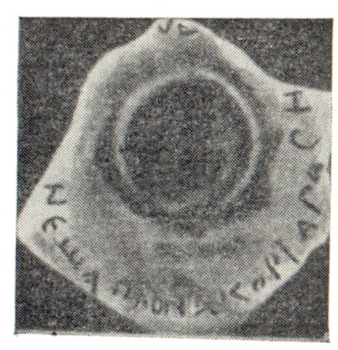
Большую популярность завоевали «Повесть о разорении Иерусалима», «Повесть об Акире Премудром» (советнике царя Ассирии), «История иудейской войны» Иосифа Флавия, историческая «Хроника» Георгия Амартолы (Н. А. Мещерский назвал перевод «Хроники» подлинным «поэтическим переложением»).

С XI века на Руси создается и своя оригинальная литература. При Ярославе Мудром начала составляться подробнейшая летопись. Для этого тоже ведь нужен был обширный материал. Древнейший летописный свод не сохранился, его гипотетически восстановил А. А. Шахматов. Первый труд по истории русского народа глубоко патриотичен.

К правлению Ярослава относится и еще одно произведение, дошедшее до наших дней,— «Слово о законе и благодати». Написано оно митрополитом Иларионом, талантливым книжником. По содержанию «Слово» возвеличивает принятую Русью христианскую веру, восхваляет князя Владимира и обращается к Ярославу как преемнику славных дел отца. Очень скоро «Слово» распространилось в других странах, в частности у южных славян.

Личность Илариона заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько подробнее. Его творчество до сих пор привлекает внимание ученых разных специальностей — историков, филологов, книговедов, философов. И все они, с разных точек зрения, высоко оценивают деятельность этого просветителя, отмечают его большой вклад в развитие древнерусской культуры. Так, «Слово о законе и благодати», по мнению Н. К. Гудзия, является «блестящим показателем высокого уровня литературного мастерства, какого достигла Русь в пору раннего расцвета ее культуры». В «Истории русской философии» говорится, что «Иларион стремится теоретически обосновать государственную самостоятельность и междуна-

Надпись на глиняной амфоре (XI век).

Подготовка книжного фонда библиотеки Киевской Софии. Миниатюра из Радзивилловской летописи.

родную значимость русской земли». Наконец, в содержательном исследовании Н. Н. Розова «Книга Древней Руси» читаем: «Человеком широкого кругозора, мудрым, смелым политическим деятелем представляется, как по сохранившимся биографическим сведениям, так и по своим произведениям, древнерусский книжник, один из основоположников русской литературы».

Существует и несколько оригинальных гипотез относительно Илариона. Предполагают, что именно он, вместе с Ярославом, стал инициатором сооружения Софии Киевской. И в этом храме — самом тогда величественном и роскошном — произнес свое «Слово». Можно думать, что Иларион был среди тех книжных людей, которых Ярослав Мудрый собрал вокруг себя. Считают далее, что он причастен к начальному русскому летописанию и к составлению «Изборника» 1076 года. А вот один из штрихов его биографии: упоминаемый Нестором в житии Феодосия Печерского «черноризец Ларион», который был «книгам хитр писати», может быть, и есть Иларион — в прошлом митрополит Киевский. После «разжалования» он, видимо, окончил свои дни простым монахом Киево-Печерского монастыря. Возможно, что далеко не все версии справедливы. Важно другое — становление и утверждение в русской литературе одного из первых писателей немыслимо в отрыве от первой на Руси библиотеки, без связи «с тесным кругом Ярославовых книжников», без активного участия в общественной жизни того времени.

Конечно, немаловажно было и то, что Иларион обладал ярким литературным дарованием. «Слово о законе и благодати» впитало в себя большое количество литературных источников, бесспорно имевшихся в княжеском собрании,— книговеды даже сделали их арифметический подсчет. С другой стороны, очень скоро само «Слово» стало источником для заимствований и подражаний. Его часто читали и неоднократно переписывали, включая в разного рода «Торжественники», «Требники», «Служебники»...

Столетие спустя развернулась деятельность другого писателя — Кирилла Туровского, замечательного проповедника. Его «Слова» и «Поучения» по поводу церковных праздников отличаются своеобразным лиризмом и проникновенностью. О Кирилле Туровском современники отзывались так: «Златоуст, паче всех воссиявший нам на Руси». Произведения этого монаха пользовались громкой известностью. Они вскоре вошли в сборники-антологии «Торжественник» и «Златоуст». Даже к лику святых Кирилл был причислен церковью «из соображений национального престижа» как писатель, в искусстве «витиийства» равный своим прославленным греческим предшественникам.

Сам большой ценитель книг, Кирилл Туровский ратовал за их широкое внедрение среди населения, в том числе среди ремесленников. В его «Наставлении» утверждается: «Не говорите: жену имею и детей кормлю и дом устраиваю или князю служу, или власть держу, или ремесло, так поэтому не наше дело чтение книжное, но чернеческое». Таким образом, он хотел видеть в ремесленниках образованных людей.

В этом отношении он следовал за Климентом Смолятичем, который был, по летописи, «зело книжен и учителен, и философ великий». Сам о себе он говорил: «Люди, добивающиеся славы, приобретают дома, села, изгои, сябры, борти, пашни, ляды и старины,— от всего этого я свободен...» Этот древнерусский философ придавал огромное значение «книжным словесам». Он убеждал читателей в том, что книга — «источник разума и мудрости, от которых рождаются добродетели». Климент Смолятич, по свидетельству современников, оставил несколько творений, проникнутых идеями античной философии,— «от Омира, и от Аристотеля, и от Платона». Ортодоксальные церковники упрекали его за то, что он опирается на «язычников».

А вот произведение не монаха-книжника, а государственного деятеля. Это «Поучение Владимира Мономаха» — выдающийся литературный памятник.

Нельзя сказать лучше Евгения Осетрова, много сделавшего для пропаганды национальной культуры: «Драгоценным камнем, ограненным великим мастером — Временем, можно назвать древнерусскую литературу, богатства которой мы еще только начинаем в полной мере осознавать. Год от года глубже мы проникаем в смысл словесности, складывавшейся столетиями, перечитываем забытые или полузабытые литературные памятники и все более убеждаемся в их художественной силе».

Неизбывной художественной силой отличается и «Поучение Владимира Мономаха». С волнением воспринимаются, например, такие размышления философа, политика и воина: «Что такое человек, как подумаешь о нем? Как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма и свет?» Мономах был, безусловно, настоящим художником слова и свободно пользовался образностью. Так, после описания выезда дружины князя с детьми и женами из Чернигова следует сравнение: «И облизывались на нас половцы, точно волки, стоя у перевоза на горах».

Через все произведение проходит призыв «печаловаться» о Русской земле, о ее тружениках, прекратить междоусобные распри и войны. Автор показал идеальный образ князя и хотел, чтобы такими стали его сыновья. Он наказывал своим детям учиться, как учился их дед Всеволод, усвоивший пять языков (латинский, греческий, немецкий, венгерский, половецкий). Да и сам он легко ориентировался в современной литературе.

Любопытна судьба «Поучения», известного сейчас в единственном списке — в Лаврентьевской летописи,— пергаментном, написанном в 1377 году. «Поучение» Мономаха поставлено не на место, врывается в связное повествование «Повести временных лет», между рассуждением о происхождении половцев и рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем. В других летописях текст, раздвоенный «Поучением», читается сплошняком.

Памятник этот открыл в конце XVIII века А. Н. Мусин-Пушкин. С тех пор высказано множество догадок, объясняющих странное расположение «Поучения». Исследователь Приселков пришел к выводу, что раньше летопись начиналась с «Поучения», а потом «какой-то читатель этой ветхой книги, до того как Лаврентий приступил к ее копировке, заметив, что некоторые листы из оторвавшихся от книги листов уже утрачены, желая сберечь от дальнейшей утраты уцелевшие листы, вложил их в случайно открытое место книги. Лаврентий только копировал книгу: он так и переписал текст, как лежали в книге листы». Лаврентьевская летопись хранилась в библиотеке Владимирского монастыря...

Неизменно нравились в ту пору произведения о всевозможных путешествиях. О подобной литературе потомки впервые узнали по «Хождению Даниила», которое выделялось и своими художественными достоинствами. Игумен Даниил провел два года в Иерусалиме и Палестине в самом начале XII века. Этот наблюдательный и способный человек запечатлел не только «святые места». Он четко и выпукло показывает быт жителей, хозяйство страны, отмечает плодородие земель, где «жито добро рождается», размышляет о скотоводстве и рыболовстве, не проходит мимо поразившей его природы.

Даниил хорошо образован, внимателен к культуре других народов, обладает чувством собственного достоинства, закален физически — он «борзо» поднимается в гору, плавает в быстрой реке, ныряет на глубину четыре сажени (8 метров).

Примечательно, что, находясь на чужбине, Даниил постоянно чувствовал себя представителем всей Русской земли, а не одного княжества.

Важно и то, что автор писал «не хитро, но просто», то есть языком, близким к разговорному. Все это привлекало внимание читателей на протяжении нескольких столетий.

«Хождение» послужило образцом для многих наших пу-

тешественников, в том числе и для знаменитого Афанасия Никитина...

Ну и, конечно же, вершиной культуры тех времен является «Слово о полку Игореве», которое В. Г. Белинский назвал «благоуханным цветком русской поэзии» и которое заключало в себе великую патриотическую идею — призыв к единению Руси перед монгольским нашествием.

...Всего два с половиной века отделяют «Слово о полку Игореве» от восьми букв на глиняном кувшине, найденном при раскопке гнездовского кургана. И за этот период была создана целая литература, приобретшая своих читателей и ценителей. Естественно, что лучшие образцы хранились в Киевской Софии; к сожалению, из ее фондов почти ничего не осталось.

И все же (это подлинное чудо!), преодолев девять с лишним столетий, до нас дошли две книги. Вот они.

«Изборник» Святослава 1073 года. Это вторая по древности точно датированная рукопись, оригиналом для которой, как говорилось выше, послужил перевод с греческого для болгарского царя Симеона. Огромная ее популярность на Руси объясняется энциклопедичностью. В «Изборнике» помещены статьи (а всего их более четырехсот) не только богословские и церковно-канонические, но и по астрономии и философии, математике и физике, зоологии и ботанике, грамматике и поэтике, истории и этике.

Это книга большого формата, богато иллюстрированная многокрасочными миниатюрами. В их числе и миниатюра, изображающая князя Святослава Ярославича в окружении семьи,— первый светский портрет, насколько мы можем судить.

Открывается «Изборник» предисловием «От составителя», как сказали бы сейчас. В нем, в частности, говорится: «Великий в князьях князь Святослав — державный владыка, желая объявить скрытый в глубине многотрудных этих книг смысл, повелел мне, несведущему в мудрости, перемену сде-

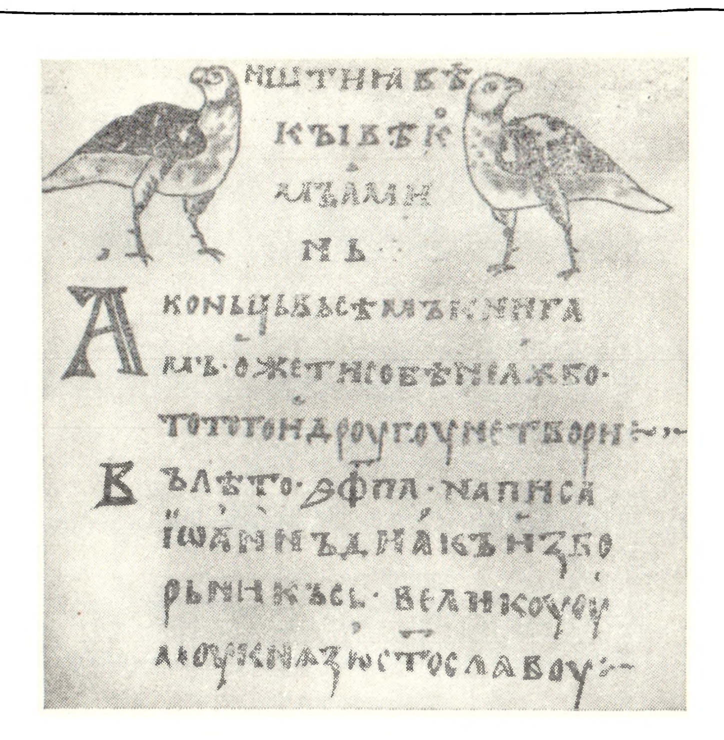

Памятник, поставленный у входа в Софийский собор в ознаменование 930-летия первой русской библиотеки.

лать речей, соблюдая тождество смысла». Что ж, существенное указание по практике перевода.

Есть в конце текста приписка, из которой явствует, что «Изборник» написал «Иоанн диак». И что представляет интерес для нашего повествования, рукопись включала цензурное ограничение, введенное церковью,— индекс: список «истинных» и «ложных» книг. По мнению автора, истинные «добры суть и лепотны». Среди запрещенных — апокрифические книги, отреченные сочинения, легенды, предания народного суеверия. Список примечателен тем, что знакомит с тогдашним кругом чтения, представляет собой как бы библиографический материал.

Вторая книга из княжеской библиотеки — «Изборник» 1076 года, тоже энциклопедического характера. Она небольшого формата и почти без иллюстраций. Основное место занимают поучения о том, какими правилами должен руководствоваться человек в жизни. Причем сборник составлен на основе книжных богатств Киевской Софии; на это прямо указывается — «избрано из многих книг княжьих». Значит, по приведенным фрагментам, ссылкам на источники мы можем судить хотя бы о части фонда. Однако «грешный Иоанн» не просто копировал отрывки для чтения из «отцов церкви», а подвергал их обработке. Кроме того, там содержатся и оригинальные произведения — например, первая статья «Слово о почитании книжном». Русский филолог А. Х. Востоков считал, что она «особенно любопытна, как выражение новопросвещенного славянина». Вот начало статьи: «Добро есть, братие, почитание книжное... Красота воину оружие и кораблю ветрила, так и праведнику почитание книжное». Здесь дан один из древнейших советов по приемам чтения, чтобы наилучшим образом осмысливать написанное: «Когда читаешь книгу, не тщись торопливо дочитать до другой главы, но уразумей, о чем говорит книга и словеса те, и трижды возвращайся к одной главе». Польза чтения подкрепляется примерами. Отцы церкви Василий Великий и Иоанн Златоуст,

«Изборник» 1073 года, послесловие.

а также славянский просветитель Кирилл потому «на добрые дела подвигнулись», что «измлада прилежали к святым книгам».

По мнению академика М. Н. Тихомирова, в подтексте этих рассуждений — мысль о том, что высокие качества личности не «спускаются с неба» в готовом виде, а представляют собой результат постоянных усилий человека.

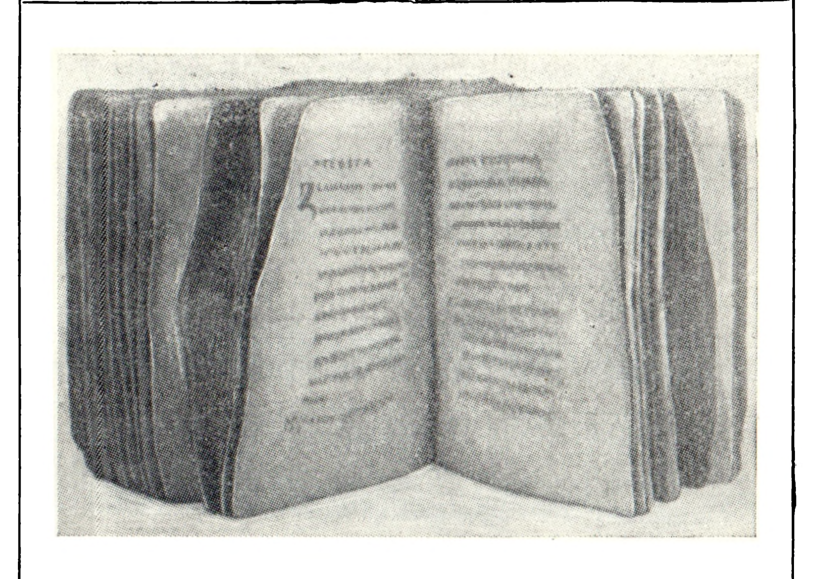
Ученые установили, что «Изборник» 1076 года оказал заметное влияние на «Поучение» Владимира Мономаха, и делают из этого вывод: он находился в княжеской библиотеке до начала XII века. Последующий путь его проследить трудно.

В свое время советский популяризатор М. Ильин сравнивал каждую дошедшую до нас из далекого прошлого книгу с бумажным корабликом, переплывшим бурное море истории. Удивительно точный образ!

Сохранить библиотеку было действительно очень сложно. Вполне вероятно предположить, что Софийский собор насчитывал ряд библиотек; одни гибли, а на их месте возникали новые. В 1169 году, например, Мстислав, сын Андрея Боголюбского, взяв Киев, три дня грабил собор и вывез его сокровища. В 1203 году Софию опустошили половцы в союзе с русскими князьями, и опять пострадал книжный фонд... 6 декабря 1240 года город разорили монголы. Дальнейшая судьба библиотеки неизвестна. Никаких следов ее не найдено. Но, с другой стороны, нет ни одного упоминания о ее уничтожении. Поэтому возможно, что она и по сей день остается в подземельях собора.

А между тем, несмотря на несколько косвенных подтверждений ее существования, до сих пор не было проведено ни одного систематического исследования.

В начале нашего века возле северо-западного угла собора осела почва и показалась галерея, выложенная из камня. В провал спустились несколько любопытных, но вскоре вернулись обратно. На другой день провал засыпали.

Общий вид «Изборника» 1076 года до реставрации.

В 1915 году известный русский спелеолог И. Я. Стеллецкий, долгое время занимавшийся поисками библиотеки Ивана Грозного, обратил внимание на подземный ход, который вел под собор. Однако землевладелец, на чьей территории ход начинался, запретил производить раскопки.

В 1925 году профессор В. Г. Ляскоронский обнаружил около собора огромный погреб, где было найдено много древних вещей. По-видимому, с остальными подземельями погреб не сообщался...

Софийская библиотека была не единственная в Киеве. Обширное собрание книг — русских и греческих — принадлежало Киево-Печерскому монастырю. Многое принесли и оставили мастера, расписывавшие соборную церковь. Книги находились на полатях, на хорах церкви, интенсивно «тиражировались». Обо всем этом рассказал академик Б. Д. Греков.

Братия «должна была являться в определенные часы для чтения книг. Часть братии занималась списыванием книг. При Феодосии в Печерском монастыре был монах Иларион, «хитрый писать книги». Никон переплетал их. А в углу его стола обычно по вечерам пристраивался сам Феодосий и прял нити, необходимые для переплета. Некоторые из братии имели собственные библиотеки. Ученик Феодосия Григорий не имел ничего своего, но не мог удержаться от приобретения книг. У него их стали воровать. Чтобы не вводить воров в искушение, он часть своих книг подарил «властелину града», а другую продал; вырученные деньги роздал нищим. Но тяга к книге не прошла. Он снова стал собирать библиотеку.

Монах Никита, будучи в монастыре, наизусть выучил Ветхий завет. Дамиан не спал ночи и читал книги. Феодосий поощрял «почитание книжное». Книги накоплялись и тщательно хранились. Для литературных работ, выходивших из этого монастыря, они, конечно, были необходимы».

Знаменитый «Патерик Печерский» повествует о том, что «блаженный и благоверный князь Святоша, именем Николай, сын Давидов, внук Святославль» в 1106 году постригся

в монахи и поселился в одной из деревянных келий Киево-Печерской лавры, куда перевез из княжеских хором обширную книжную коллекцию. Коллекция, видимо, и вправду была внушительной, если еще в 20-е годы XIII столетия «Патерик» отмечал, что «суть же и книги его многые и доныне».

Игумен Феодосий ввел у себя устав греческого Студийского монастыря. Отдельный параграф «повелевал» иметь в обители библиотеки, для охраны выделять специального монаха, который в соответствии с монастырскими правилами выдавал бы книги для чтения. «Должно знать, что в те дни, в которые мы свободны от телесных дел, ударяет книгохранитель в дерево (било, подвешенная доска) однажды и собирается братия в книгохранительную палату и берет каждый книгу и читает до вечера. Перед клепанием же к светильничному, ударяет опять однажды книжный приставник и все приходят и возвращают книги по записи. Кто же умедлит возвратить книгу, да подвергнется епитимии».

Заметим, что со Студийского устава скопирована инструкция библиотекарю Троице-Сергиева монастыря.

...Киево-Печерская лавра особенно прославлена тем, что там работал первый историк восточных славян — Нестор, автор «Повести временных лет». Правда, это произведение чуть было не «затерялось» в многочисленных летописях, а имя его создателя чуть было не кануло в Лету. Однако исследователям — пальма первенства принадлежит Татищеву, Карамзину, Шахматову — удалось возродить «Повесть временных лет», очистить ее от наслоений, редакторских исправлений и искажений. Была определена и выдающаяся роль Нестора.

Что мы знаем о его жизни?

Предполагают, что родился Нестор в зажиточной семье, получил хорошее по тому времени образование, с любовью относился к «книжному учению». Позже он скажет, что из книг мы «мудрость обретаем». В библиотеке монастыря со-

хранилось описание его портрета: «Нестор-летописец подобием сед, брада не раздвоилась, на плечах клобук, в правой руке перо, а в левой — четки...»

Достоверно известно, что семнадцатилетним юношей пришел он в Киево-Печерский монастырь, который был одним из крупнейших культурных центров Древней Руси и в котором иноки занимались не только перепиской книг, но и составлением житий русских святых, вели летопись.

На образованность молодого монаха, на его литературные способности скоро обратили внимание. Ему, владевшему к тому же иностранными языками, поручили написать «Чтение о князьях Борисе и Глебе», а затем «Житие Феодосия Печерского». Уже этими произведениями Нестор снискал признание. А потом ему доверили летописный свод.

Приступая к делу — «Так начнем повесть сию» — Нестор привел довольно длинное название, в котором четко определил свою основную задачу: выяснить вопрос о происхождении русского народа и русского государства. Дословно это звучит так: «Се повесть временных лет, черноризца Федосьева монастыря, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве стал первым княжить и как возникла Русская земля».

«Повесть временных лет» Нестор создавал не на пустом месте, а изучив и переработав труды своих предшественников-летописцев, в том числе Никона Великого. Заслуга его, по словам Д. С. Лихачева, в том, что «Нестор связал русскую историю с мировой, придал ей центральное значение в истории европейских стран. Показать Русскую землю в ряду других держав мира, доказать, что русский народ не без роду и племени, что он имеет свою историю, которой вправе гордиться,—такова замечательная по своему времени цель, которую поставил себе составитель повести. «Повесть временных лет» должна была напомнить князьям о славе и величии родины, о мудрой политике их предшественников и об исконном единстве Русской земли. Задача эта выполнена летописцем с необыкновенным тактом и художественным чутьем.

Первый лист «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку.

Широта замысла сообщила спокойствие и неторопливость рассказу летописца, гармонию и твердость его суждениям, художественное единство и монументальность всему произведению в целом».

В «Повесть» включены также географические и этнографические сведения, отрывки из песен и былин, сказаний и легенд. Одну из них поэтически воспроизвел А. С. Пушкин. Это замечательная «Песнь о вещем Олеге». Легенда помещена в летописи под 912 годом, начинается она словами: «И жил Олег, княжа в Киеве, мир имел со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить, решив никогда на него не садиться. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников: «От чего мне умереть?» И сказал ему один кудесник: «Князь! Коня любишь и ездишь на нем,— от него тебе и умереть!»

Ученый прошлого века К. П. Бестужев-Рюмин определил «Повесть» как архив, «в котором хранятся следы погибших для нас произведений первоначальной литературы».

Осведомленность Нестора, его ссылка на многочисленные источники позволяют думать, что многие из этих источников находились в библиотеке монастыря.

Не могут не поражать воображения данные о широком (в смысле географическом) распространении культуры на Руси. Летописи с документальной достоверностью свидетельствуют: не в одном Киеве и Новгороде жили любители книг. В первой половине XI века упоминается училище в Курске (Лаврентьевская летопись). Училище было и в Полоцке, при женском монастыре, основанном княгиней Ефросиньей (XII век). Она же «начеше писати своими руками». В первой половине XIII века Симон, епископ владимирский, утверждал, что собрание его книг сохранялось еще в Печерском монастыре. Ростовский епископ Кирилл (начало XIII века) славился и своим богатством, и книгами. А Владимир Василькович Волынский, «книжник великий и философ, акого же не бысть во всей земли», сам переписывал тексты.

Лист «Повести о разорении Рязани Батыем» из сборника XVI века.

Историк Татищев приходит к выводу, что еще в древнейший период училища были в Галиче, во Владимире Волынском, в Смоленске, где при Романе Ростовском преподавали греческий и латинский. Перечисляет он и ряд библиотек. У Константина, сына Всеволода Большое Гнездо, книжная коллекция насчитывала 1000 томов! Константин организовал училище, которое впоследствии стали называть Григорьевским затвором; при княжеском дворе жили монахи, занимавшиеся переводом с иностранных языков и перепиской книг. Среди ученых в обычае были споры и диспуты.

Библиотека после смерти Константина перешла к училищу. Здесь позже получил образование Стефан Пермский, выдающийся просветитель, и его друг Епифаний, прозванный за свою ученость Премудрым...

Есть в летописи такие строчки: в церквах «клети исполнены книгами», в кельях монастырских «ничего не видно, кроме икон и книг». В каждом боярском тереме — «крестовая палата», в ней под образами — книги.

Об этом же — о широком распространении культуры — свидетельствует и свод произведений рязанской литературы, который составлялся при церкви Николы в городе Заразске (ныне Зарайск Московской области). В составе этого свода, в течение столетий расходившегося по всей Руси во множестве списков, дошла до нас знаменитая «Повесть о разорении Рязани Батыем».

Маленький городок, который и в летописях-то прежде не фигурировал, выдвинул из своей среды выдающегося писателя, чье творчество отличалось большой трагической силой и высокими художественными достоинствами.

Созданная не позже середины XIII века, «Повесть» освещает подлинные события: поражение рязанского войска в битве с монголами, разгром Рязани. Вместе с тем автор использовал и фольклорные элементы. Это, например, рассказ о Федоре, погибшем в ставке Батыя, о и смерти его жены Евпраксии, которая с малолетним сыном Иваном в от-

чаянии бросилась с высокого терема и «заразилась» до смерти (отсюда и Заразск). Фольклорный характер носит и вторая часть — о богатыре Евпатии Коловрате. Эпическим стилем описано сражение, когда один бился с тысячей, а два — с тьмою. Затем — потрясающая картина уничтожения города и его жителей. Трагедия подчеркивается лаконизмом повествования: «И взяли град Рязань месяца декабря в 21 день. И пришли в церковь соборную пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князи, со снохами и прочими княгинями посекли мечами, а епископа и священников огню предали — во святой церкви пожгли, а иные многие от оружия пали. И во граде много людей, и жен, и детей мечами посекли, а других в реке потопили... и весь город пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанское... И не осталось во граде ни одного живого: все равно умерли и единую чашу смертную испили».

Автор любит свою землю, ее людей, воинов, ему кровно близки страдания рязанцев. Но «Повесть» насыщена и общерусским патриотизмом, недаром ее передавали от поколения к поколению. Жила она в памяти народной и в устной редакции.

Литературоведы полагают, что, работая над «Песнью о Евпатии Коловрате», Сергей Есенин, наряду с «Повестью», использовал народно-исторические рассказы, легенды, предания, которые мог слышать в родном рязанском краю. Любопытно, что Есенин демократизирует образ героя: у него он не княжеский дружинник, а человек из народа, кузнец-силач, который встал на защиту «Зарайской сторонушки».

Кстати, «Повесть о разорении Рязани Батыем» вдохновила многих мастеров слова. В. Веневитинов написал поэму «Евпраксия», Л. Мей — «Песнь про боярина Евпатия Коловрата», П. Радимов — «Княгиня Евпраксия». О тех же событиях упоминается и в прозе: В. Ян — «Батый», В. Ерохин — «Евпатий Коловрат», Ю. Вронский — «Злой город», а также некоторые другие.

Сама «Повесть» переведена на многие языки мира.

В конце ее есть разъяснение: «Сие написа Еустафей вторый Еустафьев сын Корсункова на память последнему роди своему». Автор, как предполагают исследователи, сам пережил все ужасы монгольского нашествия.

Завершается «Повесть» восторженной похвалой людям, погибшим за свою землю. «С точки зрения литературной отделки, тонкости литературного рисунка,— замечает Д. С. Лихачев,— похвала эта своего рода образцовое произведение, «шедевр», какой средневековые ремесленники обязаны были выполнять перед вступлением в цех для доказательства своего мастерства. Ее сжатость, отточенность формулировок, ритм синтаксических оборотов, напоминающий повторяемость орнаментальных мотивов, позволяет сравнивать ее с произведениями столь развитого на Рязани ювелирного искусства. Стилистическая выделка этой краткой похвалы доведена до медальонной ценности».

Таким образом, Евстафий из церкви Николы Заразского — выдающийся писатель средневековья. Но чтобы стать им, требовалась хорошая литературная подготовка. По всей вероятности, он был знаком с древнерусской письменностью, знал «Повесть временных лет», читал «Слово о полку Игореве», имел в своем распоряжении и рязанскую летопись, и княжеский рязанский поминальник... И главное — Евстафий хорошо знал народные предания, которые определили идейную направленность его «Повести».

Значит, в маленьком городке у него были под рукой необходимые источники, были условия для работы, были материалы для письма. Трудно представить весь объем книжного собрания при церкви Николы в Зарайске XIII века. Но что такое собрание существовало — не вызывает никакого сомнения.

Советский историк Б. В. Сапунов считает, что за период XI—XIII веков на Руси накопилось не менее 85 тысяч одних

Отрывок из летописи, где сообщается об организации первой на Руси библиотеки.

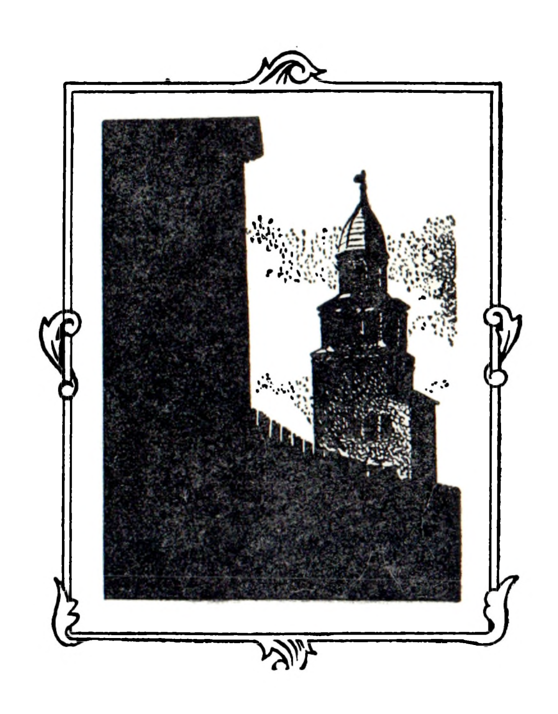
только церковных книг, а «общее количество книг, бывших в обращении в Древнерусском государстве с X века по 1240 год, должно исчисляться порядком сотен тысяч единиц». Это лишний раз подтверждает мысль, что церковь собирала и сберегала прежде всего богослужебные труды для воспитания паствы в духе православия. Что касается литературы демократической, создававшейся с XI века горожанами, ремесленниками и торговцами, то она сохранилась и дошла до нас по чистой случайности...

Подсчитано и число грамотных людей того времени. По мнению Сапунова, не менее двух процентов населения страны владело грамотой, а это приблизительно сто тысяч человек. Вспомним, что при правлении Екатерины II один грамотный приходился на восемьсот человек.

Но в Древней Руси не только эти два процента людей были знакомы с книжностью, с произведениями литературы. Надо помнить, что книги еще и слушались. Тогда были даже специальные чтецы, для которых чтение вслух стало профессией. Сборник «Златая цепь» перечисляет тех «вежей» (знающих), которых можно противопоставить «невежам»: «дьяк или чтец, или чернец, или ерей». Слушали книги в теремах, в городских домах, в монастырях. В житии Антония Сийского сказано: «На трапезе бывает утешение братии великое и чтем житие преподобного».

Академик Б. А. Рыбаков, суммируя все это, заметил, что каждую древнерусскую книгу, да еще зная ее дороговизну, мы должны представлять себе не только как объект поочередного индивидуального пользования, но и как источник общих чтений.

СОКРОВИЩА ГОСПОДИНА ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА

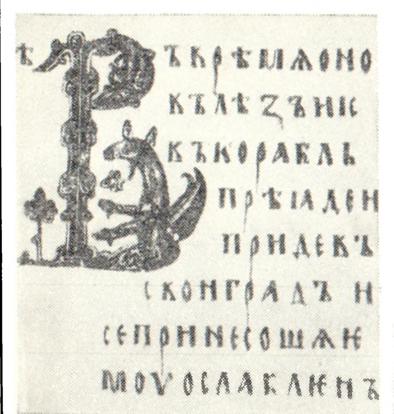

рупнейшим культурным центром Древней Руси был и Новгород Великий. И здесь, правда, книги гибли от многочисленных пожаров, но город избежал монгольского нашествия. Вот почему из общего количества дошедших до нас древнерусских книг XI—XIV веков более половины приходится на долю Новгорода. И прежде всего именно здесь сохранилась первая датированная рукопись — знаменитое «Остромирово евангелие», в 294 листа большого формата, написанное на пергаменте крупным уставом и украшенное высокохудожественными миниатюрами и заставками.

Рукопись была создана для новгородского посадника Остромира, родственника князя Изяслава, дьяконом Григорием. На первом листе — пометка скорописью XVII века: «Софийская», что говорит, как предполагают, о ее принадлежности библиотеке Софийского собора. Евангелие это — подлинное произведение искусства, шедевр, переживший девять столетий. Отличный белый пергамент подчеркивает четкость текста, разделенного на два столбца. Каждая буква, каждый инициал выполнены с удивительным мастерством.

По достоинству оценил безусловную одаренность дьякона Григория В. В. Стасов: «Здесь проявляется столько вкуса, художественного умения, грации, нежных и деликатных сочетаний, что их невозможно относить к работе простого каллиграфа, либо должно признать, что каллиграфы XI века были... отличные живописцы своего времени». (Не отвергая первого положения, все же скорее согласимся со вторым: «Остромирово евангелие» — далеко не единственная такая рукопись в середине XI века.)

На всех трех миниатюрах мы видим изображе-

«Остромирово евангелие», буквица.

«Остромирово евангелие», фрагмент рукописи.

ние письменных принадлежностей, книг, свитков. Перед евангелистом Иоанном — стол, пюпитр с раскрытой книгой; евангелист Лука смотрит в сторону тельца с развернутым свитком; евангелист Марк выводит на странице буквы золотом. Марк обращается к льву, держащему книгу,— она с красным обрезом, с двумя золотыми застежками, с верхней доской переплета, орнаментированной по пурпуровому фону, и с золотыми наугольниками.

Дальнейший путь рукописи весьма извилист. Иван Грозный наряду с другими книгами вывез ее в Москву, где она хранилась в ризнице Воскресенской церкви, «в большом сундуке», как значится в описи. Потом, в 1720 году, по указу «из государственной штатсконтор коллегии» «Остромирово евангелие» отправили в Петербург, и оно нашло себе пристанище в Сенате, а позднее попало вместе с другими рукописями в кабинет Екатерины II. В 1805 году совершенно случайно книга была найдена в гардеробе императрицы. Как и когда она там оказалась — неизвестно. На сей раз «Остромирово евангелие» заняло прочное место в Публичной библиотеке.

Кстати, в 1970 году вышел альбом факсимильно воспроизведенных автографов знаменитых деятелей русской культуры — «Страницы великой культуры от древнейшей русской рукописной книги до первой записи, сделанной советским человеком в космосе». Открывается этот альбом автографом Григория: «Азъ Григорий диакон написах Евангелие се».

Давно нет ни заказчика рукописи Остромира, обладавшего тонким вкусом, ни исполнителей его заказа — дьякона Григория и художников-миниатюристов, а книга осталась нам в наследство как свидетельство высокого мастерства наших предков, как бесценное богатство. И невольно вспоминаются слова древних каллиграфов: рука, державшая перо, истлела в гробу, но написанное живет вечно.

...Новгород в течение столетий накапливал памятники русской письменности. О каждом любителе книг, о каждой

библиотеке, даже о судьбах отдельных произведений, в том числе и связанных с Новгородом, можно рассказать много интересного и поучительного. Вот «Мстиславово евангелие». По припискам в конце, которые сделаны «памяти ради», ученые смогли проследить его путь от «рождения» до наших дней. Евангелие изготовлено неким Алексой по поручению новгородского князя Мстислава (отсюда и название), старшего сына Владимира Мономаха. Золотом писал мастер по имени Жаден. Текст был закончен не позже 1117 года. Далее следует приписка «княжеского тиуна Наслава», относящаяся к 1125 году. Наслав, «недостойный, худой и грешный», совершил путешествие в Царьград, где переплет украсили драгоценными камнями, золотом и эмалями. Отделка переплета, или оклада, была завершена в Киеве. Уже тогда книга считалась драгоценной: «Цену же евангелия сего един Бог ведает...»

Еще одна приписка, теперь уже XVI века (1551 год), гласит, что по повелению Ивана Грозного оклад обновили, а корешок и нижнюю доску обтянули бархатом. Хранилось «Мстиславово евангелие» в Архангельском соборе Московского Кремля, затем в Патриаршей, а после этого в Синодальной ризнице.

С именем Мстислава связана и большая работа над русскими летописями. Летописец князя (некоторые исследователи склонны видеть в нем самого Мстислава) выдвигал роль Новгорода на первый план и внес в свой труд несколько народных преданий. Он же вставил туда «Поучение Мономаха». (Так считал в свое время М. Р. Приселков.)

В XI веке (1047 год) переписал «Рукопись толковых пророков» поп Упырь Лихой. До нас она не дошла, но заведомо существовала в XV веке. Именно в XV веке с нее было снято несколько копий. Все списки очень похожи, и ряд из них воспроизводят запись, сделанную в конце попом. В знаменитую «Геннадиевскую библию» были включены тексты пророков, которые также близки рукописи Упыря Лихого.

Новгород сохранил и вторую датированную книгу Руси — «Изборник» 1073 года князя Святослава. Трудно сказать, как попал «Изборник» в Новгород, но он находился там, пока его не вывез патриарх Никон... П. М. Строев и К. Ф. Калайдович в 1817 году нашли его в Истре, в монастыре Никона Новый Иерусалим. Через 17 лет президент Академии художеств А. Н. Оленин узнал, что лист с изображением княжеской семьи исчез. Оленин известил о пропаже московского митрополита Филарета, который настоял на том, чтобы «Изборник» передали из монастыря в Синодальную библиотеку. Передача состоялась 29 августа 1834 года... Злоключения на этом не кончились. Лист отыскался — какой-то неизвестный человек в конце того же года вручил его министру народного просвещения С. С. Уварову, а тот — Николаю I. Казалось, чего проще — соединить находку со всей книгой. Но нет, царь распорядился отдать ее Оружейной палате. Через 20 лет лист попадает в архив министерства иностранных дел. Ныне «Изборник» 1073 года вместе с изображением семьи Святослава можно увидеть в Государственном историческом музее.

...Древнейшая русская грамота — новгородского происхождения.

Древнейший частный акт — вкладная Варлаама Хутынского — тоже новгородского происхождения.

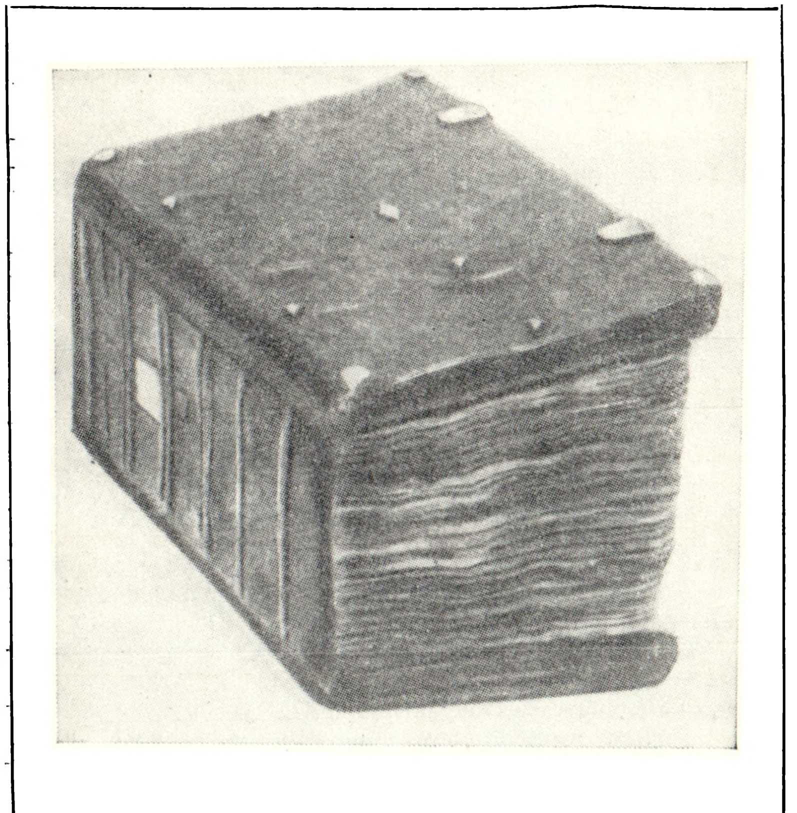
Новгород сберег потомству так называемый начальный летописный свод.

Древнейший список пространной редакции «Русской правды» заключен в «Новгородской кормчей» 1280 года.

В составе новгородской летописи и две уникальные краткие редакции «Русской правды».

Академик М. Н. Тихомиров считает: «...с большим вероятием можно предполагать, что и шедевр русской древней поэзии — «Слово о полку Игореве» — дошел до нас при посредстве новгородского или псковского списка».

А вот математическая рукопись «Учение им же ведати

Общий вид «Синодальной кормчей».

человеку числа всех лет». Написана она в 1134 году рано умершим дьяконом новгородского Антониева монастыря Кириком — человеком выдающимся, «числолюбцем». Кирик — знаток арифметики, историк, тонкий и внимательный наблюдатель неба. В рукописи также задачи на сложение, умножение и пример геометрической прогрессии. Чрезвычайно любопытно, что в работе Кирика нет религиозно-мистических наслоений.

Это первый на Руси труд, затрагивающий вопросы измерения больших промежутков времени. Автор обнаруживает хорошее знакомство с такими понятиями, как «индикт» (15-летний цикл), «лунный круг» (19-летний цикл), «солнечный круг» (28-летний цикл), «великий индиктион» (цикл в 532 года).

По жанру — это средневековый научный трактат. Историк математики Р. А. Симонов попытался восстановить, реконструировать его оригинальный облик (он известен в более поздних списках, самый ранний из них относится к XVI веку). И пришел к выводу, что сочинение Кирика обладало не только хронолого-математическими, но и литературными достоинствами. Первоначальный вариант «Учения» «может рассматриваться в качестве образца... произведения со светской основой содержания, свидетельствующего о существовании определенных литературных норм и требований к композиционному построению «научных трудов» в Древней Руси». В самом деле, у Кирика выпукло представлены систематичность и полнота, упорядоченность и единство логики изложения отдельных частей и трактата в целом.

Известен Кирик и тем, что по поручению новгородского епископа Нифонта переработал местную летопись, усилив в ней демократичность. Утверждалось даже, что Кирик был библиотекарем. Но эта версия, как показал М. И. Слуховский, «принадлежит к числу легенд, которыми изобилует наше библиотечное прошлое».

...Новгородцы оставили нам замечательные географиче-

Общий вид «Минеи» 1369 года.

ские описания. Добрыня Ядрейкович — впоследствии архиепископ Антоний — составил «Хождение в Царьград» незадолго до разорения византийской столицы крестоносцами в 1204 году. Автор принадлежал к высшим кругам феодального общества; это известный политический и церковный деятель Новгорода, его имя не раз встречается в летописях. Поломника заинтересовали царьградские «святыни», произведения живописи, памятники прикладного искусства, церковные обряды. Он понимал толк в иконописи, так как близко стоял к художественной жизни своего города, и разбирает достоинства 17 икон. Добрыню поразили также иноземные ипподром, бани и водопровод. Приступая к книге, он придерживался правила, которое сформулировал великий писатель Древней Руси — игумен Даниил, основоположник жанра хождений: «И яко видех очима своима грешныма, поистине тако и написах».

Краткие, но поразительно яркие зарисовки свидетельствуют о мастерстве и талантливости Добрыни. Его «Хождение», как и многие другие, предназначенные для познавательного и нравственного чтения,— пользовалось большой популярностью. Оно дошло до нас в семи списках (один из них обнаружен в копенгагенской Королевской библиотеке).

Другой новгородец — Стефан — посетил Константинополь в 1349—1350 годах и поведал о его достопримечательностях в рукописи «От странника Стефанова Новгородца». Там есть весьма примечательное сообщение о том, что из Студийского монастыря посылается на Русь много разных книг. Рассказывая о встрече в монастыре со своими земляками Иваном и Добрилой, путешественник отмечает, что они «ныне живут туто, списаючи в монастыре Студийском от книг святого писания, зане бо искусни зело книжному списанию». Возможно, не только это, но и перевод книг на русский язык в Константинополе проводились и в более раннее время.

Новгородскому автору принадлежит и произведение, по-

священное взятию Константинополя крестоносцами в 1204 году. Именно под этим годом оно внесено в летопись. Не говоря уже о том, что в «Повести временных лет» полулегенды о народах «в полуночных странах» записаны со слов новгородцев.

Перечень этот, конечно, можно продолжить. Но и сказанного достаточно, чтобы стал очевиден высокий уровень культуры древнего Господина Великого Новгорода. Книжные богатства в большинстве своем находились в Софийском соборе. Он был построен в 1045—1051 годах сыном Ярослава князем Владимиром. Здесь и сложилась крупная библиотека, настолько крупная, что это вызвало предположение об особом подборе рукописей — «самых древних, самых интересных». Это, разумеется, не так, но коллекция книг здесь, в Новгородской Софии, была, бесспорно, значительной. Сама библиотека была под наблюдением новгородского владыки. Отмечено, например, что архиепископ Климент смотрел в 1276 году соборную ризницу и поручил книги некоему Назарию.

Известно, что новгородской библиотекой пользовались архиепископы Геннадий в XV веке (при переводе библии) и Макарий в XVI веке.

Грандиозным по замыслу было предприятие Макария — создать собрание «всех книг, чтомых на Руси». И он осуществил свое намерение, выпустив в свет знаменитые «Великие Четьи-Минеи». Кроме личных книг и запасов Новгородской Софии, он привлек фонды монастырей — Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоколамского. (Заметим, кстати, что самого Макария называли «вторым Филадельфом, книголюбцем завидным».) Для переписки книг Макарий организовал в Новгороде специальную мастерскую, о чем и сообщил в предисловии к своему собранию. Состоит оно из двенадцати очень внушительных по размеру томов. Самый малый имеет 816 листов, а самый большой — 1759... В общей сложности это свыше 27 тысяч страниц. Чем же они

заполнены? В «Великие Четьи-Минеи» вошли полные и краткие жития, поучения «отцов церкви», «Патерики», сказания, притчи, описания путешествий, «Кормчая», послания, грамоты, сборники «Золотая цепь» и «Пчела», «Иудейская война» Иосифа Флавия и светские повести. Макарий провел унификацию собранных житий, одни из них переработал, другие совсем исключил и т. д.

Предназначались «Минеи» для чтения в храме и дома.

...Слава о библиотеке в Новгороде шла «по всей Руси великой». Сюда приезжали монахи из отдаленных русских монастырей.

Досифей — игумен Соловецкого монастыря — переписывал здесь книги и пересылал их на Соловки, причем выбирал наиболее по тому времени авторитетные. Одна из приписок его гласит: «Книгу сию взял на список у владыки... а писана на харатьи, и есть ей за пять сот лет».

На скопированных рукописях Досифей ставил свой личный знак — древнейший русский экслибрис (1490 год), представляющий собой букву «С», внутри которой идет продолжение: «вященоинока Досифея». Честь этого открытия принадлежит Н. Н. Розову.

До наших дней от новгородской Софийской библиотеки, в отличие от Киевской, осталось множество книг. Из них 1575 томов хранится в Ленинграде. Есть и одна книга от XI века, так называемая «Путятина минея». Переписчик высказался прямо: «Путята писал. Если что неправильно — исправляйте, а не браните».

Организаторами переписки книг в Новгороде были не князья, а «владыки» — архиепископы, на подворье которых устраивались целые мастерские, где трудились группы ремесленников. К такому выводу ученые пришли и на основании изучения приписок. Из 94 известных по именам писцов Софийской библиотеки — 22 монаха, 30 священников и диаконов, 42 не указали своей принадлежности к духовенству. Значит, они были ремесленниками, мирскими людьми.

«Выходные данные» Геннадиевской библии.

Значение книжных сокровищ Новгородской Софии огромно. Достаточно сказать, что ее рукописи легли в основу собрания Воскресенского (Новоиерусалимского) монастыря, основанного патриархом Никоном (XVII век). Более двух тысяч экземпляров увезли в Петербург.

В настоящее время этот фонд тщательно исследуется специалистами различных отраслей знания. И иногда удается сделать неожиданные открытия. Так, несколько лет назад научный сотрудник Публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина Н. Н. Розов при разборе новгородских книг натолкнулся на рукопись, которая не значилась в описи.

...Рукопись испытала на себе влияние столетий: многие листы из середины и конца ее утрачены, переплета нет. Осталось около трехсот страниц. А по содержанию это сборник отрывков из произведений древних авторов. Особую ценность представляют 27 мудрых изречений нравоучительного и сатирического характера. Впервые в истории русской культуры удалось обнаружить специальную подборку афоризмов из различных литературных памятников.

По водяным знакам на бумаге и характеру почерка установили, что книга «издана» в первой половине XV века. Изречения находятся в середине книги, идут непрерывной строкой, лишь заглавные буквы, крашенные киноварью, отделяют одну мысль от другой. На книге — несколько приписок. На первом листе скорописью XVI века: «А сия книга списана быша игуменом Ефимеем Кипрейского острова». Это — самое раннее упоминание Кипра на Руси. Вторая запись: «Сия книга... Юрьевского дворца».

Как выглядела библиотека? Это поразительно, но ее можно осмотреть и сейчас. Она открыта там же, где размещалась прежде,— в длинной анфиладе залов на хорах Софийского собора.

«Реконструированный» фонд насчитывает около тысячи рукописных книг в кожаных переплетах и старопечатных изданий. Есть уникальные, например трактат «Наказ пис-

«Делатель трудился». Рисунок на листе Типографского устава (XIII век).

цам»; подлинные письма Петра I; первый топографический план Москвы на... титульном листе библии; различные лечебники, хронографы и другие.

Обстановка в библиотеке воссоздает атмосферу древности. Здесь даже можно зажечь свечи, и воображение легко перенесет нас в глубины веков, когда летописцы писали о том, что «велика бо бывает польза от учения книжнаго».

* * *

И еще одним мы обязаны древнему Новгороду — тем, что он сберег для нас берестяные грамоты, так называемый северный папирус. Это дает возможность совсем по-другому взглянуть на многие проблемы культурной жизни того времени (и не только культурной!).

Вплоть до середины нашего века господствовало убеждение, что образованность в Древней Руси — удел духовенства и князей. Ремесленники, торговцы, крестьяне в подавляющем большинстве своем прозябали в беспросветном невежестве. Грамотность им вроде бы и ни к чему, да и пергамент баснословно дорог. Кроме того, правящим классам невыгодно обучать простой народ. На первый взгляд все верно. Казалось лишь удивительным, как дикий, темный, неотесанный предок наш возводил великолепные здания, создавал чудесные изделия из железа, обрабатывал золото и серебро, совершал далекие путешествия в заморские страны, строил корабли и умело защищался от многочисленных врагов. Но реальных, весомых доказательств более широкого распространения грамотности не было.

Но вот в 1951 году 26 июля в Новгороде совершилось величайшее открытие: был найден содранный с березы кусок потемневшей коры. И на нем процарапанные, едва заметные буквы. Это — одна из самых больших берестяных грамот. В ней тринадцать строк, каждая по 38 сантиметров. Длина текста, следовательно, пять метров! Речь идет о повинностях ряда сел в пользу какого-то Фомы,

Потом находки берестяных грамот следовали одна за другой. Они убедительнейшим образом свидетельствовали: грамота известна в Новгороде уже с X века. И не только боярам, князьям да монахам, но и купцам, и ремесленникам, и крестьянам. И даже женщинам. Мы будто услышали голоса новгородцев, живших 700, 800, 900 лет назад. Помните, у Ивана Бунина?

Молчат гробницы, мумии и кости,—
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте
Звучат лишь Письмена.

Обнаруженные грамоты — а их общее число более 500 — дали ученым массу нового материала, обогатили наши представления о средневековом Новгороде... В то время о сохранении записок личного, бытового характера никто не заботился. Их просто выбрасывали... В прямом смысле слова — затаптывали. И священник Кирик вопрошал: «Нет ли в том греха — ходить по грамотам ногами...» Влажная почва сохранила их через столетия.

Надо сказать, что и до 1951 года имелись известия о бересте— писчем материале... Уже известный нам Ибн эль Недим в конце X века рассказывал, что он видел у руссов «кусок белого дерева, на котором были изображения». А в описи книг Троице-Сергиева монастыря (XVII век) упоминаются и «свертки на деревце чудотворца Сергия». Это же подтверждает и публицист Иосиф Волоцкий, который отмечал, что в монастыре и самые книги «не на хартиях писаху, но на берестех».

Береста употреблялась в Швеции, в Прибалтике, в Золотой Орде, а также в Северной Америке. В «Песни о Гайавате» говорится:

Из мешка он вынул краски,
Всех цветов он вынул краски
И на гладкой на бересте
Много сделал тайных знаков...

А вот небольшой отрывок из романа Дж. Кэрвуда «Охотники на волков»:

«В этот момент березовая кора внезапно развернулась во всю свою длину, и на столе оказался пресловутый ключ к тайне, в виде какого-то чертежа, по крайней мере в глазах наших охотников».

...Итак, посмотрим на некоторые страницы древнерусских берестяных грамот, послушаем голоса далеких наших предков (а это действительно живая разговорная речь!). Вот две самые ранние, самые древние — изодранные, попорченные (XI век!), и на них выделяется слово «грамота».

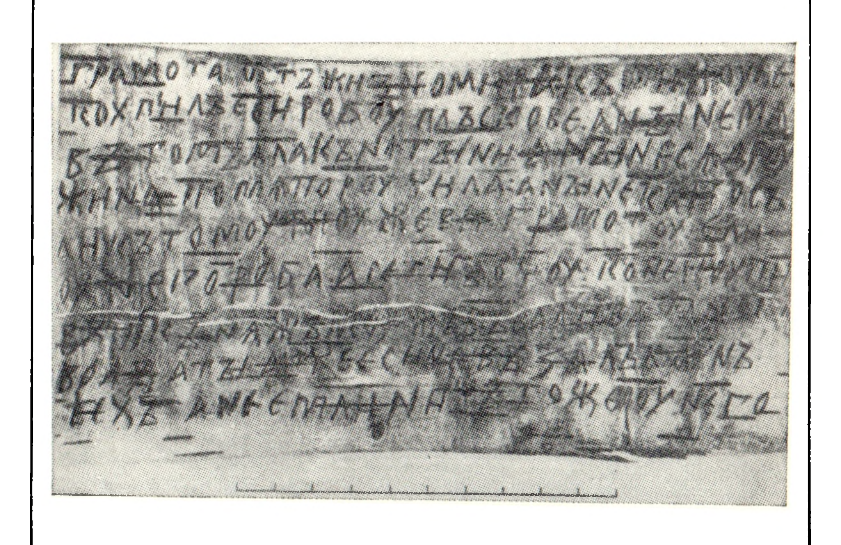
...Автор одного письма просит: «Человеком грамотку пришли тайно», а другой пишет: «Послал я тебе бересту...» Значит, сами новгородцы окрестили исписанную березовую кору грамотами и просто берестой.

Вот «учебная тетрадка» — так назвал А. В. Арциховский школьные упражнения на бересте шестилетнего Онфима. Мальчик изобразил рядом с буквами алфавита сказочного зверя, на другом рисунке — битва, далее опять идут слоги: «ба, ва, га... бе, ве, ге, би, ви...» Написано и нарисовано все это 700 лет назад! Буквы алфавита Онфим запечатлел и на донце берестяного туеска...

На ободке другого большого туеска нацарапана загадка: «Есть город между небом и землей, а к нему едет посол без пути, сам к ним везет грамоту неписаную».

Приказчик Михаил обращается к господину своему Тимофею: «Земля готова, надобе семена. Пришли, осподину, человек спроста, а мы не смеем имать ржи без твоего слова». Вот письмо Бориса к жене Настасье о том, что он забыл дома рубашку.

Грамота, получившая номер 65, примечательна тем, что в ней — самое древнее упоминание рубля: «Ажь водя 3 рубля, прода. Али не водя, нь продай». Датируется грамота 1281—1299 годами. Письмо от Микиты к Ульянице — древнейшая русская любовная записка (XIII век).

Берестяная грамота — письмо от Жизномира к Микуле, повествующее о судебном разбирательстве начала XII века.

Вот просьба крестьян к своему землевладельцу «дать им вольно ходить». Не от веселой жизни! Феодальный гнет буквально душил крестьян. Нельзя без волнения читать эту грамоту: «Поклон от Шижнян Побратиловичей господину Якову. Приезжай, господин, на свои всходы, чтобы дать, господин, семян. Нынче мы, господин, погибли. Всходы померзли. Сеять, господин, нечем, и есть также нечего. Вы, господин, между собой никак не договоритесь, а мя из-за вас погибаем». Просто поразительно, как разнообразен и содержателен материал, заключенный в «русском папирусе»! Как он расширяет наши представления об укладе средневекового Новгорода!

Встречаются на берестяных грамотах загадки и ребусы, упражнения по арифметике и избирательный бюллетень, отчет о судебном заседании и хозяйственные распоряжения, жалобы на семейные неурядицы, список повинностей, литературный текст...

Как правило, по форме, по внешнему виду грамоты представляют собой один «лист», один кусок коры бересты. Но однажды нашим археологам попалась и целая берестяная книжка! И хотя число страниц в ней невелико — всего лишь 12 — это была настоящая книжка с текстом и с виньеткой...

Наконец, археологи смогли связать авторов и адресатов писем с конкретными историческими лицами. Впервые это случилось 6 августа 1953 года, когда они извлекли письмо сыну новгородского посадника Онцифора — Юрию. Это событие Л. В. Янин считает самым значительным после открытия берестяных грамот. И объясняет: «Эта находка впервые слила воедино два мира, до тех пор лишь соприкасавшихся друг с другом,— мир летописных событий русской средневековой истории и мир вещественных, археологических источников».

Потом на стол исследователя легло письмо и самого Онцифора Лукинича — «Челобитие ко госпожи матери от Онсифора...». Он был интереснейшим политическим деятелем XIV века. Его род восходит к знаменитому Мише — сорат-

Запись в «Прологе» 1400 года с «адресом» посадника Юрия Онцифоровича.

нику Александра Невского. Онцифор прославился и как военачальник, и как правитель — им была предложена и проведена реорганизация системы управления боярской республикой. После этого, по словам летописца, «отступился посадничества Онцифор Лукин по своей воле».

Прошли века... И только лаконичные строки летописи хранили сведения об этой яркой личности. Письма Онцифора теперь позволили установить живые черты характера бывшего посадника, человека беспокойного, привыкшего вникать в каждую мелочь, все предусматривать. Из челобития мы узнаем, что кто-то должен отправиться в Торжок. Так вот, по приезде в этот городок коней следует кормить добрым сеном, к житнице приложить собственный замок, а на гумне нужно самолично наблюдать за молотьбой и т. д.

Кстати, установить местонахождение древней боярской усадьбы Онцифора помогла... книга, не адресная, конечно, а богослужебная. Это «Пролог», на последнем листе которого есть пространное разъяснение. Из него следует, что «Пролог» был написан в 1400 году при великом князе Василии Дмитриевиче и новгородском архиепископе Иване для церкви Кузьмы и Демьяна, что на Кузьмодемьянской улице, «повелением боголюбивых бояр Юрия Онисифоровича, Дмитрия Микитинича, Василья Кузминича, Ивана Даниловича и всех бояр и всей улици Кузмодемьяне». Эта приписка и помогла ученым определить, где жил Онцифор. Потом патриарх Никон вывез эту книгу (наряду с другими) в свою библиотеку; сейчас она — в Историческом музее.

...«Письма из прошлого» — берестяные грамоты приносят нам сюрприз за сюрпризом. Вот уже несколько лет в одном из раскопов археологи изучают обширную усадьбу, принадлежавшую в XII веке Олисею Петровичу Гречину — священнику и крупному политику. Этот знатный новгородец, как показали летописи, дважды домогался должности архиепископа. Большинство найденных здесь берестяных грамот были в основном поминания прихожан. Но вот в руках иссле-

дователей оказалась береста (ей присвоили номер 549), где какой-то поп Мина просит Гречина написать иконку. Она начиналась словами: «Поклоняние от попа ко Гречину...» Другая, более поздняя грамота «От попа от Мины ко Гречину» содержит просьбу прислать готовые иконки к Петрову дню. Были найдены эскиз будущей иконы на обороте грамоты, деревянные заготовки, остатки окладов, горшочки со следами краски. Это позволило ученым сделать важный вывод о том, что на территории усадьбы находилась художественная мастерская, а Олисей Гречин был чуть ли не первым русским живописцем. Он творил за двести лет до Андрея Рублева...

В одной грамоте приводятся цифры от единицы до сорока тысяч, в другой — начало цифрового ряда. Эта береста — типично детские «упражнения» — с рисунками, а материалом для нее послужило донце туеска. Находки такого рода, пишет Р. А. Симонов в своей книге «Математическая мысль Древней Руси», «осветили процесс обучения грамоте... о чем конкретно было известно крайне мало».

Всевозможные письма — «от Грикши к Есифу», «от Синофонта ко брату Офоносу», «от Петра к Марье», «от Терентия к Михалю» (оно пришло в Новгород из Ярославля) — раскрывают повседневные дела и заботы наших далеких предков, удивительные жизненные мелочи, о которых не сообщают ни летописи, ни официальные документы.

Познакомимся еще с одной — самой примечательной для нас — берестяной грамотой, получившей порядковый номер 271. Исполненная в XIV веке, изящным почерком, она гласит:

«Поклон от Якова куму и другу Максиму. Купи мне, пожалуйста, овса у Андрея, если продаст. Возьми у него грамоту. Да пришли мне чтения доброго...»

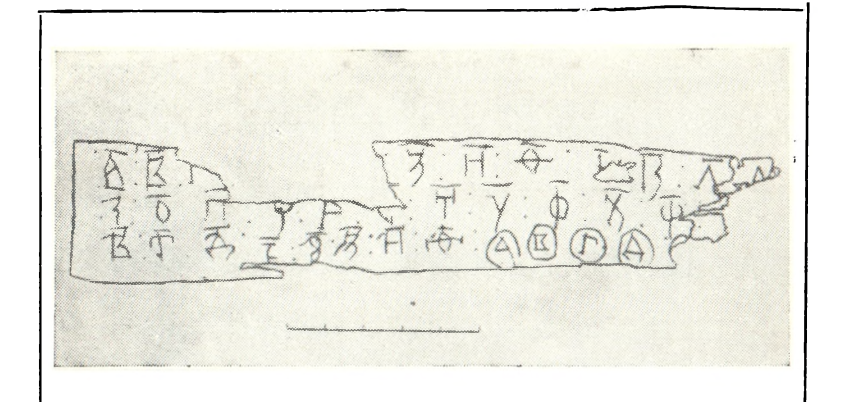
Итак, кроме овса, который следует купить у Андрея, Яков хочет еще и «чтения доброго» — интересную книгу. Какую же? Послушаем по этому поводу В. Л. Янина, одного из руко-

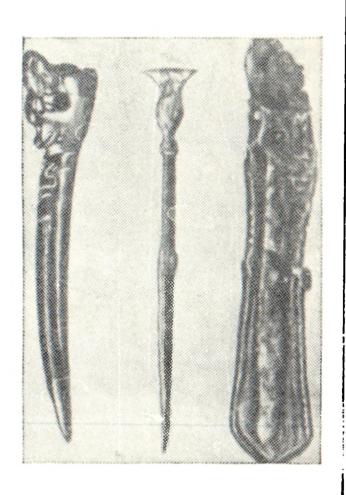
водителей Новгородской экспедиции: «Здесь не может подразумеваться книга богослужебная. Если бы Якову нужна была книга для церковной службы, он точно указал бы ее название, потому что выбор таких книг был строго регламентирован. Якову нужно какое-то занимательное чтение. Может быть, летопись. Или воинская повесть. Или переводная повесть. Или житие какого-нибудь военного, святого, которое для средневекового читателя было тем, чем для современного — приключенческие романы. Максим знает вкусы своего кума и друга Якова и сам решит, какую книгу он выберет, чтобы она понравилась Якову».

Далее в своем произведении «Я послал тебе бересту...» В. Янин продолжает:

«Впервые из этой грамоты мы убедились, что грамотность, широко распространенная в Новгороде, развила у некоторых людей вкус и охоту к чтению. И, между прочим, познакомились с результатами этого процесса. Письмо Якова написано свободно, живым, не связанным языком, изобличая в нем человека интеллигентного. Но это письмо дает важные материалы для характеристики и нашего Максима. Человек, который мог выбрать для своего друга интересную книгу, несомненно, должен был располагать библиотекой таких интересных книг. А это незаурядная деталь».

В Новгороде были найдены письма, поступившие и из других городов. Терентий прислал послание из Ярославля, а Гордей — из далекого Смоленска (начало XII века). Особенно интересна грамота Гордея, который наказывает родителям: «...продав двор, идите сюда в Смоленск или в Киев. Дешев хлеб. Если же не идете,— заканчивает Гордей письмо,— то пришлите мне грамотицы, здоровы ли вы». Исследователи рассматривают этот документ как иллюстрацию к сообщениям летописей того времени о частых недородах в Новгородской земле. От неурожая и голода Гордей отправился на юг, где «дешев хлеб», и зовет родителей, после продажи двора, присоединиться к нему в Смоленске или сразу

Пропись грамоты с изображением цифр от 1 до 40 000.

Орудия письма на бересте. Слева — костяное, в центре — металлическое «писало», справа — кожаный чехол для них.

уезжать в Киев. Дальнейшая судьба Гордея, его отца и матери нам неизвестна, но ясна невеселая картина из жизни новгородцев.

Здесь уместно процитировать стихотворение доктора географических наук Ю. Ливеровского «Новгородская береста», посвященное А. В. Арциховскому.

...Кто первый в Новгород
свою послал бересту?
Кто первый врезал
буквенный узор
не тушью черною
на бархатный пергамент,
где золото
заставками звенит,—
кору березы,
положив на камень
под елями,
летящими в зенит?
Не князь,
не воевода,
не посадник,
не многомудрый черноризец-поп —
простой дружинник, новгородский
всадник,
рыбак,
охотник,
пахарь и холоп!
И сотни лет
в объятьях влажных тлея,
Земля хранила бережно для нас
Онфима, Купры, Дмитра, Фалалея
в бересте запечатанный рассказ.

Потом обнаружилась грамота в Смоленске: «Вывезли бревна, пошли Осташка к плотнику». В древнем Пскове первую грамоту отыскала экспедиция П. Г. Гроздилова. На бересте, которая дошла до нас из Старой Руссы, запечатлено начало завещания: «Се аз раб...» Возраст ее 600 лет.

В Витебске при случайных обстоятельствах — во время

строительных работ, а не археологических раскопок — на глубине трех с половиной метров попалась записка на березовой коре. Это послание «От Степана к Нежилу». Записка неплохо сохранилась, хотя некоторые буквы едва заметны. По подсчетам ученых, ее следует датировать XIII—XIV веками.

Специалисты сумели расшифровать текст и перевести его на современный русский язык. Вот как все это выглядело первоначально: «ожеесипро далопортыакоупимицентаза в гривеноалицеголсинепро далоапослимилицемаалиеси продазая оброс твор ту коупимижита». Не так-то просто человеку, далекому от науки, догадаться, о чем здесь идет речь, тем более что старорусский текст дан без разбивки на слова, нет никаких знаков препинания. Перевод гласит: «Если ты продал одежды, то купи мне на 6 гривен ячменя. А если чего-либо (из одежды) ты не продал, то пошли мне в наличности. Если же продал, то, сделай милость, купи мне ячменя». Видимо, Степан оказался в беде, а может быть, он — ремесленник и поручил Нежилу продать свои товары, а на вырученные деньги купить хлеба...

Всего же берестяные грамоты найдены в пяти древних русских городах: Новгороде, Витебске, Смоленске, Старой Руссе, Пскове. И еще более чем в сорока городах нашлись стерженьки — «писала». Среди них — Москва, Киев, Минск, Старая Рязань, Чернигов, Новогрудок, Старая Ладога. Следовательно, и здесь применялась береста.

Кроме того, известно, что в Таллине до Отечественной войны хранилась грамота с немецким текстом (1570 год); близ Саратова в 1930 году была «раскопана» золотоордынская берестяная грамота XIV века.

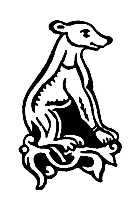
Наконец, в Швеции, в Упсальской библиотеке, в течение четырех столетий берестяная грамота пролежала в древней книге и использовалась в качестве закладки. Правда, текст выполнен чернилами — какой-то монах записал на бересте свои стихи. Однако «натолкнувшийся» на грамоту шведский

ученый О. Одениус считает, что буквы все-таки чаще процарапывали, а не писали чернилами.

Возможны находки берестяных грамот и в других странах Скандинавии, в Англии, Польше...

При публикации первых грамот профессор А. В. Арциховский предсказывал: «Чем больше будут раскопки, тем больше они дадут драгоценных свитков березовой коры, которые, смею думать, станут такими же источниками для истории Новгорода Великого, какими для истории эллинического и римского Египта являются папирусы».

Надежды советского ученого оправдались в полной мере.

ЗАБОТАМИ
СЕРГИЯ
РАДОНЕЖСКОГО

начале сентября 1380 года князь Дмитрий Донской отправился в поход против полчищ Мамая. Достигнув Дона, Дмитрий заколебался: идти ли ему за реку навстречу орде или ждать здесь? И в это время князь получил грамоту, которую доставил ему «борзоходец»: «Без всякого сомнения, господине, с дерзновением пойди противу свирепства их...» Эти слова принадлежали Сергию Радонежскому, основателю Троице-Сергиевой лавры, ближайшему советнику и политическому союзнику Дмитрия Донского. Сергий во многом способствовал великой победе на Куликовом поле своими патриотическими проповедями.

Известно, что, перед тем как выступить в поход, князь Дмитрий заезжал в монастырь к Сергию, который предсказал ему успех и отпустил с войском двух иноков — Пересвета (того самого, что перед битвой вступил в единоборство с Чилибеем) и Ослябю.

Блестящий исход Куликовской битвы развеял представление о непобедимости монгольских завоевателей.

Сергий Радонежский — человек широкого кругозора и большой государственной прозорливости — энергично способствовал объединительной политике московских князей, внес большой вклад в развитие культуры того времени... В «молодом» монастыре возникла вскоре библиотека. Начало ей положил сам Сергий, который в возрасте 23 лет пришел сюда, в дремучий лес — «в пустыню» — с двумя книгами. Историк русской церкви Е. Голубинский заметил по этому поводу: «Нет сомнения, что очень не велика была библиотека четьих книг преподобного Сергия... (псалтырь и евангелие)». В том, что монастырь находился в дремучем лесу (в 60 км от Москвы) — нет преувеличения. В дарственной гра-

Лист рукописи «Жития Сергия Радонежского» с изображением Дмитрия Донского.

моте Дмитрия Донского говорится, что монахам позволяется беспрепятственно ловить в реке Воре выдру, бобра и всякого зверя.

В начале основания монастырь был весьма беден. Общий облик его так описал В. О. Ключевский: «В самой ограде монастыря первобытный лес шумел над кельями и осенью обсыпал их кровли палыми листьями и иглами; вокруг церкви торчали свежие пни и валялись неубранные стволы срубленных деревьев; в деревянной церковке за недостатком свеч пахло лучиной; в обиходе братьев — столько же недостатков, сколько заплат в сермяжной ряске игумена; чего ни хватись, всего нет... случалось, вся братия по целым дням сидела чуть не без куска хлеба. Но все дружны между собою и приветливы к пришельцам, во всем следы порядка и размышления. Каждый делает свое дело...»

Монастырь образовался в то время, когда непрестанные распри удельных князей терзали русскую землю, а монгольское иго тяжелым бременем лежало на плечах народа. Великокняжеская Москва, ставшая инициатором объединения страны, боролась против феодальной раздробленности, собирала силы для отпора врагу. И Москва искала помощи у богатой церкви, поддерживала строительство монастырей. Между 1340 и 1440 годами на Руси основано до 150 новых обителей.

Надо прямо сказать, что красочная картина, нарисованная В. О. Ключевским, могла относиться к самому раннему периоду Троицкого монастыря, первым его годам. И не был он отгорожен от бурных событий. Напротив, активно вмешивался в политику, постоянно был на стороне Москвы. Сергий Радонежский, например, для того чтобы уладить конфликт между великим князем и князьями местными, специально ездил в Ростов и Нижний Новгород. Он же мирил Рязань с Москвой...

И бедность монастыря продолжалась недолго.

Первые привилегии он получил от Дмитрия Донского.

С тех пор стал постоянно расширять свои владения, не останавливаясь перед захватом общинных земель. Уже в XV веке этому феодалу принадлежали обширные территории: пахотные участки, крестьянские дворы с огородами, заливные луга, соляные варницы, рыбные промыслы. Разумеется, братия не могла своими силами вести такое обширное хозяйство — все трудовые повинности легли на плечи закрепощенных крестьян. А к XVIII веку монастырю принадлежало почти 17 тысяч крестьянских дворов, больше, чем имели Романовы и патриарх. Зависели от монастыря и жители близлежащих слобод.

Быстро множились денежные богатства — монахи успешно торговали хлебом, рыбой, солью. Все это лишний раз показывает, что обитель была далека от правила «проводить жизнь в посте и лишениях».

С увеличением экономического могущества монастыря рос и протест угнетенных крестьян. В середине XVIII века волнения проходили во всех его вотчинах.

Вместе с тем лавра становилась и значительным культурным центром, местом производства рукописных книг...

Ефим Дорош в очерке о Загорске указывает, что уже при Сергии в монастыре было по меньшей мере около пятидесяти томов. Любимыми авторами были «писатели, которых следует считать поэтами среди церковных писателей», и можно вообразить «листочки бересты со стихами Григория Богослова, питомца Александрии и Афин, или витиеватыми аллегориями синайского отшельника Иоанна Лествичника».

Сергий одобрял чтение монахов, заботился о приобретении и об изготовлении книг. Постепенно складывалась библиотека, которая особенно быстро стала расширяться при преемниках Сергия. Здесь уместно привести слова В. Лазарева — советского ученого, который заметил, что «культура русского монастыря XV века была далеко не такой примитивной, как это казалось старым исследователям. Творения Василия Великого, Исаака Сирина, Иоанна Лествични-

ка, Дионисия Ареопагита внимательно читались и тщательно комментировались. Отсюда в русскую церковную литературу проникали элементы античной философии — платонизма и новоплатонизма».

В монастырях собирают и переписывают книги, переводят с греческого, болгарского, сербского языков, создают летописные своды.

Не удивительно, что люди, склонные к искусству, философии, литературной деятельности, находили здесь хорошие условия для творчества.

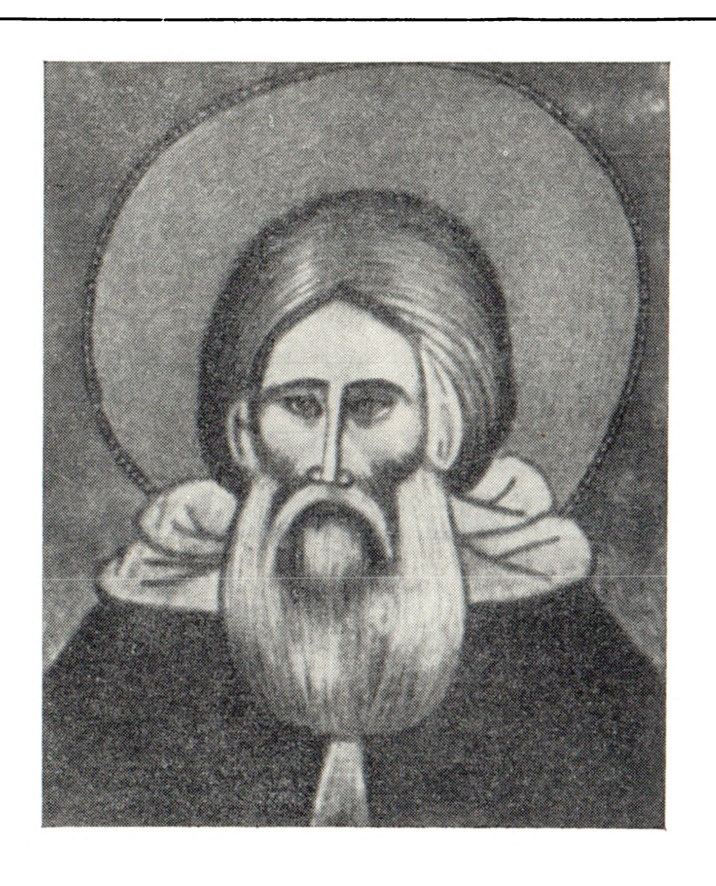
В начале XV века при Троице-Сергиевой лавре действовала специальная мастерская — книгописная палата. Книги украшались заставками, золотыми и киноварными буквами, изящными миниатюрами. Переплеты — тоже подлинное произведение искусства. Например: «Евангелие в десть писменое, на бумаге, поволочено бархатом рытым, цка верхняя серебряна, чеканная, золочена, а на ней четыре камени, два яхонта лазоревы, да кора яхонтовая червчата, да изумруд в гнездах... а застежки на червчатом бархате низаны жемчугом...»

В мастерской выработался специальный «сергиевский» почерк. Отсюда книги расходились по всей Руси.

Сохранился рисунок-миниатюра в рукописи «Житие Сергия Радонежского» XVI века. За длинным широким столом на скамьях с подножьями сидят монахи-переписчики. Перед ними на столе две чернильницы, нож, свернутые свитки и книги. Слева Епифаний — автор «Жития».

К тому же времени относится примечательный документ, раскрывающий «технологию» книгопроизводства, хотя митрополит Макарий ставил себе совсем другую цель. В одной из рукописей Боровского Пафнутьевского монастыря он составил перечень расходов на изготовление одной богослужебной книги. Вначале идут цены на материалы, а потом — плата мастерам. Вот некоторые строки:

«...Доброписцу чернописному, сиречь книжному, сдано две

Портрет Сергия Радонежского.

тысящи сребренец противу трудов его в московское число, живописцу иконному четыреста сребренец, златописцу же, заставочному писцу и статейному писцу тысяща сребренец и четыреста в московское число... Златокузньцем же и сребрекузньцем и сканному мастеру тысяща сребренец и четыреста сребренец московским же числом».

Над книгой, следовательно, трудились: **доброписец черно-писный**, который воспроизводил основной текст; **статейный писец** — он воспроизводил вязь киноварью; **заставочный писец** — его обязанность рисовать заставки и буквицы; **живописец иконный** — он рисовал миниатюры; **златописец** — этот покрывал золотом «статии», заставки и отдельные части миниатюр; три мастера — златокузнец, среброкузнец и сканный — оформляли оклад.

Пользовались птичьими перьями.

Для чернил составляли сложнейшие рецепты, чтобы чернила были «добрые». В ход шли чернильные орешки, дубовая или ольховая кора, вишневый клей или камедь, квас или кислые щи, пресный или кислый мед и, наконец, гвозди или ржавое железо. Согласно одному способу «чернильного становления» — он приводится в рукописи XV века из библиотеки Троице-Сергиевой лавры — рекомендуется мелко истолочь чернильные орешки и просеять их через сито, затем полить кислым и пресным медом и смешать с вишневым клеем, после этого в раствор опустить 12 пластинок железа и поставить сосуд в теплое место на три дня. При этом смесь следует трижды в день размешивать, испытывая ее сладость языком, и процеживать.

История сохранила некоторые имена учеников Сергия, неутомимо занимавшихся «изданием» книг. Например, Афанасий «в божественных писаниях зело разумен и доброписания многа руки его и доныне свидетельствуют» («доныне» — до 1642 года). Другой ученик — Исаак Молчальник (умер в 1388 году) написал «Евангелие в десть, на бумаге» и «Псалтырь в полдесть, на бумаге». На бумаге! До той по-

ры был пергамент. Значит, монастырь покупал бумагу сразу же, как только этот материал проник в русские земли. Самый древний документ на бумаге датируется 1350—1351 годами. Это договорная грамота великого московского князя Семена Ивановича, сына Ивана Калиты, с братьями. А древнейшая из рукописных книг — «Поучения Исаака Сирина» — относится к 1381 году. Она создана в Троице-Сергиевом монастыре.

Книги, принадлежавшие перу (в буквальном смысле) Молчальника, тоже очень древние!

Известны и другие имена. Так, «рукою многогрешного инока Антония» переписаны «Поучения аввы Дорофея» (1414 год); «рукою раба божия Иосифа» — «Диоптра» Филиппа философа (1418 год), «рукою непотребного во инацех Елисея» — «Служебник» и «Требник»; «рукою грубого и худого» инока Варлаама — «Лествица» (1412 год), а вот евангелие 1531 года подписано так: «письмо грешного инока Исаака Бирева».

Но в те далекие времена встречались не только самоуничижительные эпитеты. В книге Иова с толкованием писец Чудова монастыря Александр не без хвастовства бросил вызов: «Да рука то моя люба лиха, и ты так не умеешь писать, и ты не писец» (1394 год). На другой рукописи читаем: «Господи, помоги рабу своему Якову научитись писати, рука бы ему крепка, око бы ему светло, ум бы ему острочен, писать бы ему золотом».

Образ русского древнего писца и летописца дал А. С. Пушкин в трагедии «Борис Годунов»:

Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд, усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет...

Заботами игуменов, трудами мастеров-книжников постепенно пополнялась библиотека монастыря. В 1616 году здесь

была «многобогатая божественных писаний книгохранительница».

Польские интервенты пытались взять монастырь, который уже превратился в грозную крепость. Много месяцев длилась осада. Но незначительное число защитников выдержали ее. В противном случае вряд ли что осталось бы от «многобогатой книгохранительницы».

...Вначале книги располагались в южном отделении алтаря, под присмотром дьяконов. Потом появилась необходимость в особом помещении. По описи 1642 года библиотека находилась при ризничной палате. В XVIII веке на планах лавры она обозначена в башне... В 1783 году переведена в купол трапезной церкви.

К рукописям были приставлены старцы, которые назывались книгохранителями. Должность эта на Руси имеет весьма почтенный возраст и в XVI веке уже довольно распространена. В 1514 году в псковской Елизаровой пустыни был «книгохранитель Осаф», в Кирилло-Белозерском монастыре—«книгохранитель Афонасий». В Троице-Сергиевой лавре это иеромонах Каприан, инок Корнелий, инок Иоаким, инок Константин (все XVI век). Один из библиотекарей — Дорофей (умер в 1614 году) «оставил по себе многи книги своея руки». Антоний Крыло в 1620 году был определен в книжные оправщики при Патриаршей типографии.

Имелось в монастыре и наставление книгохранителю, дошедшее до нас в сборнике XVII века. В этом наставлении говорится: «Прими книгу и прочитай часто знаемое, а неведомого иди к мудрейшим себе вопрошати... Подобает тебе, книгохранителю, по часту книг дозирати и в них разумеваемая чести и досматривати, да еще кто его не ведаешь, и ты вопроси у высшего себе разумом и учением. Та бо мудрость не по старости дается».

При книгохранителе Иоасафе Кирикове в 1642 году была составлена опись 742 рукописям.

Число это весьма значительное для того времени. И биб-

лиотека по праву считалась одной из лучших монастырских библиотек.

О богатстве ее фондов можно судить и по косвенным данным, которые подтверждают, что в распоряжении читателя была весьма разнообразная литература.

Наиболее характерный пример тому — жизнь и творчество выдающегося писателя конца XIV — начала XV века Епифания, прозванного Премудрым. Он дружил с Феофаном Греком, написал «Житие Стефана Пермского», «Житие Сергия Радонежского» и, как предполагают,— «Слово о житии и преставлении Дмитрия Ивановича». Большая часть его жизни прошла в стенах Троице-Сергиева монастыря — 31 год. Из них 17 лет — при Сергии. Монастырь этот с богатой книжной культурой был его духовной школой, здесь получил он образование, которое только пополнил на Афоне. По словам Епифания, выдающегося деятеля Московской Руси, «они с мужами книжными и мудрыми проводили ночи до утра, вникая в смысл различных писаний».

«Житие Стефана Пермского» возникло на рубеже XV столетия. Любопытно отметить, что его автор — сам большой любитель книг — подчеркивает образованность своего героя. Так, уже в Устюге, где протекало детство Стефана, тот выучился грамоте и прочитал все книги, которые смог достать в городе. Подросши, он постригся в монахи в Ростове, чтобы иметь доступ к монастырской библиотеке. Беседовал с каждым «книжнем» мужем и «разумничнем» старцем. В монастыре изучил греческий язык и читал греческие книги.

Через десять лет Стефан отправился проповедником в пермский край, где составил азбуку для зырян, не знавших до того письменности, чем и заслужил славу просветителя. И главное в «Житии» — высокая оценка заслуг Стефана на этом поприще. Епифаний указывает, что пермскую грамоту «един чернец сложил, един сочинил... един в единое время», тогда как греческую, рассуждал он, многие философы эллинские в течение многих лет собирали и создавали...

Свыше четверти века работал Епифаний Премудрый над другим своим произведением — «Житием Сергия Радонежского», продемонстрировав необычайное искусство слова.

«По цитатам в трудах его видно,— заключал В. О. Ключевский,— что он читал хронографы, палею, лествицу, патерик и другие церковно-исторические источники, также сочинения черноризца Храбра. В житии Сергия он приводит выдержки из житий Алимпия и Симеона Столпника, Феодора Сикста, Ефимия Великого, Антония, Феодора Едеского, Саввы освященного, Феодосия и Петра митрополита по редакции Киприана; наконец, характер изложения обличает в Епифании обширную начитанность в литературе церковного красноречия».

С этой литературой, представлявшей благодатную почву для развития культуры, Епифаний мог ознакомиться только в Троице-Сергиевом монастыре и в Москве.

Сочинение Епифания о Сергии встречается обыкновенно в списках XVI и XVII веков.

С Троице-Сергиевым монастырем было тесно связано и творчество великого Андрея Рублева... В 1918 году в «Известиях» за подписью В. И. Ленина был опубликован список лиц, которым следует поставить памятники. В разделе «Художники» первым значится Андрей Рублев.

Некоторое время Рублев помогал суровому и мудрому Феофану Греку, который поражал москвичей умением украшать книги. Есть предположение, что творец прославленной «Троицы» возглавлял книгописную мастерскую. Ему же приписывают создание прекрасной по оформлению рукописи «Евангелие Хитрово». Название она получила по имени боярина Б. Хитрово, которому эту книгу «пожаловал» царь Федор Алексеевич. Боярин в свою очередь передал ее в Троице-Сергиеву лавру — «Ради древнего письма».

Исследователь творчества Андрея Рублева Н. Демина констатирует: «Все изображенное, от юношески сильного, задумчивого ангела с книгой в руках (символ человека в его

Миниатюра Андрея Рублева
из рукописи «Евангелие Хитрово».

стремлении к знанию)... до голубой цапли, как бы размышляющей над кротко взирающим на нее змеем, до подвижных букв из гибких стилизованных растительных элементов, полно ясности, силы и всеобъемлющей ласковости».

Епифаний Премудрый и Андрей Рублев жили в монастыре в одно время...

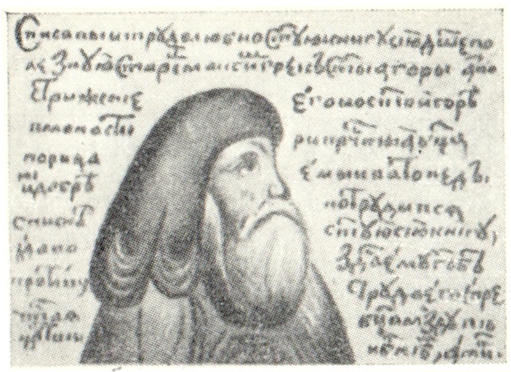
Много лет провел в лавре и первый наш писатель-профессионал Пахомий Логофет. За свою долгую жизнь он создал множество различных произведений, в том числе обработал «Житие Сергия Радонежского». В библиотеке сохранилось девять списков редакций Пахомия, относящихся к XV веку. Но главный труд его — «Хронограф» (1442 год) — книга по всемирной и отечественной истории. Рождение «Хронографа», как определил А. А. Шахматов, вызвано подъемом общерусской исторической мысли, связанным с формированием русского централизованного государства и его новой международной ролью. Установлены источники, на основании которых составлен этот памятник.

Начиная со 167-й главы — «О словенском языце и русском» — Русь показывается полноправным участником мирового исторического процесса. В последующих главах Великое княжество Московское выступает как Великое княжество русское.

В первоначальном виде «Хронограф» до нас не дошел, первая его редакция относится к 1512 году. В ней есть такие слова: «Наша же Российская земля расте и младеет и возвышается».

В отличие от «Повести временных лет» «Хронограф» не расчленен по годам — это «сквозное» изложение событий и идей. Такой грандиозный труд требовал и таланта, и эрудиции.

Вскоре Пахомий бросает литературное поприще и становится простым переписчиком. В 1443 году его рукой сделана книга Симеона Богослова, а в 1459 году — псалмы Давыдовы по поручению монастырского казначея...

Максим Грек. Миниатюра XVI века.
Миниатюра «Тамошний земец» из книги Козьмы Индикоплова.

Непродолжительный период игуменом монастыря был Артемий — знаменитый публицист XVI века, пропагандист знаний. Это он сказал: «И до смерти учиться подобает». По просьбе Артемия к нему в обитель из Твери перевели Максима Грека, где он много лет пребывал в заточении. Максим Грек жил у Артемия «в великой чести и похвале». О высокой образованности этого человека, нашедшего на Руси вторую родину, говорит то, что он упоминает в своих работах Гомера, Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура, Диодора, Фукидида, Плутарха. Значит, и русские читатели из произведений Максима Грека узнавали об этих именах.

В лавре Максим Грек встретил бывшего митрополита Иосафа, большого любителя книг. Достаточно сказать, что в библиотеке имелось до 23 рукописей (кроме богослужебных) прекрасного письма, принадлежавших Иосафу. Он же сохранил один из лучших списков сочинений Максима Грека. Это тем более знаменательно, что до начала XVII века его сочинения считались запрещенными.

Келью Максима Грека посетил Иван Грозный (1553 год). Существует мнение, что они беседовали и о книгопечатании. Доводы Максима Грека окончательно убедили царя в необходимости организации этого дела в стране.

Порой можно еще встретить утверждение, что монастырские книгохранилища содержали, как правило, церковную литературу. Один исследователь называет книги «набором богослужебных пособий... имеющих прикладное значение, подобно свечам, иконам, лампадам». Это далеко не так.

По описям XV—XVII веков книги церковно-богослужебные составляли лишь треть общего числа книжных собраний. В монастырях находились летописи, хронографы, «Еллинский летописец», «История иудейской войны» Иосифа Флавия, «Александрия», различные хождения, повести. Имелись книги по географии и медицине, художественная литература.

И в Троице-Сергиевом монастыре только исторических книг было 16 (в том числе «Троя», «Пленение Иерусалима»,

Переплет первопечатного «Апостола».

«Временник», «Хронограф»). Кроме того, юридический сборник «Мерило праведное», написанный уставом XIV века. Этот сборник дорог нам тем, что в него включен текст «Русской правды».

«Христианская топография» Козьмы Индикоплова (плавателя в Индию) сообщала легендарные сведения об устройстве Вселенной, попутно автор (он жил в Александрии в VI веке н. э.) говорит о некоторых животных и растениях Индии и Цейлона.

В библиотеке монастыря имелся роскошный список XVI века. Ранее им владел боярин Иван Григорьевич Пушкин — предок поэта. На 60-м листе запись гласит, что «1627 года февраля 14 день продал сию книгу Козьмы Индикоплова Иван Григорьевич Пушкин». Продал он ее крестьянину Фоме Лукьянову, который пожертвовал ее в 1628 году в монастырь. В художественном отношении — это самый замечательный из известных списков «Топографии».

Остановимся подробнее на двух книгах, которые долгое время (исчисляемое столетиями!) хранились в монастыре. Но ценность их не только в древности. Это так называемая Геннадиевская библия и «Хождение за три моря» Афанасия Никитина.

...В связи с обострением идеологической борьбы русской православной церкви потребовался полный текст библии,— до сих пор на Руси в обращении были ее отдельные фрагменты. Перевод библии (всех книг Ветхого и Нового завета) на славянский язык решил выполнить новгородский архиепископ Геннадий в конце 80-х годов XV века. У него, конечно, было личное книжное собрание, но явно недостаточное для столь грандиозного замысла. Архиепископ разослал грамоты монастырям и церквам. Он запрашивал, есть ли у них нужные ему книги, и просил, если есть, прислать их в Новгород. По мнению советского исследователя М. И. Слуховского, «это — первый в истории русского культурного строительства случай обдуманного подхода к выявлению книжной наличности».

Книги, которых обнаружить не удалось, были вновь переведены, притом некоторые не с греческого, а с латинского, древнееврейского и немецкого.

В результате упорного труда Геннадия и его помощников в 1499 году была составлена Геннадиевская библия. Она стала своего рода образцом, каноном. В 1573 году по просьбе князя Константина Острожского и с разрешения Ивана Грозного выдана во временное пользование в город Острог. Текст ее явился основой первой славянской печатной библии, изданной в 1581 году Иваном Федоровым. Позже рукопись была помещена митрополитом Варлаамом в коллекцию Троице-Сергиева монастыря.

В тексте книги, по-видимому, впервые употреблено слово «библиотека». Слово это для русских людей было еще непривычно, поэтому против него на полях стоит пояснение — «книжный дом».

Из переводных сочинений можно упомянуть отдельно «Хронику» Георгия Амартола — византийского историка X века. Наряду с другими она попала к нам в середине XI века. Древнейший дошедший до нас лицевой список относится к самому началу XIV века, а некоторые исследователи считают, что он еще старше, и датируют его концом XIII века. Создан этот список в Твери, в приписке указано: «Многогрешный раб божий Прокопий писал». Уместно напомнить, что по совету И. И. Срезневского, оканчивая Педагогический институт, Добролюбов выбрал тему — «О древнеславянском переводе Хроники Георгия Амартола».

В книге свыше ста миниатюр; на первой, великолепно выполненной, изображен заказчик — тверской князь Михаил Ярославич и его мать Оксиния. Профессор Д. Айналов так оценивает оформление: «Ни одна русская иллюстрированная рукопись, за исключением, пожалуй, Сильвестровского сборника, не дает такой сложной картины средневекового быта и миросозерцания, как Хроника Георгия Амартола. Эта рукопись с ее иллюстрациями перекидывает мост между Древ-

Книжный знак заказчика и владельца книги келаря Троице-Сергиева монастыря.

Инструкция библиотекарю (XV век).

ней Русью и Византией в понимании мировой истории, и нигде более нельзя встретить в таком ярком и многогранном отражении образа средневековой Руси с ее верованиями, с ее легендами, поучениями, назиданиями, чудесами, гаданием, волхованием, идолами, баснословием о чудесных странах и людях, о диковинах мира и чудесах его, как здесь».

Из других шедевров отметим псалтырь XIV века — вклад Ивана Грозного. Радует взгляд белоснежный пергамент прекрасной выработки, четкий шрифт, написанный черными чернилами, текст обильно наполнен крупными золотыми точками, золотые — и заглавные буквы.

Подлинное произведение прикладного искусства — переплет псалтыри: доски обтянуты итальянским бархатом, посередине помещена шестиугольная серебряная розетка, по краям — четыре угольника того же стиля. Анализ имеющихся двух миниатюр позволил ученым высказать предположение, что книга родилась в Новгороде, откуда ее вывезли в качестве добычи в 1570 году.

А вот вклад царя Михаила Федоровича — евангелие, украшенное изумрудами, сапфирами, рубинами и эмалью (сейчас хранится в Оружейной палате в Кремле). Павел из Алеппо, посетивший лавру в XVII веке, был поражен: «Что касается евангелия, то мы не видывали подобного по обилию чистого золота и драгоценных каменьев и по его искусной отделке, приводящей ум в изумление».

Сделал вклад и Дмитрий Пожарский, который находился после тяжелого ранения на излечении в монастыре. Остался его автограф: «Книгу Григория Богослова дал в Троицкий Сергиев монастырь князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Государя царя и великого князя Михаила Фёдоровича всея Руси боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский».

Для характеристики внешнего облика рукописей приведем описание академика Ф. И. Буслаева, посвященное псалтыри второй половины XV века: «Перелистывая драгоценную рукопись, мы любовались неожиданными перехода-

ми из одного почерка в другой, от одного стиля в украшениях к другому, и с интересом отгадывания загадок или шарад увлекались в распутывании перепутанных нитей хитросплетенного письма, добираясь в нем до смысла отдельных букв и целых речей». Говоря далее о работе писца, Буслаев замечает: «То он вводит строки из длинных голенастых заглавных букв, которые, как великаны, поднимаются из приземистого строя обыкновенных строчных букв, то расширяет их не в меру, так что они теряют характер кирилловского письма, получая стиль письма арабского или какого другого восточного. То он пишет самым тонким мелким шрифтом, замаскировывая славянское письмо крючковатою скорописью греческого...»

И конечно, особого разговора заслуживает уже упомянутая книга, замечательный памятник русской средневековой литературы — «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. Рассказ о путешествии в Индию, которое тверской купец совершил в 1466—1472 годах. Известно, что Афанасий Никитин скончался в дороге, на пути к Смоленску. Современники оценили значение его записок. Их доставили в Москву и включили в летопись. Во вступлении летописец объясняет, что он «обрел написание Афанасия Никитина купца», что тетради умершего были привезены «гостями» и переданы дьяку Василию Мамыреву.

Постепенно о записках Афанасия Никитина забыли, они затерялись в летописях, выпали из круга чтения...

Создатель «Истории государства Российского» Н. М. Карамзин часто пользовался сокровищами монастырских библиотек, где ему иногда удавалось обнаружить уникальные документы, редкие рукописи светского содержания.

Этот раз он отправился в Троице-Сергиев монастырь, чтобы там, в тихой келье, действительно «пыль веков от хартий отряхнув», прочитать старинные сказания. В некогда богатой книгохранительной палате лавры неутомимый историк просматривал древние фолианты — на бумаге и на теля-

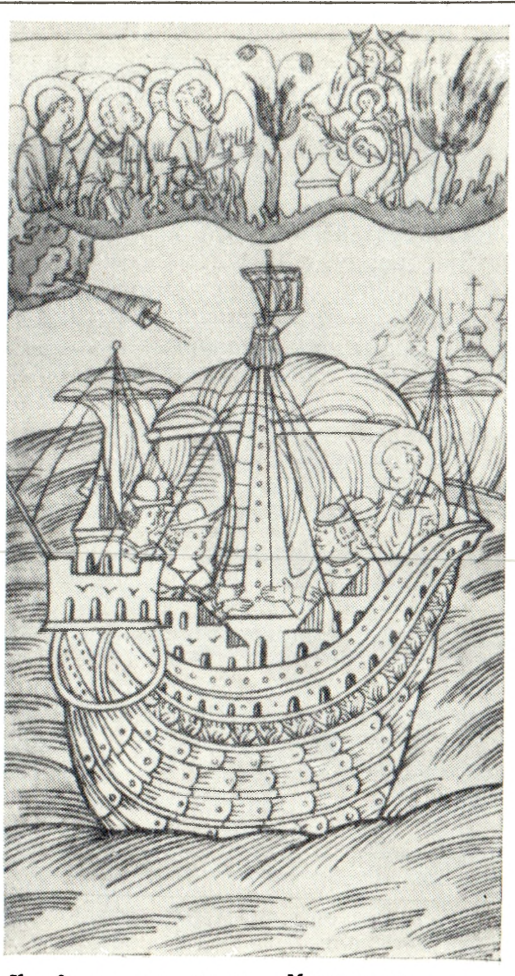
тине (так иногда называли пергамент), облаченные в бархат, украшенные драгоценными камнями и обтянутые простой кожей.

К тому времени значение монастырских библиотек резко упало, да и отношение к старинным книгам изменилось. Так, в описи начала XVIII века они уже не выделялись каждая в отдельности, а указывались суммарно: «16 книг письменных разных, ветхих», «135 книг письменных разных, ветхих». Не отмечались даже такие, как «Осадное деяние Троицкого монастыря» Авраама Палицына. Очевидно, и оно оказалось в числе «ветхих».

...Вот Карамзин берет объемистый сборник — без малого четыреста страниц. Как потом выяснилось, он относится к концу XV — началу XVI века. Открывается книга Ермолинской летописью, той самой, которую составляли для архитектора и книжника В. Д. Ермолина, жившего в XV веке. Затем идут отдельные записи, список русских князей, сочинения Епифания, Иоанна Златоуста, патриарха Геннадия, «Пчела». И наконец, последняя, четвертая часть содержит «Хождение за три моря» Афанасия Никитина (листы 369—392). С этих листов для Карамзина сняли копию (сейчас она — в Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина).

С волнением, наверное, листал историк своеобразный дневник-путеводитель от Твери до Кафы (Феодосия). И, потрясенный открытием, писал: «Доселе географы не знали, что честь одного из древнейших описаний европейских путешествий в Индию принадлежит России Иоаннова века. Индийцы слышали о России прежде, нежели о Португалии, Голландии, Англии. В то время, как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, наш тверитянин Афанасий Никитин уже путешествовал по берегу Малабара».

В шестом томе «Истории государства Российского» Карамзин сделал первую публикацию памятника. Он широко

Хождение по морю. Миниатюра XVI века.

использовал цитаты из записок А. Никитина. С тех пор вплоть до наших дней исследователи вновь и вновь обращаются к этому блестящему труду. Ему посвящены сотни научных статей, десятки книг, а о самом путешественнике созданы повести и романы. Переведена на современный язык и прокомментирована каждая страница, каждая строка повествования Никитина.

Впоследствии установили, что Троицкий список, попавший в руки Карамзину, с летописью связан лишь косвенно. В качестве отдельного произведения он включен в сборник, где имелась летопись В. Д. Ермолина. И сама эта редакция «Хождения» восходит не к летописи, а к «тетрадям» Афанасия Никитина. Состав сборника дает возможность предположить, что «Хождение» могло храниться у Ермолина, большого любителя книги.

...Как уже отмечалось, впервые в нашей стране художественно оформленные экслибрисы появились в библиотеке Соловецкого монастыря. И книжники Троице-Сергиевой лавры тоже применяли экслибрисы. К ним относится, в частности, тот, что обнаружен сравнительно недавно Я. Щаповым на списке Стоглава 1600 года. Здесь заставка-«цветок» и орнаментированная листьями рамка для записи выполнены в старопечатном стиле. В рамке владельческая запись полууставом: «Сия книга Стоглав Троецкого Сергиева монастыря келаря старца Авраамия Подлесцова. 7108» (то есть 1600 год). Сам текст Стоглава написан скорописью.

В заключение упомянем еще и об... арабских рукописях. В работе «Арабские рукописи в русских монастырях» академик И. Ю. Крачковский приводит сведения, взятые из сборника Ю. Альтмана, который утверждает, что видел большое собрание восточных трудов в Троице-Сергиевой лавре (и в некоторых других монастырях). Видел Альтман и переводы их на древнеславянский язык. Любопытно, что приводятся номера рукописей. Академик Крачковский считает, что всякая мистификация исключается. Однако при проверке на

Лист рукописи «Евангелие Кошки» (XIV век).

Оклад «Евангелия Кошки».

месте рукописей не оказалось. Это дало возможность снабдить работу подзаголовком: «Библиографическая загадка».

...И все-таки значение монастырской библиотеки, монастыря как центра культуры не следует преувеличивать. Дело, в основном, ограничивалось перепиской книг, их собиранием, учетом и сбережением. Читателями на протяжении многих десятилетий были монахи, случаи выдачи литературы на сторону крайне редки. Свой фонд книгохранители знали плохо, сочинения общеобразовательного характера брали неохотно. Основная заслуга монастырских собраний в том, что здесь были сохранены для нас многие памятники древнерусской письменности.

* * *

Сейчас большинство рукописей этого монастыря находится в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Здесь их не просто берегут, а тщательно изучают — историки, художники, искусствоведы и другие специалисты. Встречи с этими сокровищами оставляют неизгладимое впечатление.

Татьяна Маврина, лауреат Государственной премии и Международной премии имени Х.-К. Андерсена, вспоминает: «В 1958 году в поисках сказочных чудес я попала в хранилище рукописей Ленинской библиотеки... Держать в руках даже простую вещь, которой 500 лет, и то удивительно, тем более хрупкую книгу. И не только держать, а еще ставить на пюпитр, прижимать колышками, перелистывать, еле касаясь пальцами страницы (в верхнем углу) старого пергамента, и разглядывать ритмично написанные листы с узорными буквами и миниатюрами.

Началось мое путешествие по лицевым рукописям.

Хороши особенно были два евангелия: «Хитрово», дар боярина Хитрово Троице-Сергиевой лавре, как написано в дарственной, «ради древнего письма». Боярин, наверное, не хотел держать у себя такую драгоценную рукопись и отдал ее

в монастырь, чтобы за надежными стенами она сохранилась в веках. Она там и сохранилась в своем дорогом переплете, уже XVII века из рытого бархата — красного с желтыми цветами, писанная на пергаменте с миниатюрами и украшениями...

В этой рукописи — и знаменитый, хорошо известный по репродукциям ангел рублевского письма. Вот я его вижу живого, натурального. Он мастерски вписан в золотой круг. Но я была несколько разочарована глухими и тусклыми красками, мне показалась эта миниатюра, тонкого и очень искусного письма, по сравнению с иконами Рублева, не очень интересной...

Заставки же и особенно раззолоченные заглавные буквы, вроде ювелирных изделий, вклепанных в листы пергамента, хорошо живут на страницах рукописного текста, везде разные, очень смелые, иногда объемные. Особенно поражают буквы с «голубыми дракончиками».

Весь этот декор повторяется с еще большей смелостью, с более густым интенсивным цветом в тех же «голубых дракончиках», с тем же выпуклым неразгаданным золотом в стеблях букв в другой рукописи того же времени — евангелии Кошки (по имени боярина Кошки).

Два славных имени Феофана Грека и Андрея Рублева связывают с этими великолепными книгами. Я, конечно, чувствовала себя именинницей, держа их в руках».

Эти воспоминания Татьяна Маврина написала по просьбе «Альманаха библиофила». Редакция просила ответить на вопрос: «Ваша наиболее памятная встреча с книгой». Среди книг, которые «поразили в сердце за последние годы», Татьяна Маврина назвала две средневековые рукописи из монастырской библиотеки.

ТАМ, ГДЕ ХРАНИЛАСЬ „ЗАДОНЩИНА“

а далеком севере, вокруг древнего Белого озера, вдали от городов, а главное, в безопасности от врагов возникло несколько монастырей и скитов «заволжских старцев». Редкое чувство красоты было свойственно нашим предкам, позволявшее им возводить обители в удивительном единении с природой.

Сказочно хорош на вологодском просторе Кирилло-Белозерский монастырь. С горы Мауры, что недалеко от озера, открываются необозримые дали. В сизой дымке — суровые густые леса, уходящие к горизонту. Кое-где проглядывают синие глади озер; изумрудно просвечивают низинные луга. Над тихими водами поднимаются мощные стены, граненые башни и купола церквей. Весь этот неповторимый ансамбль создавался на протяжении столетий талантом и непревзойденным мастерством древнерусских строителей...Свыше пяти веков стоит этот богатырь — северный форпост Руси.

В самом конце XIV века, в 1397 году, в эту лесную глухомань пришли два монаха московского Симонова монастыря — Кирилл и Ферапонт. Они решили, как говорится в одном жизнеописании, «далеко от мира удалиться».

Кирилл, прежде боярин Кузьма, на берегу озера, на холме вырыл землянку-келью. Летопись повествует:

«Место же оно, идеже святый Кирилл вселился, бор бяше велии чаша и никому же от человек тоу живоущоу. Место оубо мало и кругло, но зело красно всюду яко стеною окружено водами».

Однако «безмолвствовать», как выразился сам Кирилл, пришлось ему недолго, сюда стали стекаться богомольцы и единомышленники.

Монастырь имел огромное значение для Мос-

ковского княжества. И не только потому, что отсюда начинались все важнейшие пути, по которым шла торговля Новгорода с северными русскими вотчинами. Здесь же брал начало и путь к Уралу (к «Камню», или к «Каменному поясу») и в Сибирь. Важно было и то, что белозерские земли вклинивались в новгородские владения, а это давало возможность Московскому княжеству получить удобную позицию для наступления на Новгород. Кроме того, монастырь — это крепость, прикрывающая Русь с севера от посягательств Швеции и других государств.

Понимая все это, Кирилл стал активно собирать земли, присоединять их к монастырю — и дареные, и принадлежащие крестьянам. Но далеко не мирно шла колонизация края, как ее изображают в житийной литературе. Крестьяне смотрели на возникновение нового духовного центра как на бедствие. Известно, что местные жители несколько раз пытались поджечь кельи, чтобы помешать дальнейшему расширению обители.

Монастырь, пользуясь поддержкой князей и бояр, жертвовавших ему земли, делавших денежные и другие вклады, жаловавших соляные копи,— рос, укреплялся. Со своей стороны, он оставался верным союзником московских князей и в колонизации края, и в той борьбе, которая разгорелась в середине XV века за московский престол.

Не остался монастырь в стороне и от бурных идеологических схваток в различных слоях общества, был он и местом ссылки противников Ивана Грозного.

...Постепенно Кириллов монастырь набирал силу.

Вскоре началось широкое строительство. Уже через сто лет после прихода Кирилла высится величественный Успенский собор — крупнейший монумент своей эпохи. Собор был сооружен двадцатью вызванными из Ростова «стенщиками» и каменщиками во главе с Прохором Ростовским всего за пять месяцев. Летописец назвал его «церковью великой». На диво приходили смотреть люди отовсюду, ведь Север еще

почти не знал каменных построек... Со временем монастырь окружается мощными крепостными стенами и башнями.

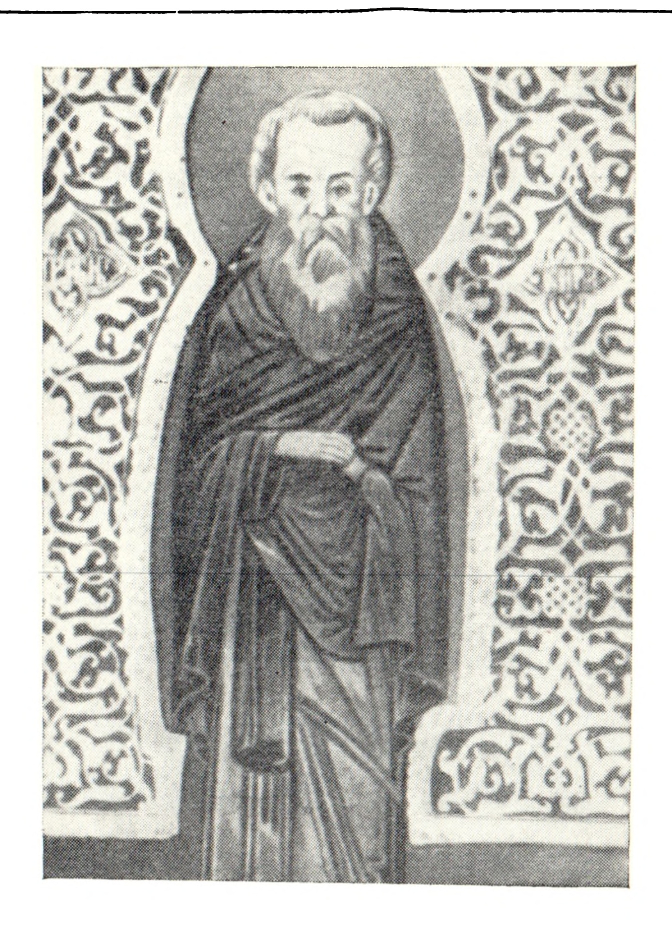
С первых же дней существования он стал знаменит и как крупный культурный центр. Здесь работали прославленные иконописцы, такие, как Дионисий Глушицкий (ему принадлежит прижизненный портрет Кирилла), мастера фресковой живописи: Любим Агеев, старец Александр и его ученики. Из года в год накапливались книжные богатства, процветала книгописная палата, велось летописание, появлялись литературные памятники, переводились иностранные произведения. Рано стала складываться и библиотека редчайших древних рукописей. Основание книжному собранию положил Кирилл, который еще в Симоновом монастыре до прибытия в «пустыню» занимался списыванием книг.

За крепкими стенами, в тиши келий, трудились писатели. Среди них и такие талантливые, как Нил Сорский, идеолог «нестяжателей», и Пахомий Серб, составивший «Житие Кирилла».

Оригинальные сочинения проникнуты идеями необходимости централизации Руси. К ним относятся прежде всего послания самого Кирилла к московскому князю. В них он излагает свое представление о высшей власти: «Князь должен беречь своих людей, суды бы судили правдой, посулы бы судьи не брали».

Библиотека неуклонно увеличивала свой фонд. Создание книгохранительницы связывают с деятельностью старца Ефросина, одного из писателей XV века, человека исключительной начитанности. Он усердно переписывал книги, редактировал их, делал пометки. Они-то, эти замечания, и дают нам возможность судить о его знаниях, о его осведомленности в литературных источниках.

Ефросин имел, например, хорошее представление о книголюбах древнего мира. Так, царя Соломона — книгописца и собирателя — он сравнивал с «Исидором книголюбцем»

Прижизненный портрет Кирилла Белозерского.

и с «Оригеном-еретиком». Исидор — это, по-видимому, архиепископ севильский, представитель позднеантичной культуры, который был настоящим книговедом. Ориген — александрийский богослов и философ, стремившийся соединить христианское учение с античным идеализмом.

Оставил Ефросин и такую пометку: «Некто Дмитрей книгохранитель, яко суть книг собрано пол шесты тмы (5500) и еще посла в Иерусалим о книгах». Трудно сказать со всей определенностью, кого имел в виду в данном случае Ефросин. Предполагают, что это — Дмитрий Фалерский, библиотекарь Александрийской библиотеки. Именно ему поручал Птолемей II наладить перевод древнееврейского пятикнижия на греческий язык. Александрийцы тогда же обратились в Иерусалим с просьбой прислать оригиналы и переводчиков... Эти примеры показывают высокую образованность Ефросина.

Любил он и составлять всевозможные сборники из выдающихся произведений светской литературы. Одно из них — «Сказание о Дракуле-воеводе» — имеет пометку: «В год 6994 (1486) февраля в 13 день списал я это впервые, а в году 6998 (1490) января в 28 день еще раз переписал я, грешный Ефросин».

Считают, что автором «Сказания» был русский посол в Венгрии и Молдавии Федор Курицын. В основу произведения он положил цепь эпизодов-анекдотов о воеводе Мунтьянской земли — Владе. Автор приводит ужасные картины жестокости Влада, прозванного Дракулой (т. е. дьяволом), жестокости, не вызываемой никакой необходимостью. Вместе с тем он любуется находчивостью своего героя, показывает его ненависть ко всякому злу и несправедливости. Этим «Сказание» отличается от немецкого варианта. Стоит отметить, что писатель не осуждает Дракулу за его коварство и своеволие. Лишь однажды прорывается у него огорчение — когда Дракула принимает латинскую веру, чтобы получить утерянное воеводство. Ценой измены православию он не

Аналитическая роспись книги.

только восстановил себя в правах, но и получил в жены сестру короля.

Переписал Ефросин также и «Сказание о Соломоне и Китоврасе», принадлежащее к числу апокрифических сочинений, и тем проявил явное вольнодумство. Еще в XIV веке «О Соломоне цари басни и кощюны и о Китоврасе» включались в списки запрещенных книг. Эти «басни и кощюны» относились к народной «смеховой» литературе, не разделяющей своих героев на положительных или резко отрицательных... В двух словах о содержании «Сказания». Мудрому иудейскому царю Соломону служит «дивий зверь» Китоврас. Этот дивий зверь, проницательный и остроумный, дает царю всевозможные полезные наставления, но он же, чтобы показать свою силу, забрасывает Соломона на край земли обетованной. И мудрецам и книжникам приходится его разыскивать. Надо признать, что жизнерадостным человеком был этот Ефросин.

Из книжной мастерской монастыря во второй половине XV века вышло и «Сказание об Индийском царстве», которое в средневековье играло такую же роль, как в наши дни — фантастика. Рукою Ефросина написаны древнейшие списки «Задонщины», «Хождения» игумена Даниила, «Александрии».

Значение сборников, подготовленных Ефросином, конечно, в том, что они сохранили нам наиболее древние тексты важнейших памятников.

Круг интересов его чрезвычайно широк. На полях рукописей встречаются заметки астрономического, географического, исторического характера. В одном месте он отмечает, что с момента «боя за Доном» прошло сто лет, в другом — говорит о затмении солнца. Он любит хронологические таблицы, разъясняет, например, что «Иерусалим старей Рима лет 500 без 30 лет, а Рим старей Византии лет 30», с удовольствием делает выборку необычных мер и денежных единиц. Привлекают его иностранные слова, он дает название меся-

цев по «римьски, египетски, еврейски, еллиньски» и прибавляет, что на Земле «языкь человеческыхь 72» при случае поясняет, что «бомбак» — бумага «по-грецки» и т. д.

При Ефросине, уже в конце XV века, в монастыре составляется опись библиотеки. Она считается прекрасным для своего времени библиографическим документом. Видимо, знакомство с деятельностью книжников древности — Соломоном, Исидором, Дмитрием Фалерским не прошло для Ефросина даром. Ведь еще в Александрийской библиотеке, например, были удачные каталоги. Поэт и ученый Каллимах, оставивший после себя свыше 800 разнообразных произведений по истории, грамматике, поэзии, создавший новое, так называемое александрийское направление в поэзии,— прославился не только этим. А тем, что составил «Каталог писателей, просиявших во всех областях образованности, и трудов, которые они сочиняли». Каталог состоял из 120 томов. Каллимах рассказывал и о книге, и о ее авторе; если автор был неизвестен, он пытался установить его. Словом, это было основательное библиографическое исследование. Правда, оно не сохранилось, но во многих работах есть ссылки на него. Вполне возможно, что Ефросин где-то слышал или прочитал об этом каталоге. Во всяком случае первый на Руси подобный опыт принадлежит Кирилло-Белозерскому монастырю.

Легко представить себе, как книгохранитель бережно брал в руки каждую рукопись и тщательно просматривал. Что она собой представляет? Как называется? Кем написана? На чем — на бумаге или пергаменте? Каков формат? И только после этого неторопливо заносил самые важные сведения. Строка за строкой идут перечисления: устав, евангелие, минея, пролог, апостол, патерик. А вот и особые приметы: Новый Богослов — «горелый»; псалтырь — «ветха, на хартии», псалмы — «ветхи, на бумаге». Пожары были страшным бедствием по преимуществу в деревянной Руси. В огне гибли многие ценности, хотя люди стремились их спасти, в том числе и книги... Действовало на книги и неумолимое вре-

мя; десятилетие за десятилетием находятся они в употреблении, и вот оказывается, что корешок порвался, листы на углах загрязнились, иные совсем потерялись, нет начала, сломаны застежки, коробится деревянный переплет, истлели края страниц. И появляется против таких книг приписка — «ветха».

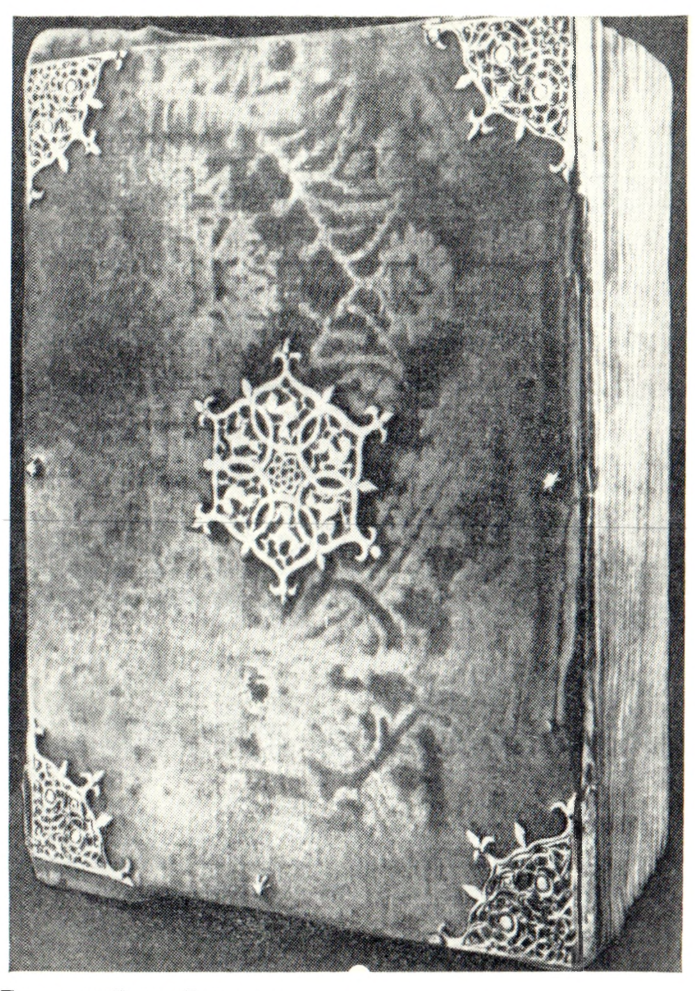
Описание состоит из двух разделов (и в первом и во втором последние листы утрачены). В первом — 212 книг. Эта часть напоминает обычный инвентарный список. Особого внимания заслуживает раздел второй. В нем выбраны 24 сборника из общей инвентаризации. Составитель перечисляет все входящие в сборник статьи и все главы каждой статьи. При этом отмечаются: название статьи и ее начальные слова, затем начальные слова всех глав, число листов, занятых каждой главой.

Для удобства пользования описанием применяются довольно удачные приемы оформления. Заглавие и первые слова статей начинаются с новых строк, заголовок и буквица выделены киноварью. Нумерация глав (киноварью) и число листов (чернилами) обозначены на полях. Этим достигается исключительная наглядность и обозримость описания. Во втором разделе — 957 статей!

Обнаружил «Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря» в 1880 году профессор Н. С. Тихонравов в сборнике самого невзрачного вида. Переплет — деревянный, доски от времени разбились, кожаный корешок пришел в негодность. 264 листа небольшого формата (10×16 см) перепутаны, несколько вырезано. Видимо, сборник служил записной книжкой, в ней — выдержки из византийских и русских сочинений, известия летописного характера и заметки личного плана.

Но более трети объема занимает «Описание».

Вскоре после «открытия» оно было издано Н. К. Никольским, который не мог не признать: «Употребленные здесь приемы в своей совокупности... и доселе удерживаются при

Псалтырь Ивана Грозного.

научном описании старинных рукописей и показывают, что мы имеем дело не с обычным каталогизатором монастырских библиотек, а с выполнителем выдающегося для своего времени библиографического труда».

В описании, повторяем, дано свыше 200 книг.

Среди этого наследия есть подлинные шедевры книжного искусства. Выдающимся мастером был Феодосий Изограф, сын Дионисия. Еще в 1486 году артель художников, в которую входил Феодосий, расписывала одну из церквей Иосифо-Волоколамского монастыря. Их уже тогда называли «хитрыми живописцами». Артель после этого работала в Ферапонтовом монастыре. В начале XVI века Феодосий Изограф по праву считается ведущим живописцем Московской Руси. Достаточно сказать, что он автор фресок Благовещенского собора в Кремле, который служил домовым храмом великих князей.

Много сил отдал Феодосий оформлению рукописей. Одна из них оказалась в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря — это «Евангелие Гурия Тушина». Ее владелец, Гурий Тушин, непродолжительное время был здесь игуменом (1485 год). Книга написана полууставом на французской бумаге по заказу великого князя Василия Ивановича. Он-то и сделал вклад в монастырь, о чем свидетельствует надпись на последнем листе: «Сие Евангелие дал князь великий Василей Гурию Кирилловскому Тушину». Художник смело нарушает устоявшиеся каноны. Примечательны в этом отношении миниатюры. Исследователь евангелия Е. Л. Немировский отмечает, что жемчужина убранства кроется в орнаментальном обрамлении фигур евангелистов... «Феодосий Изограф впервые широко вводит в миниатюру орнамент. Игра узоров занимает его гораздо больше, чем передача внутреннего состояния евангелиста, его дум и помыслов. Здесь наш художник — великий мастер. Он словно любуется причудливыми извилинами линий, сочетанием цветовых пятен, игрой узора на белом листе бумаги».

Феодосий применяет тонкотравный и цветочный орнамент. Мы видим веточки, полосы раздвоенных и тройных лепестков, с завитками и спиралевидными розетками, яркие цветы и шишки, связанные между собой мохнатыми ветками. Феодосий не только вводит в миниатюру орнамент, но и вносит изменения в облик рукописной книги, упорядоченности подвергается последовательность размещения заставок, количество листов в тетради, в книге появляются предохранители, оберегающие миниатюру или заставку от повреждений и загрязнений. Изготовляли их из двух склеенных между собой бумажных рамок, между которыми вставлялась ткань — тафта, шелк, холст.

Некоторые орнаменты, впервые намеченные Феодосием,— например, цепочка с раздвоенными лепестками — впоследствии использовал сам первопечатник Иван Федоров в одной из заставок «Часовника» 1565 года.

И все же, как считают другие исследователи, оформление этого евангелия не может принадлежать кисти Феодосия. Вот доводы Н. Н. Розановой. Датируя евангелие по водяным знакам бумаги временем, близким 80-м годам XV века, Е. Л. Немировский не обратил внимания, что тогда Василий III еще не был великим князем, а значит, миниатюры вклеены в более старую книгу. Главное же заключается в том, что сходство миниатюр рукописей Гурия Тушина и Феодосия проявляется только в орнаменте, а фигуры евангелистов написаны совершенно иначе. Вероятно, книга переделывалась в «преславном городе Москве» в мастерской монастыря Николы Старого. Конечно, художественное убранство «Евангелия Гурия Тушина» великолепно. Все украшения в нем хорошо согласованы по цвету и по расположению на странице, даже вставленная между листами тафта гармонирует с миниатюрами. Но делал все это, видимо, другой мастер.

Словом, «Евангелие Гурия Тушина» — довольно приметная веха в истории русской книжности, и сберег его для нас

брат-книгохранитель монастыря. Рукопись сохранилась в переплете, покрытом выгоревшей итальянской камкой, все миниатюры отделены шелковой тафтой. Обращались с книгой очень бережно,— несмотря на преклонный возраст, на ней нет ни пятен, ни загрязненных углов.

Примечательны и книги светского содержания, вошедшие в опись.

Один из белозерских сборников — «Странник со иными вящьми» — предлагал своим читателям статьи: «О стадиях и поприщах», «О широте и долготе земли», «О земном устроении», «О расстоянии между небом и землею».

Составлен он в 1412 году, что определяется не только точной датой, но и расчетами лет от сотворения и до «конца мира». На 299-м листе указано: «От Адама лет 6920, а поновлений изошло 173, а до конца миру отселева два поновления». «Поновлением» автор называет сорокалетний цикл (6920: 173). Что это значит? По его мнению, за 40 лет обновлялся состав человечества. По античным представлениям, человек достигал своего апогея в 40 лет. Но если до «конца мира» оставалось «два поновления», то есть 80 лет, то «Странник» создан в 1412 году (1492—80). Писал его, по преданию, сам основатель монастыря Кирилл...

Всем своим содержанием статьи сборника показывают, что на Руси возрождаются античные идеи. Они давали возможность более правильно, чем прежде, понимать многие вопросы мироздания. И уже книги, подобные «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова с ее примитивными представлениями о мире, не могли удовлетворять запросы русских людей. Для любителей «философской мудрости» требовалась другая литература. В связи с этим стоит вспомнить, что после Куликовской битвы была переведена книга греческого ученого VI века Георгия Посидийского «Похвала к богу о сотворении всея твари». Автор ее частично опирается на античное естествознание, у него уже не было того хаоса, который свойствен раннему христианству. В какой-то мере ему

«Списатель». Миниатюра из древнерусской книги.

удалось передать некоторые воззрения Аристотеля, Плиния, Плутарха.

Перевод книги на русский язык воспринимали как значительное событие, оно нашло отражение даже в летописи: «Того же лета переведено бысть слово святого и премудраго Георгия Писида «Похвала к богу о сотворении всея твари».

Но и Георгий Посидийский в ряде положений заблуждался. Он писал, например, что «земля бо корабль есть на воде в истину стоящи и носящи все вселенную...». Поэтому повышается ценность сборника, автор которого восстает против устарелых взглядов, делает еще более решительный шаг на пути к истине.

Так как Кирилл Белозерский пользуется древнегреческими мерами длины — стадиями, остановимся кратко на статье «О стадиях и поприщах». Она носит метрологический характер и впервые дает сопоставление русских мер с античными: «Стадие имат саженей 100. Поприще же — саженей седьмь сот и 50. Есть же убо едино поприще стадий седьмь и пол». Здесь имеется в виду «мерная сажень», имеющая 176,4 см. А 750 мерных саженей составляли поприще в 1323 метра.

О Земле, ее протяжении, форме и месте во Вселенной в сборнике рассказывают три статьи. Первая — «О широте и долготе» — определяет размеры нашей планеты: «Земли расстояние есть от Востока даже до Запада стадие 25 тем. От Севера же до Полудниа 12 и пол тмы». Значит, по представлениям Кирилла, протяженность Земли по экватору равна 240 000 стадий. Древнегреческий географ, математик и хранитель Александрийской библиотеки Эратосфен, измеривший в свое время земной шар, пришел к выводу, что длина экватора — 252 000 стадий. Пользуясь данными статьи «О поприщах и стадиях», нетрудно вычислить длину экватора в километрах — 44 100 (истинная — 40 076,6 км).

В рукописи решительно отвергается мысль о том, что

Земля стоит на семи столпах. Она висит в воздухе «посреди небесной праздности». По форме же наша планета, продолжает размышлять Кирилл, напоминает яичный желток, то есть шарообразна. Как все это резко отличается от предположений Козьмы Индикоплова! И как это сближается с предположениями античных ученых, того же Аристотеля или Птолемея, считавших Землю шаром...

Далее в сборнике определяются и размеры Вселенной, в частности расстояние от Земли до неба, равное, по расчетам автора, около 5 миллионам километров. Но ведь до этого господствовали взгляды о достягаемости и «края земли» и «края неба»!.. Чтобы читатели могли представить себе столь огромную величину, Кирилл прибегает к сравнению: «Небо отстоит от Земли на такое расстояние, что человеку, делающему в день по 20 поприщ, пришлось бы идти 500 лет». В заключение отмечается, что эти сведения взяты у «звездоблюстителей и землемерителей».

Академик Б. А. Рыбаков придает большое значение этим статьям: «Заволжский мудрец, современник Андрея Рублева, сумел пренебречь обилием христианской литературы, освященной авторитетом имен и традиций, литературы, издевавшейся над Аристотелем, глумившейся над антиподами и отвергавшей всякий опыт. Он сумел стать выше этой «святоотеческой» литературы и дал новую, смелую постановку вопроса о форме земли, о ее месте во Вселенной, величественно определяя ее размеры. Составитель статей сборника 1412 года имел смелость противопоставить богословской традиции то новое, что сообщили «звездоблюстители и землемерители».

Не будь такого сборника с короткими статьями о мироздании, наши представления о кругозоре людей эпохи Рублева были бы куда менее полными. А ведь он не единственный.

Известно, что с незапамятных времен на основе многовекового опыта вырабатывались всевозможные сельскохозяй-

ственные приметы. Часто они принимали образную, афористическую форму: «Май холодный — год хлебородный». С введением христианства приметы стали «прикрепляться» к именам святых: «Какова Аксинья — такова и весна», «Егорий с росой — Никола с травой» и т. д.

Часть примет из «практики» Северо-Восточной Руси была включена в сборник, относящийся к XV веку (ему, следовательно, пятьсот лет). На одной из страниц читаем: «Егда громъ приидет с востока, то всякого обилия много. А еще придетъ в полудни, жита мало будетъ, а овцемъ гибель. Аще придетъ с полунощи, вина и вещы много будетъ, то лето северно будетъ. Аще придетъ гром з заподу, то лето будетъ сухо, дождя не будетъ».

Там же нашли место и образцы народной мудрости, в частности загадки. Вот пример:

Въпрос. Кый пророкъ двою родился?
То — кур. Первое — курица яице снесла;
Из яйца второе вылупился, то есть родился.
А пророкъ есть — свет поведает людям рано.

Мы должны быть благодарны переписчикам и книгохранителям Белозерского монастыря и за то, что с их помощью познакомились с одним из древнейших списков «Слова о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его Владимире Андреевиче, писание Софония старца рязанца». «Слово» это, более известное под названием «Задонщина», прославляет Куликовскую победу. Тогда, в 1380 году, великий князь московский Дмитрий (Донской) собрал огромное войско, в составе которого были владимирцы и суздальцы, ростовцы и ярославцы, москвичи и отряды с далекого Белого озера, брянцы и даже псковичи... И нанес жестокое поражение полчищам Мамая.

С первых строк «Задонщины» нетрудно понять, что Софоний взял себе за образец выдающуюся поэму прошлых ве-

ков — «Слово о полку Игореве». Но это свидетельствует о том, что лучшие образцы культуры Киевской Руси находились в обращении и в период страшного опустошения русских земель монгольскими ордами. Старец Софоний тем не менее создал вполне оригинальное художественное произведение. Сила его прежде всего в том, что оно отразило великое событие. И «Слово» и «Задонщину» роднит общая идея. Но если в «Слове» призыв автора к объединению князей остается без ответа, то в «Задонщине» подчеркнуто, что победа достигнута именно благодаря такому объединению. Даже новгородцы стремились участвовать в битве:

Звонят колокола вечные в Великом Новгороде,
Стоят мужи новгородцы у святой Софии...

Подобно «Слову о полку Игореве», «Задонщина» проникнута горячей любовью к родине: «Для нас земля Русская подобна милому младенцу у матери своей».

Автор не ставил своей целью последовательное изложение. Сам он характеризует «Слово» как «жалость и похвалу». Эта жалость — плач по погибшим и похвала — мужеству и доблести воинов.

Довольно точно установлено, что «Задонщина» писалась по свежим следам. Высказано и предположение (профессор В. Ф. Ржига) о ее авторе. Видимо, незадолго до Куликовской битвы боярин Софоний занимал видное положение в Рязанском княжестве. Затем, в связи с изменой князя Олега общерусскому патриотическому делу, Софоний выехал в Москву к князю Дмитрию и стал его ревностным сторонником... «Конечно,— указывал исследователь,— самое отождествление Софония-рязанца с рязанским боярином Софонием Атыкулачевичем является не более как гипотезой, но все же этой гипотезе нельзя отказать в продуктивности».

«Задонщина» отвечала настроениям и чувствам патриотизма, ее много переписывали. Это говорит о том огромном

национально-историческом значении, какое придавали современники Куликовской битве. Перечисление же земель, к которым «шибла слава» о победе Руси, свидетельствует и о международном признании. Нет сомнения, что поэму читали и сам Дмитрий Донской, и Сергий Радонежский, и Андрей Рублев. Читали в княжеском дворе и в монастырях.

До нас дошло шесть списков. Самый ранний из них — Кирилло-Белозерский — датируется семидесятыми годами XV столетия и выполнен рукой все того же монаха Ефросина. Он же дал и краткое название поэме — «Задонщина». Можно прямо-таки позавидовать трудолюбию этого книжника...

Сергий Радонежский был активным сторонником объединения русских земель вокруг Москвы, идейным вдохновителем победы над монголами. Кирилл — один из учеников Сергия,— несомненно, поддерживал своего учителя и разделял его взгляды. И как знать, может быть, одной из первых книг в библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря была «Задонщина» старца Софония. Ее-то и переписал столетие спустя Ефросин.

И еще одно светское произведение — самое, пожалуй, неожиданное для монастырской библиотеки. Речь идет о наставлении «во здравие человеку» — руководстве по рациональному питанию. В самом начале XVI века какой-то монах, имя которого осталось неизвестным, из разных прочитанных им сочинений делал выписки. Сборник, составленный древним гигиенистом, полностью не сохранился. Начинается он с пожелания не переедать, есть в меру, чтобы «в боце не тяжело было». Каждый должен выбирать приятную для себя пищу, ту, которую «у него нутро любит». Далее идет перечень «пригожей к здравию» еды: «пшено сорочинское, крупы ячные, гречневы, и овсяны, горох... борщ, свекловица, яйца свежие всмятку».

Рыбу рекомендуется употреблять с перцем и с луком, и с чесноком, и с горчицей, и с уксусом. Самой вкусной счи-

талась печеная или жареная рыба («испряженая в масле»). На десерт «добро ясти яблоки и груши печены, сахаром присыпывая».

А как спиртные напитки? Автор наставления не сторонник крепких вин. Он предлагает мед или вино, разбавленное водой.

После еды не следует пить холодную воду, так как она остудит желудок, в результате чего «и многия недуги приходят человеку».

Весной и осенью лучше питаться умеренно, летом есть еще меньше, а зимой — больше.

Спать после плотного обеда не стоит больше двух часов, в противном случае появляется бессонница и головная боль. А уж работать и вовсе никак нельзя, так как это «много нездравия творит...».

Все советы сборника лишены религиозно-аскетической окраски.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что в библиотеке была литература по естествознанию, географии, истории, медицине. По описи 1640 года в Кирилло-Белозерском монастыре оставалось (после изъятия ряда книг) 1938 томов, из них 250 — Ветхий и Новый заветы.

Еще Н. К. Никольский в начале нашего века книги монастырских библиотек делил на три части — богослужебные, назидательные творения отцов и учителей церкви (они употреблялись для коллективного чтения) и книги, предназначенные для келейного чтения. Светские книги и входят в третью группу. Сейчас на основании тщательного изучения установлено, что литература светского содержания была составной частью этих библиотек.

И процент такой литературы был довольно высоким. Из 169 рукописных сборников XV века в Кирилло-Белозерском монастыре 18 содержали статьи светского характера, а это составляет 11 процентов. Как видим, круг чтения довольно разнообразен.

Книжный фонд монастыря непрерывно пополнялся и путем переписки книг в мастерской, и за счет пожертвований или вкладов различных лиц. Среди них — великие князья, цари, члены царской семьи, бояре, патриархи, митрополиты, а также крестьяне и даже дворовые люди. О вкладах великого князя Василия уже говорилось — евангелие, выполненное по его заказу, оформлял живописец Феодосий Изограф.

Немало книг пожертвовал Сильвестр, поп Благовещенского собора в Кремле. Деятельность свою он начал в Новгороде, потом переехал в Москву, где занял очень высокое положение. В свое время он оказал большое влияние на молодого царя Ивана Грозного, был его ближайшим советником. Сильвестр — один из образованнейших людей середины XVI века, обладатель значительной личной библиотеки, в которой имелись и греческие книги, инициатор многих культурных начинаний. Ему, незаурядному публицисту, присваивается авторство «Домостроя». Это, конечно, не совсем так. «Домострой» — энциклопедическое пособие — возник еще в XV веке в Новгороде, а позднее Сильвестр подверг его переработке и редактированию. Здесь излагались нормы поведения зажиточного горожанина. Его полное название: «Книга, глаголемая Домострой, имеет в себе вещи зело полезны, подчение и наказание всякому православному христианину, мужу и жене, и чадом, и рабыням». Это пособие отличает живой разговорный язык, речь по-своему богата и красива. В «Домострое» много пословиц и поговорок, таких, как «поклонны головы меч не сечет», «покорно слово кость ломит». Любопытно отметить, что вести хозяйство предлагалось на основе письменного учета.

Для нас «Домострой» — литературный памятник, выразивший общественные и семейные отношения при феодальном строе. И к этому памятнику Сильвестр имеет прямое отношение. На одном из экземпляров — автограф: «Благословие от благовещенского попа Сильвестра возлюбленному

моему единородному сыну Анфиму. Милое мое чадо дорогое».

Славился Сильвестр, если можно так выразиться, и на издательской ниве. Ему принадлежала большая мастерская, изготовляющая книги и иконы. Сам он подчеркивал, что обучал городских сирот по их склонностям — кого грамоте, кого письму, а кого «книжному рукоделию». Он был деятельным поборником просвещения Руси. В связи с 400-летием русского книгопечатания высказана любопытная гипотеза. В общих чертах она сводится к тому, что благовещенский священник играл руководящую роль в основании первой московской типографии, которая выпустила несколько книг,— на них нет никаких данных о времени и месте выхода в свет. Они так и называются «безвыходными» изданиями. Налаживал работу типографии Сильвестр, в ней, видимо, работал и Иван Федоров — здесь он осваивал полиграфическую технику и овладевал мастерством.

Сильвестр был тесно связан с Кирилло-Белозерским монастырем. Позже, оказавшись в опале, он принял постриг. Конечно, приехал сюда не без книг. Исследователи насчитывают по крайней мере около двух десятков рукописей, привезенных Сильвестром, которые нашли свое место в монастырской книгохранительнице. На некоторых из них записи владельца. На книге «Иисус Навин» читаем: «Благовещенского попа Селивестра, во иноцах Спиридона, и сына его Анфима», такая же запись и на «Лествице» Иоанна Лествичника, и на «Зерцале» (добавлено только, что это «государское данье»), а «Маргарит» Иоанна Златоуста «прислал с Москвы Анфим к отцу своему Селивестру в Кириллов монастырь».

Кроме того, в «багаже» московского изгнанника были: «Поучения» Федора Студита, «Просветитель» Иосифа Волоцкого, сборник XIV века, включавший житие Бориса и Глеба, греческая псалтырь, переписанная в 1545 году Максимом Греком, «Диоптра Филиппа Пустынника» со «словом на латын» Максима Грека (эту книгу Сильвестру подарил Иван Гроз-

ный), а также евангелие на греческом языке, выполненное кирилловским шрифтом, и некоторые другие.

...Книгописная мастерская работала непрерывно (и после введения книгопечатания на Руси), ее «продукция» шла и на пополнение и обновление собственной книгохранительницы, и в другие монастыри и церкви, а порой попадала далеко за пределы страны... Одна из рукописей — «Лествица» Иоанна Лествичника — «бродила» несколько веков по монастырским библиотекам Сербии и Боснии. Она была пожалована Кирилло-Белозерским монастырем в Папрачскую обитель. Оттуда перекочевала в монастырь Возуща, где ее переписал некий Петр. Он оставил такую запись на «Лествице»: «Сиа изводь обретохь в монастыры, завоми Папраща, еже принесе игумень Логинь папратскы от лавры преподобнаго отца нашего Кирила чюдотворца в земли руссиискои». Затем неведомые пути привели книгу в Житомысльческий монастырь...

О богатстве библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря, как уже говорилось, знали в Москве. Когда царь Михаил Романов решил пополнить столичную библиотеку (в послании не указано, какую именно, предполагают, что библиотеку Печатного двора), он распорядился: «По переписным книгам, в Кирилове монастыре написано четьих книг много, и из тех книг, которые вдвое и втрое, указали мы взять по одной книге, а которых по одной книге, и с тех велели списать слово в слово, и те книги и списки прислать к нам в Москву: а что каких книг взять, и тому послана к вам роспись под сею нашей грамотой. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б те книги и списки, справя подлинно, прислали к нам к Москве да о том отписали, а отписку и книги велели подать в Приказ Большого дворца боярину нашему князю Алексею Михайловичу Львову да дьяком нашим Григорью Нечаеву да Максиму Чиркову, а деньги за те книги вам дадут из Приказа Большого дворца».

Перечислялись 28 готовых книг (те, что в библиотеке бы-

ли в 2 или 3 экземплярах) и 6 заказных списков. Среди светских произведений «Христианская топография» Козьмы Индикоплова, «Александрия», «Летописец» (есть в росписи приписка: «Летописец выбрать лутчая»).

Следует отметить, что это был не обычный заказ на книжное размножение, а использование готового литературного фонда. Царь мог обратиться и к другим хранилищам — звенигородскому, волоколамскому, сергиевскому, расположенным гораздо ближе к Москве, но не сделал этого, так как считал, что Кирилло-Белозерский монастырь, его библиотека отличались более полным подбором разнообразных рукописных книг.

Рассматривая заказ царя, его грамоту, советский историк книги М. И. Слуховский приходит к выводу, что Приказ Большого дворца предварительно провел над кирилловскими описями библиографическую работу. При этом Приказом различались нужные дублеты и нужные же единственные экземпляры и соответственно было составлено задание. Характерно, что распоряжение монастырской библиотеке было дано светской властью.

В свое время С. П. Шевырев высказал даже мысль, что царь Михаил имел в виду создание «государственной библиотеки» из дублетов «всех монастырских библиотек», но ничем не подкрепил свое высказывание.

Менее чем через год царь снова обращается в монастырь: «К нашему книг печатному делу, для справки и свидетельства, взять прологов и миней четьих добрых, старых, переводов харатейных книг».

Через 13 лет Кирилло-Белозерский монастырь поставляет литературу, необходимую для исправления богослужебных книг, предпринятого патриархом Никоном. На экземпляре «Бесед евангельских» Иоанна Златоуста есть надпись, свидетельствующая, что этот экземпляр выслан «для справы книжной», и дата — 6 октября 1653 года.

Наконец, в 1682 году из библиотеки было затребовано

девять летописцев в Палату строения книг,— на этот раз для того, чтобы дополнить «Степенную книгу».

Как правило, все, что хотела Москва, отдавалось безоговорочно и в монастырь уже не возвращалось...

В заключение отметим, что Никону пришлось столкнуться с библиотекой Кирилло-Белозерского монастыря еще раз, правда, уже в качестве... читателя. Снятый с патриаршества, после объявления ему приговора церковного собора, он был отправлен на заточение в близлежащий Ферапонтов монастырь. Здесь низложенный патриарх требовал, чтобы ему доставляли литературу от «соседей». И книги Никон получал целыми партиями.

Осматривал библиотеку и Петр I. Это произошло во время его путешествия на Олонецкие марциальные воды. Увидев древнее евангелие на пергаменте, он приказал забрать его в Синодальную библиотеку и хранить вместе с «нужнейшими старинными книгами».

* * *

В настоящее время некогда богатые монастырские фонды в большинстве своем собраны в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ЛЕГЕНДАРНАЯ ЛИБЕРЕЯ

Пожалуй, никакая другая библиотека не вызывала такого жгучего интереса, как книжное собрание московских князей. Оно издавна было окружено ореолом таинственности, романтической загадочности и породило множество всевозможных легенд о подземельях, где за тридевятью замками спрятаны неслыханные сокровища. Об этой либерее (то есть библиотеке) ожесточенно спорят специалисты. Одни из них посвятили всю свою жизнь, чтобы доказать, что ее не было и быть не могло. Другие посвятили всю свою жизнь, чтобы доказать, что она не только существовала полтысячи лет назад, но и сохранилась до наших дней.

Что же в действительности известно науке? Кто и когда видел либерею, какие свидетельские показания сохранились, кто занимался ее поисками? Наконец, немаловажен и вопрос ее происхождения.

Начнем с самого первого упоминания, с самого раннего сообщения. Оно содержится в «Житии Максима Грека». Максим Грек — образованный человек, полиглот, книжный знаток, подлинный ученый-энциклопедист. Светское имя его Михаил Триволис. Родился он в семье албанского воеводы. Молодость провел в Италии. Здесь на протяжении многих лет слушал лекции в высших школах Болоньи, Падуи, Милана, во Флоренции изучал философию у прославленного гуманиста Иоанна Ласкариса, принимал участие в движении Савонароллы; в Венеции познакомился с выдающимся типографом Альдом Мануцием (один из шрифтов до наших дней сохранил название «альдине»).

В 1505 году Михаил Триволис постригся в монахи в Ватопедском монастыре на Афоне и получил имя Максим Грек. Монастырь этот славился тем, что ему достались коллекции книг двух византийских

императоров — Андроника Палеолога и Иоанна Кантакузена.

Максим Грек с увлечением читал самую разнообразную литературу. Своей эрудицией и глубоким умом он вскоре завоевал уважение всей братии.

В марте 1515 года на Афон пришла грамота московского великого князя. Василий Иванович просил прислать для разбора княжеской библиотеки старца Савву. Но Савва был слишком дряхл для такой далекой поездки, и выбор пал на Максима Грека. В грамоте с Афона указывалось на него как на «искусного божественному писанию и на сказание или толкование всяких книг и церковных, и глаголемых еллинских».

В Москву Максим прибыл в 1518 году и оставался на Руси до конца жизни. Порой считают, что он нужен был только для перевода на русский язык греческих книг, что никакой библиотеки в Москве не было. (Хотя уже сам факт вызова переводчика подтверждает наличие литературы на греческом языке.) Но в некоторых сказаниях о Максиме Греке прямо говорится, что он был призван для разбора богатейшей библиотеки московских князей и для составления каталога.

Ученый монах был принят с почетом, князь обласкал его и поместил в кремлевском Чудове монастыре. Так длилось девять лет. Потом Грека обвинили в ереси и в сношениях с турецким султаном, заключили в Иосифо-Волоколамский монастырь, где его «морили голодом, стужею и угаром». И все его дальнейшие годы проходили в темницах и под надзором, пока он не попал в Троице-Сергиев монастырь, где получил относительную свободу. Страдания Максима сделали его в глазах современников святым, и уже в XVI веке стали возникать сказания о Максиме-философе. В одном из них рассказывается: «По меле же времени великий государь присно-памятный Василий Иоанович сего инока Максима призвав и вводит его во свою царскую книгохранительницу и показа

ему бесчисленное множество греческих книг. Сей же инок во многоразмышленном удивлении бысть о толиком множестве бесчисленного трудолюбного собрания и с клятвою изрече пред благочестивым государем, яко ни в Грецех толиков множество книг сподобихся видети... Аз же,— сказал Максим Грек,— ныне, православный государь, Василий самодержьче, никогда только видех греческого любомудриа, яко же ваше сие царское рачительство о божественном сокровище. Великий же государь Василий Ивановичь в сладость послуша те его и преда ему книги на рассмотрение разбрати, которые будет еще непреложены на русский язык». (Вольный перевод этого текста Н. М. Карамзин включил в седьмой том своей «Истории государства Российского».)

В «Сказании» нет сведений о том, составил ли Максим Грек каталог, какие книги были в библиотеке, какие произвели особенно сильное впечатление. Известно, однако, что он перевел вначале «Толковую псалтырь», а потом, по просьбе Василия III, занимался переводом и исправлением других богослужебных книг...

Сообщение «Сказания о Максиме Греке» почти ни у кого не вызывает сомнений. Лишь С. Белокуров считал его недостоверным. Даже выпустил объемную книгу (вышла в свет в конце прошлого столетия), в которой утверждал, что не только библиотеки, но и вообще никаких греческих книг в Москве в то время не было, так как русские-де не доросли до понимания греческих и латинских ценностей. Возражение же против «Сказания» у него одно — оно создано слишком поздно. Но ведь при жизни к святым никого не причисляли и биографий о них не писали, так что и «Сказание» не могло появиться раньше второй половины XVI века (Максим Грек умер в 1556 году).

Надо признать, что свидетельство это все же носит общий характер.

Второе сообщение о московской библиотеке уже записано со слов очевидца; оно отличается большей обстоятельно-

стью и конкретными деталями о тройных замках и о двух сводчатых подвалах. Кто же этот очевидец? И кто записал его «показания»?

Бывший рижский бургомистр Франц Ниенштедт в том же XVI веке составил «Ливонскую хронику». В ней есть рассказ о выселении в 1565 году немцев из Дерпта в русские города. Эта мера была вызвана тем, что Иван Грозный подозревал жителей в тайных связях с врагами России. Среди выселенных в Москву оказался и пастор одной из церквей Дерпта — магистр Иоганн Веттерман вместе с некоторыми своими прихожанами. В «Ливонской хронике» приводится такая история. «Его (т. е. Веттермана.— *А. Г.*) как ученого человека очень уважал великий князь, который даже велел в Москве показать ему свою либерею, которая состояла из книг на еврейском, греческом и латинском языках и которую великий князь в древние времена получил от константинопольского патриарха, когда предки его (царя) приняли христианскую веру по греческому исповеданию. Эти книги как драгоценное сокровище хранились замурованными в двух сводчатых подвалах. Так как великий князь слышал об этом отличном и ученом человеке, Иоганне Веттермане, много хорошего про его добродетели и знания, потому велел отворить свою великолепную либерею, которую не открывали более ста лет с лишком, и пригласил через своего высшего канцлера и дьяка Андрея Солкана, Никиту Висровату и Фунику, вышеозначенного Иоганна Веттермана и с ним еще несколько лиц, которые знали московитский язык, как-то: Томаса Шреффера, Иохима Шредера и Даниэля Браккеля, и в их присутствии велел вынести несколько из этих книг. Эти книги были переданы в руки магистра Иоганна Веттермана для осмотра. Он нашел там много хороших сочинений, на которые ссылаются наши писатели, но которых у нас нет, так как они сожжены и разрознены при войнах, как то было с Птолемеевой и другими либереями.

Веттерман заявил, что, хотя он беден, он отдал бы все

свое имущество, даже всех своих детей, чтобы только эти книги были в протестантских университетах, так как, по его мнению, эти книги принесли бы много пользы христианству. Канцлер и дьяк великого князя предложили Веттерману перевести какую-нибудь из этих книг на русский язык, а если согласится, то они предоставят в его распоряжение трех вышеупомянутых лиц и еще других людей великого князя и несколько хороших писцов, кроме того, постараются, чтобы Веттерман с товарищами получали от великого князя кормы и хорошие напитки в большом изобилии, а также хорошее помещение и жалованье и почет, а если они только останутся у великого князя, то будут в состоянии хлопотать и за своих».

Бесхитростно и неторопливо ведет свое повествование автор хроники. Веттерман и его товарищи решили день посовещаться. Предложение было очень уж заманчивым. Но тут взяло их раздумье: «Как только они кончат одну книгу, то им сейчас же дадут переводить другую, и, таким образом, им придется заниматься работой до самой своей смерти».

Немцы отказались, но отказ свой облекли в такую форму: «Когда первосвященник Онаний прислал Птолемею из Иерусалима в Египет 72 толковника, то к ним присоединили наиученнейших людей, которые знали писание и были весьма мудры; для успешного окончания дела по переводу книг следует, чтобы при совершении перевода присутствовали не простые миряне, а наумнейшие, знающие писание и начитанные люди». Этот вымышленный предлог немцы и просили передать Ивану Грозному. «При таком ответе,— продолжает хроникер,— Солкан, Фуника и Висровата покачали головами и подумали, что если передать такой ответ великому князю, то он может им прямо навязать эту работу (так как велит всем им присутствовать при переводе), и тогда для них ничего хорошего из этого не выйдет; им придется тогда, что и наверное случится, умереть при такой работе, точно в це-

пях. Поэтому они донесли великому князю, будто немцы сами сказали, что поп их слишком несведущ, не настолько знает языки, чтобы выполнить такое предприятие. Так они все и избавились от подобной службы. Веттерман с товарищами просили одолжить им одну книгу на шесть недель; но Солкан ответил, что если узнает про это великий князь, то им плохо придется, потому что великий князь подумает, будто они уклоняются от работы».

Свою пространную «новеллу» Франц Ниенштедт заканчивает ссылкой на очевидцев: «Обо всем этом впоследствии мне рассказывали сами Томас Шреффер и Иоганн Веттерман. Книги были страшно запылены, и их снова запрятали под тройные замки в подвалы».

Но нельзя ли установить, какие конкретно книги привели в восхищение Максима Грека и Иоганна Веттермана? Оказывается, можно. Существует список. Правда, копия, даже не копия, а отдельные выдержки, но какие! В список вошли исключительные редкости античного мира.

250 лет пролежал этот список в архивах, не привлекая особого внимания, во всяком случае нигде не сохранилось указаний, чтобы кто-нибудь воспользовался им. Лишь в 1882 году профессор Дерптского университета Дабелов, читавший курс гражданского права, опубликовал в юридическом справочнике статью сугубо специального характера. В ней как бы между прочим приведены названия греческих и латинских книг, которые находились в библиотеке русских великих князей. Не всех, а только юридических. Где же почерпнул профессор такие сведения? В архиве приморского городка Пярну. Оттуда ему прислали четыре старые тетради — материалы для научного труда. В одной из них он обнаружил два пожелтевших листка. Безвестный немецкий пастор, которого называют «дабеловским анонимом», перечислил редкие книги московской царской библиотеки. Документ относился к XVI веку. Пастор приводит огромную цифру — 800! Столько греческих и латинских руко-

писей на пергаменте видел он своими глазами. Сам он описывает лишь некоторые из них.

Профессор снял копию с этого библиографического извлечения, а тетради отправил обратно в Пярну.

Перечень дабеловского анонима начинался словами: «Сколько у царя рукописей с Востока; таковых было всего до 800, которые частью он купил, частью получил в дар. Большая часть суть греческие; но также много и латинских».

Среди греческих упомянуты «Полибиевы истории». Из сорока томов историка Полибия сквозь толщу времени дошло до нас пять, да несколько разрозненных отрывков. Может быть, пастор видел как раз те, которые неизвестны науке?.. Он просто назвал: Аристофановы комедии, Пиндаровы стихотворения, не указав их заглавий... Далее в списке — «Базилика, новелла конституционес. Каждая рукопись также в переплете», «Гефестионова географика» и некоторые другие.

Историей Тита Ливия открывался список римских произведений. Причем пастор добавил, что ему предложили перевести именно «Ливиевы истории». Потом идут Цицероновы книги «Де републилка» и восемь книг «Историарум». Ценнейшие труды древности! Сочинение Цицерона «Де републилка» восстановлено далеко не полностью, а из восьми томов «Историарума» не сохранилось ни единого. Затем автор уже категорически утверждает, что «Светониевы истории о царях» им переведены... Речь идет о труде Гая Светония «Жизнь двенадцати цезарей».

«Тацитовы истории» и «Вергилия Энеида», «Оратории и поэмы Кальвуса», «Юстинианов кодекс конституций и собрание новелл» — что ни строка, то неожиданность... Мы наслышаны об ораторском искусстве Кальвуса, но нет сведений о его поэмах, так же как о «собрании новелл», включенных в Юстинианов кодекс.

И примечание: «Сии манускрипты писаны на тонком пер-

гаменте и имеют золотые переплеты. Мне сказывал также царь, что они достались ему от самого императора и что он желает иметь перевод оных, чего, однако, я не был в состоянии сделать».

Таков список: в нем из 800 манускриптов перечислено всего несколько десятков, но и перечисленное уникально...

Слухи о таинственной либерее распространились по странам Европы в том же XVI веке. Во всяком случае в Московию засылались специальные разведчики в составе официальных посольств. Так, просвещенные люди в Риме считали, что в Кремле есть какая-то библиотека с греческими книгами, они связывали ее с последними императорами Византии. И когда в Москву направился литовско-польский канцлер Лев Сапега для того, чтобы поздравить Бориса Годунова с вступлением на царство, Рим дал ему в «провожатые» своего агента Петра Аркудия. Грек по национальности, он на протяжении 14 лет обучался в Риме. Закончив курс и выдержав положенные диспуты, получил степень доктора философии и богословия.

Петр Аркудий, близкий к книжному делу, хорошо знал греческие и латинские рукописи и, как нельзя больше, подходил для поисков царской библиотеки. Русские, по словам этого агента, сначала рассказывали заманчивые вещи, показывали даже «Четьи-Минеи», но пустить в библиотеку отказались. Аркудий так и не смог обнаружить ее следов. И, оправдывая неуспех, написал в Рим, что библиотеки нет и никогда не было. Вот строки из этого донесения: «О греческой библиотеке,— относительно которой некоторые ученые люди подозревают, что она находится в Москве,— при всем нашем великом старании, а также с помощью авторитета господина канцлера не было никакой возможности узнать, что она находилась когда-нибудь здесь». Да и вообще великие князья московские — люди необразованные...

В том же духе высказался и Лев Сапега: он шел даже еще дальше, утверждая, что в Москве библиотек вовсе нет, за

исключением немногих церковных подборок. Это было, конечно, несправедливо и оскорбительно. Достаточно того, что за одну лишь середину XVI века на Руси были изданы историко-литературные своды, начато книгопечатание, работали крупные книжные мастерские, велась книжная торговля.

Кто-кто, а уж поляки-то имели представление о книжных возможностях Московской Руси. Вот один из примеров. Еще в XV веке секретарь польского короля Якуб познакомился в Москве со знаменитым архитектором Василием Дмитриевичем Ермолиным, который был великим книжником. Вернувшись в Польшу, Якуб прислал письмо; хотя оно и не сохранилось, судить о его содержании можно по ответу Ермолина, который известен как «Послание от друга к другу». Якуб просил купить для него в столице «Пролог полный на весь год в одном переплете да Осьмигласник по новому, да Два творца в одном переплете, а к ним жития 12 христовых апостолов в одном переплете». Ермолин сообщил, что эти книги имеются в продаже в большом количестве («купить можно много»), но переплетены они не так. Поэтому пусть Якуб вышлет бумагу, денег и подождет. Ермолин обещает заказать для него эти книги: «А я многим доброписцам велю такие делать по твоему приказу с хороших списков, как хочет твоя воля».

Другой пример не менее показателен. В том же XV веке Ян Длугош, работая над «Историей Польши» в трех томах, использовал русскую летопись; кроме того, в польских землях долгое время провела русская, так называемая Радзивилловская (Кенигсбергская) летопись. Так она называется потому, что «обитала» у польского магната Богуслава Радзивилла, а он передал ее в Кенигсбергскую библиотеку. (Во время Семилетней войны летопись была возвращена в Россию.)

...Прошли годы, и ученик Аркудия Паисий Лигарид так же упорно, как и его учитель, пытался проникнуть в тайну. В его письме к царю Алексею Михайловичу есть такие стро-

ки: «Сад, заключенный от алкающих, и источник, запечатанный от жаждующих,— по справедливости почитаются несуществующими. Я говорю сие к тому,— пояснял Лигарид,— что давно уже известно о собрании вашим величеством из разных книгохранилищ многих превосходных книг; почему нижайше и прошу дозволить мне свободный вход в ваши книгохранилища для рассмотрения и чтения греческих и латинских сочинений».

Высказывалось предположение, что Лигарид имел в виду Патриаршую библиотеку, а к Никону, истинному ее владельцу, он обратиться не мог, так как у них-де были враждебные отношения. Но в письме вполне ясно речь идет о превосходных книгах царской библиотеки, особо подчеркнуто наличие греческих и латинских. Петр Аркудий, по всей вероятности, рассказывал своим ученикам о легендарной либерее, которую ему не удалось разыскать.

Ее сокровищ Лигарид не увидел, хотя другими библиотеками Москвы пользовался неоднократно.

Та же участь постигла и хорвата Юрия Крижанича. Хотя он был сторонником сближения славянских народов, призывал Алексея Михайловича распространить русскую книгу на Балканах, Карпатах, в Польше, его все-таки считали агентом Ватикана и в конце концов сослали в Тобольск.

Так вот, Юрий Крижанич во второй свой приезд в Россию (конец 1659 года) подал через Посольский приказ царю прошение. В нем он добивался того, чтобы его назначили придворным библиотекарем — он готов даже самолично составить каталог. Вначале Крижанич указывает, что как в древние времена в Египте, Ассирии, Персии, Греции, так и ныне в Европе у всех самодержцев есть библиотеки, а присматривает за ними человек, который много языков знает и в книгах разбирается. Потом переходит к делу: «Ваше царское величество имеет многие книги. Не зло б было во един ряд их разложити, сочтати, списати, да ваше царское величество на время буде могло очи имел забавити, разумевающе,

о цели всякие книги спрашивают и что учат и ради учения да книги пред руками будут. Аще богу и вашему царскому величеству будет угодно, могу в сем деле послужити: бо умеемо четыре языки совершенно: словенский, латынский, немецкий, итальянский; умеемо и другие четыре языка несовершенно: греческии писменыи, греческии простыи, полскии и венгерскии. Сие разумеем и можем преводити на словенскии или на латынскии язык свершено, хотя ж говорити их совершенно не можемо»...

В библиотеку его не допустили, поручив лишь перевод некоторых книг...

Шведский богослов Николай Берг, выпустивший уже при Петре I труд о русской церковной книжности, упоминает и о библиотеках, в том числе о библиотеке великих князей. Он отмечает каллиграфическое мастерство переписчиков, широкое распространение книг, наличие фондов в монастырях и церквах. И далее уже со слов И. Спарвенфельда — языковеда, дипломата и библиофила — прибавляет: «Есть какая-то библиотека у царя, довольно богатая рукописными и печатными книгами и что она хранится в его личном дворце».

Осталось сказать, что и французские купцы обращались с просьбой к Ришелье о приобретении в Москве редких сочинений.

Итак, немцы и итальянцы, поляки и шведы, французы и хорваты в той или иной форме в разное время и по разному поводу проявляли осведомленность о таинственной царской библиотеке. А что же сами русские? Неужели они абсолютно ничего не знали о тех восьмистах томах, что спрятаны в подземельях Кремлевского дворца? Ведь даже, по свидетельству иностранцев, царские чиновники присутствовали при знакомстве хотя бы с несколькими книгами.

Однако источники XVII века об этом ничего не сообщают, собственно, и из XVI века только ведь и дошло несколько строк из «Сказания о Максиме-философе».

Первые наши сведения о тайнике с книгами относятся к началу XVIII века. Тогда же начались и первые раскопки, первые практические шаги, направленные на поиски сокровищ...

1724 год. Пономарь одной из московских церквей Конон Осипов послал длинное «доношение» в правительственную канцелярию. В нем, в частности, говорилось: «Есть в Москве под Кремлем-городом тайник, и в том тайнике есть две палаты, полны наставлены сундуками до стропу. А те палаты за великою укрепою; у тех палат двери железные, поперек чепи в кольца проемные, замки вислые, превеликие, печати на проволоке свинцовые, а у тех палат по одному окошку, а в них решетки без затворов. А ныне тот тайник завален землею, за неведением, как виден ров под Цехаузной двор и тем рвом на тот тайник нашли на своды, и те своды проломаны и, проломавши, насыпали землю накрепко».

Пономарь объяснял, что эти сведения он получил от дьяка Большой царской казны Василия Макарьева. Макарьев же еще во время правления Софьи был послан в тайник, вошел в него близ Тайницких ворот, а вышел — к реке Неглинной, в круглую башню. Более того, «и в те окошка он смотрел, что наставлены сундуков полны палаты; а что в сундуках, про то он не ведает...».

Правительство Петра I не оставило без внимания эго «доношение». Оно было прочтено в Сенате, а сам Петр наложил резолюцию: «Освидетельствовать совершенно вице-губернатору». Новые попытки ни к чему не привели, в связи с чем последовало распоряжение «той поклажи больше не искать».

Спустя десять лет Осипов снова шлет бумагу в Сенат. Дважды обсуждался вопрос о раскопках, и разрешение было дано. Работы развернулись обширные, рвы копали в пяти местах, но опять — неудача. Что это были за сундуки — осталось загадкой. Хранились ли в них книжные богатства или архив Ивана Грозного — неизвестно...

Прошло полтора столетия. Казалось, судьба древних ан-

тичных книг должна быть предана забвению. Но в конце XIX века выступили крупные русские ученые. Прежде всего — палеограф Н. П. Лихачев. Он согласился, что и Веттерман и Максим Грек могли видеть содержимое библиотеки, но решительно восставал против перечня книг, обнаруженного Дабеловым. Затем слово взял знаток старой Москвы И. Е. Забелин. Он не отрицал наличия библиотеки. Более того, предположил, что книгохранилище находилось в ведении царского казначея Н. Фуникова (недаром он был в подземелье, когда книги показывали Веттерману). Ученый полагал также, что библиотека Ивана Грозного могла помещаться в какой-нибудь сводчатой подклети, недалеко от жилых деревянных царских хором. Вместе с тем, по его мнению, библиотека погибла в большом пожаре 1571 года.

Веские аргументы в пользу таинственной либереи привел академик А. И. Соболевский. «Сундуки с книгами где-то существуют, засыпанные землей или невредимые, и от нашей энергии и искусства зависит их отыскать»,— делал он окончательный вывод.

Пока шло обсуждение, вспыхивали споры, директор Оружейной палаты князь Н. С. Щербатов вновь организовал (в конце прошлого века) раскопки в Кремле. Однако и они ничего не дали. Тогда были обследованы две кремлевские башни — Троицкая и Арсенальная, но и их тайники оказались пустыми. Тогда же, получив разрешение от Александра III, принялся за поиски немецкий ученый Тремер. Никаких результатов он тоже не добился, а уезжая на родину, изрек: «Наука поздравит Россию, если ей удастся отыскать свой затерянный клад».

Неоднократно предпринимались подобные попытки и после победы Советской власти. Часть подземной территории Кремля изучалась, например, при строительстве Дворца съездов в 1959—1960 годах. Много сил отдал этому археолог-любитель И. Стеллецкий, и — безуспешно.

Несколько лет назад была создана комиссия по розыскам

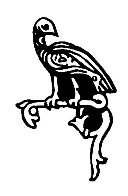
библиотеки Ивана Грозного. Ее три года возглавлял академик М. Н. Тихомиров. Это ему принадлежат слова: «Библиотека московских царей с греческими и латинскими рукописями — это факт, не подлежащий сомнению». В небольшой, но удивительно емкой работе он указывает, что в ту далекую пору греческие книги не были редкостью на Руси. Их доставляли представители духовенства, художники, ремесленники, купцы. «Наконец, вспомним,— пишет М. Н. Тихомиров,— о приезде в Москву наследницы византийских императоров Софьи Фоминичны Палеолог, вышедшей замуж за Ивана III. С ней приехали многие греки. И неужели Софья и ее многочисленные спутники не имели с собой книг на родном языке? Факт совершенно невероятный. А ведь великий князь Василий Иванович, по сказанию, владевший библиотекой, был сыном Софьи. Возникает законный вопрос: если у русских существовала потребность в греческом языке, то куда же делись греческие книги, привозимые в Россию?»

Выдвигалась версия, что царскую либерею взял с собой Иван Грозный в Александрову слободу во время опричнины. Летопись сообщает, что в слободу из Москвы отправили большой обоз, в котором была «вся казна». А тогда к казне причислялись и книги. Но и эта версия никак фактически не подтвердилась.

На вопрос писателя В. Жукова, стоит ли продолжать дальнейшие изыскания, председатель археологической комиссии АН СССР профессор С. О. Шмидт ответил: «Раскопки, проводившиеся на протяжении трех столетий, по разным причинам ни разу не были доведены до конца. Я присоединяюсь к мнению М. Н. Тихомирова, что библиотека вполне может существовать и, вероятнее всего, под землей, на территории Кремля. Сейчас специальные поиски библиотеки не ведутся, но появляется возможность получения дополнительных сведений о рукописях этой библиотеки и в памятниках древнегреческой письменности, и, возможно, в материалах архивов

турецких султанов, архивах Афонских монастырей...»

Таким образом, само наличие таинственной либереи у большинства исследователей сомнений не вызывает. Она была. А вот в том, сохранилась ли она до наших дней,— мнения резко расходятся. И все же хочется верить, что где-то, может быть, в подземельях Кремля, или Коломенского, или Александровой слободы «притаились» дубовые сундуки, окованные железом, а в этих сундуках — заветные книжные сокровища...

ПАТРИАРШАЯ КНИГОХРАНИТЕЛЬНАЯ ПАЛАТА

емнадцатый век. Это была поистине мятежная пора. Грозное зарево народного протеста не угасало на горизонте. Первые его сполохи затрепетали в самом начале — Болотников. Мощными толчками сотрясали страну волнения крестьян и городские «бунты» середины века — «чумной», «медный». Наконец, огненная лава крестьянской войны, предводимой Степаном Разиным.

Зримо пробиваются ростки неудовлетворенности привычными, дедовскими формами жизни. Главную их освятительницу — церковь — постигает драма раскола. Патриарх Никон восстает против царской опеки, а мятежный протопоп Аввакум в ослеплении страсти пытается повернуть время вспять.

На земских соборах спорят о лучшем устройстве государственных дел — и усугубляют тяжелое положение народа. На церковных соборах ратуют за упрочение роли и авторитета церкви — и лишают ее целостности. Необходимость развития торговли и промышленности вынуждают приглядываться к научному и техническому опыту Запада, а религиозный провинциализм и житейская косность велят чураться его, «аки наваждения диавольского».

Противоречия и противоречия... Они пронизывают, раздирают эпоху. Но и создают ее. В них рождаются небывалые еще для русских людей прозрения. Изменяющиеся экономические отношения, новые потребности и запросы ведут и к выдающимся географическим открытиям на Востоке и на Севере, и к важнейшим открытиям иного рода — социальным и духовным.

Именно в XVII веке впервые, может быть, народные массы начинают осознавать свою роль.

И параллельно идет иное постижение: ценности

личности с ее правом иметь свой сложный внутренний мир, быть значительной и интересной самой по себе,— что ярко выразилось в литературе. И это тоже был мятеж против устоявшегося взгляда на человека лишь как на объект различных предписаний и установлений, сословную, государственную или церковную принадлежность — холопа, боярина или овцы стада православного. В грозовой атмосфере века естественны эти первые вспышки пробужденного сознания.

Общий «дух мятежа» проникает и в область культуры. Существующая система образования перестает удовлетворять. Явственно ощущается нехватка научных знаний. Новые проблемы встают перед архитектурой и церковной живописью. В литературе при внешнем господстве традиции наблюдается мощное глубинное движение. Она заметно расширяет поле своего зрения, все чаще обращается к злободневным вопросам. В такой обстановке, испытывая влияние и влияя, развивается русская книжность.

XVII век знает уже самые разные типы библиотек: монастырские, церковные, личные и те, которые мы теперь назвали бы ведомственными. Интерес к книге, стремление иметь ее под рукой пробуждается в самых различных слоях населения. А спрос на книги обусловливался распространением грамотности, и наоборот, удовлетворение такого спроса способствовало росту грамотных. Они нередко встречались не только среди торговцев и ремесленников, но и среди крестьян:

Ведь преимущественно этим, самым демократическим читательским кругам была адресована возникшая в ту эпоху бытовая и сатирическая литература, которая пользовалась популярностью и имела широкое хождение.

В 1649 году проводилась опись Печатного двора. Из нее можно узнать, что среди прочих книг (богослужебных, «Уложения» 1648 года, книг ратного строя) были 441 грамматика и 2900 азбук. По тем временам это не такие уж скромные

цифры, и они проливают дополнительный свет на существовавшую тогда тягу к «учению книжному».

Книги успешно продавали. И здесь же, в Печатном дворе, и в торговых рядах — книжном и овощном (!). Особенно бойкая торговля шла на Красной площади, у Спасских ворот.

Русские люди ценили и глубоко чтили книги. В имущественных описях, например, они занимали второе место после икон, что, помимо материальной ценности, говорило и об особом значении их для обладателя. Хранились они обычно в почетных красных углах.

Вот на почве такой устоявшейся книжной культуры и множились крупные русские библиотеки XVII века, как частные, так и государственные. Среди последних особая роль принадлежала библиотеке московских патриархов, начало которой положили московские митрополиты. Установлено, что в их казне находились и книги. Однако об общих контурах библиотеки можно говорить примерно лишь с середины XVI века — с эпохи Ивана Грозного.

Русскую церковь возглавлял тогда митрополит Макарий. Сам он не прославился как писатель, но был человеком широко образованным и большим книголюбом. И личные пристрастия, и нужды церкви заставили его настойчиво собирать все «святые книги», которые в русской земле «обретаются». Макарий затеял огромное предприятие: для назидания современникам и руководства грядущими поколениями заново составить и тщательно отредактировать «Четьи-Минеи» на все месяцы года — «Великие Четьи-Минеи».

Во исполнение задуманного Стоглавый собор 1551 года распорядился, чтобы «все святые книги с добрых переводов исправили...». И к Макарию со всех концов Руси стали стекаться необходимые материалы.

Эти-то главным образом славяно-русские рукописи и легли в основу митрополитовой книжной казны. Известно, что в 80-е годы XVI столетия Угримом Горским была составлена

ее опись. К сожалению, она не сохранилась, и мы не можем судить о составе книг.

Автор работы о Патриаршей библиотеке Н. П. Попов связывает ее возникновение с именем Макария: «Основоположником патриаршего собрания древнерусских письменных останков был знаменитый русский книголюб и меценат митрополит Макарий, рукописный фонд которого, в неопределимом пока размере, явился первоначальным зерном, откуда с течением времени выросли митрополичья казенная, а затем и патриаршая библиотека». Добавим: патриаршество было учреждено в 1589 году.

Когда современный читатель хочет познакомиться с фондом книгохранилища, к его услугам каталог. Примерно аналогичным образом поступает и историк. Правда, ему приходится несколько хлопотней. Никто не готовил для него картотеку. Но зато иногда составлялись описи книжных собраний (мы уже упоминали о них). И чтобы отыскать такую опись, приходилось переворачивать груды различных бумаг. Так в разное время ученые опубликовали несколько списков из Патриаршей библиотеки.

Первая уцелевшая опись относится к 1631 году. Из нее видно, что в церковном имуществе патриарха, помещавшемся в Успенском соборе, было 17 рукописных и 4 богослужебные печатные книги. Еще 154 книги — «на его государевом патриаршем дворе в книгохранительной палате». Это тоже различная церковная литература, в основном рукописная (печатных книг только шесть), несколько греческих фолиантов. Интересно, что в этой описи есть сведения о вкладах трех московских митрополитов — Геронтия, Даниила и Макария. Однако кто из них и сколько оставил после себя, неясно, так как из описи следует, что от каждого из них в состав казны вошло лишь... по одной книге. И отмечаемая историками весьма неодинаковая библиофильская склонность митрополитов, по иронии судьбы, оказалась здесь обезличенной.

Итак, в 1631 году Патриаршая библиотека состояла из 175 книг. В дальнейшем она продолжала пополняться за счет запасов московских церквей и патриарших монастырей (патриархи были крупными землевладельцами, в их собственность входили и монастыри). Например, в 1639 году из Кирилло-Белозерской обители забрали 34 книги, приблизительно тогда же из Троице-Сергиевой — 19.

Рукописи и книги, оседавшие в Патриаршей библиотеке, не лежали запертыми в сундуках, а выдавались для различных целей. К сожалению, какими-нибудь обстоятельными данными мы не располагаем. Лишь от послепетровского времени дошел до нас документ — разрешение Синода пользоваться, наряду с Типографской, Синодальной библиотекой (с 1721 года, с упразднением патриаршества и образованием Синода, она была переименована) ректору, префекту, учителям и «первенствующих школ студентам» Славяно-греко-латинской академии. Для посетителей отводились три дня в неделю — вторник, четверг и суббота. Читать можно было не в помещении книгохранилища, а в столовой, где были поставлены специальные столы. В Типографской библиотеке (то есть Печатного двора) для чтения отводилась правильная палата.

Литературу выносить запрещалось, но не возбранялось делать записи. Вскоре, правда, книги под расписку стали получать «на дом» ректор и префект. За порчу и прочий урон взыскивался штраф. Однако обычного удела — утраты книг — Патриаршей библиотеке избежать не удалось.

Одним из ее назначений стало хранение исправных, канонизированных текстов. И этим объясняются появившиеся еще в XVI и прочно установившиеся в XVII веке ее связи с Печатным двором. Из Патриаршей библиотеки не только брали для перепечатки правленые книги, но заимствовали и образцы шрифтов.

Эти общекультурная и идеологическая функции патриаршего книжного собрания особенно ярко обрисовались после

1652 года при Никоне. Именно при нем составился тот фонд, который впоследствии завоевал мировую славу.

Новый 47-летний патриарх, шестой по счету, происходил из крестьян. Ему удалось обучиться грамоте, выбиться в сельские священники. Позже он — монах в северных монастырях, а затем архиепископ в Москве и митрополит в Новгороде.

Умный и властолюбивый Никон сумел завоевать расположение царя Алексея Михайловича, который называл его «собинным» (личным) другом и выдвинул в патриархи. «Из русских людей XVII века,— говорит Ключевский,— я не знаю человека крупнее и своеобразнее Никона».

Сделавшись патриархом, Никон поставил перед собой задачу укрепить церковь, которую расшатали бури века и в которой то и дело вспыхивали внутренние раздоры, поднять ее авторитет. Это совпадало с намерением царя, стремившегося с помощью церкви усилить абсолютистскую власть.

Упорядочение церковных дел, кроме того, связывалось с объединением украинской и русской православных церквей, а также с внешнеполитическими планами московского правительства, так как оно претендовало на роль защитника православных «меньших братьев», попавших под мусульманское владычество.

А для обоснования права вмешательства ему было необходимо убедить общественное мнение в том, что русская церковь — незыблемая хранительница православного чина — нераздельна с угнетенными восточными церквами, и прежде всего с греческой. Никон имел свои тайные цели: как глава власти духовной, он мыслил стать выше царя и поэтому тоже искал себе опору и союзников на Востоке.

Между тем исторически, в силу разных причин, в русском православии сложилась обрядность, несколько отличавшаяся от исконной греческой (двоеперстие при осенении крестом, например). И в сознании паствы эта обрядность освящалась и традицией, и идеей «третьего Рима» — Московского госу-

дарства как единственного преемника павших «за грехи» Римской и Византийской империй. К тому же церковь Византии в глазах русских людей была сильно скомпрометирована унией с католиками и турецким пленением.

Таково было настроение умов, когда Никон, по словам Ключевского, «на много дней затворился в книгохранилище, чтобы рассмотреть и изучить старые книги и спорные тексты... Он начал рассматривать и сличать с греческим славянский текст символа веры и богослужебных книг и везде нашел перемены и несходства с греческим текстом. В сознании своего долга поддерживать согласие с церковью греческой он решил приступить к исправлению русских богослужебных книг и церковных обрядов».

Первый шаг Никона в этом направлении — распоряжение о проведении учета и описания наличных книг. Нужно было ясно представить, что могло понадобиться для предпринимаемой работы. Во вступлении к «Описи книгам, в степенных монастырях находящимся» можно прочитать: «161 (1653) году генваря в 11 день, по указу великого господина святейшего Никона патриарха московского и всея Руси, выписано степенных монастырей из отписных книг, в которых монастырях обретаются церковные четьи, того ради, чтобы было ведомо, где которые книги взяти, книг печатного дела исправления ради».

Эта опись явилась беспрецедентной в своем роде. В нее были внесены 2672 русские рукописные книги из 39 монастырей. И хотя они включались выборочно, все равно, как отмечает автор «Истории русской библиографии» Н. В. Здобнов, опись «сохраняет значение первого в России сводного каталога». Она свидетельствует также о целенаправленности и размахе, с которыми начал свою деятельность Никон.

И вновь на патриарший двор потянулись книги из разных углов России. Отбирались они, надо полагать, по личному указанию патриарха. Никон был опытным собирателем. Бу-

дучи еще митрополитом в Новгороде, не подвергавшемся монгольскому нашествию, и имея доступ в местные монастырские библиотеки, он накопил ценную коллекцию древних русских пергаментных рукописей, влившуюся затем в Патриаршую библиотеку.

Однако ни имевшиеся, ни вновь доставленные книги не удовлетворяли требованиям Никона. Среди них оказалось мало образцовых, соответствующих греческому канону.

Удивительно! Жизнь страны медленно, но шла вперед: совершались отважные путешествия поморов, продолжалось освоение Сибири, первые шаги делало гражданское книгопечатание, в Москве возник театр... А церковные схоласты ожесточенно спорили... о количестве земных поклонов при богослужении, о букве, о том, как писать в тексте — «беаше» или «был еси».

И вот по воле патриарха собор 1654 года принимает решение исправлять богослужебные книги по греческим оригиналам. Келейник Никона Иван Шушерин вспоминал в составленном им жизнеописании патриарха: «По совершении оного собора немедленно святейший патриарх, того ради исправления, повеле отовсюду из древних книгохранильниц древние греческие и славянские харатейные книги собрати и искусным и благоговейным мужам, имущим от бога дар честно от недостойного изводити и могущим с еллино-греческого языка на славянский перелагати, те книги рассматривати и погрешения от неискусных переводчиков и от переписующих исправляти и вся выписывати».

Но еще прежде того на поиски греческих «харатейных» сочинений «отряжен» человек — доверенное лицо патриарха. Это известный московский иеромонах Арсений Суханов. Он сторонник Никона, хорошо образован, ловок и сметлив, имеет к тому же дипломатический опыт. В 1649—1650 годах побывал за рубежом для сличения православных обрядов с греческим, еще через год вновь совершил путешествие по Малой Азии и Греции.

И опять в октябре 1653 года путь его лежит в те края, на святую гору Афон. Где же, как не в зависимых от московской церкви афонских монастырях, еще позаимствовать нужные первоисточники? Миссия его тем более ответственна, что его «изволиша великий государь и святейший патриарх по соглашению послати».

Афонские монахи бедны и жадны. А на «книжную покупку» по царскому указу выделено соболей на 3000 рублей да особо денежная казна.

Любопытны некоторые перипетии сухановского вояжа. С великими предосторожностями довез он немалую милостыню монахам — дорогих соболей — до Ясс. Здесь с «государевою грамотой» явился к молдавскому воеводе Стефану и был принят ласково. Арсений нуждался в спутнике — торговом человеке из местных греков, который взялся бы вместе с ним доставить поклажу, выдавая ее за свою. Старец небезосновательно опасался, что у него, чужака монаха, какие-нибудь власти, а то и просто «ратные люди» могут отобрать ценности. Купцов же, он знал, не трогали.

Но такого верного человека поначалу найти не удалось. Время было неспокойное, то и дело вспыхивали междоусобицы, и греческие торговцы благоразумно разбежались. Тогда Арсений решил на месте реализовать товар. Но и здесь его постигла неудача, и все по той же причине: не оказалось никого, кто мог бы уплатить запрашиваемую сумму.

Старец попал в критическое положение. Но неожиданно выручил воевода Стефан. «Милостию всесильного бога вложися ему мысль исторговать у старца Арсения соболи, есть ли и дешевою ценою, только Арсений и тому был рад, потому что в то время был большой страх от воинских людей: от татар и от венгров и от междоусобия».

И все-таки Арсений подыскал себе спутника «для толмачества турского» — грека Ивана Панкратьева. И на двух лошадях отправились они вместе на Афон сухим путем. Добрались без особых приключений.

Монастырь за монастырем объезжал Суханов. Рылся в книгохранилищах, просматривал рукописи, отбирал... Платил — не скупился. Монахи оставались довольны. Всего было куплено 498 книг. Часть из них должны были прислать сами монахи, а с частью в феврале 1655 года он возвратился в Москву. Ехал днем и ночью, стремясь ловчее проскользнуть между «воинскими людьми», «татарами и ляхами», с обеих сторон обложившими дорогу в стольный град.

Никон писал в начале 1656 года константинопольскому патриарху Дионисию, в частности: «...посылахом со многою казною... во святую гору Афонскую ради святых древних книг и принесоша нам не меньше пятисот, еще суть писанны за 500, за 700 и за 1000 лет, и сице от сих божественных книг благодатию Божию проведется и исправися у нас»...

Московский патриарх вполне мог быть доволен: среди приобретенных рукописей были действительно очень древние — IX—XII веков. Суханов был обласкан, его назначили келарем Троице-Сергиева монастыря.

По прибытии остального багажа оба «государя», царь и патриарх, «оные священные книги совокупивше все во едино и довольно лежащая в них рассмотревше»...

Покупка вошла в состав Патриаршей библиотеки и была помещена в особое хранилище. Как мы знаем, книги предназначались для исправления церковной литературы и главным образом уставов, требников, служебников, часословов. Но вот первое недоумение — таковых в сравнении с общим количеством было совсем мало. Как сообщает биограф Арсения С. А. Белокуров, «...не привезено им древних греческих книг ни потребника, ни служебника, ни часослова, которые могли бы служить руководством при исправлении подобных же русских книг, а вместо этого привезены им различные духовно-нравственные сочинения, предназначенные для домашнего чтения... исправлять которые едва ли было в мыслях патриарха Никона».

Да, кроме того, и в подходящих рукописях (их было 48, затребованных на Печатный двор) справщики толком не умели разобраться. И в конце концов пришлось исправлять по современным печатным греческим книгам, изданным в Венеции.

Еще большее недоумение вызывают отобранные Сухановым античные философские, научные и художественные сочинения, например «еллинского философа Троя, Сахо Склея Исхила, философа Афилистрита, философа Фокмя Еллина, нарицаемая Софоклея философа, Аристотелева преестественная... Стравона философа в землемерии, Омира философа...» и другие.

Что это — случайность, недоразумение? Ведь к XVII веку в господствующей церковной идеологии на Руси сложилось прочное предубеждение против языческой «еллинской мудрости». В головы людей вдалбливалось: «Богомерзостен перед богом всякий, кто любит геометрию, а се душевные грехи — учиться астрономии и еллинским книгам; по своему разуму верующий легко впадает в различные заблуждения; люби простоту больше мудрости, не изыскуй того, что выше тебя, не испытуй того, что глубже тебя, а какое дано тебе от бога готовое учение, то и держи». Учащихся же наставляли: «Братия, не высокоумствуйте! Если спросят тебя, знаешь ли философию, отвечай: еллинских борзостей не текох, риторских астрономов не читах, с мудрыми философами не бывах, философию ниже очима видех; учуся книгам благодатного закона, как бы можно было мою грешную душу очистить от грехов».

Арсений сам знакомился с книгами. Так что же это — его личное пристрастие, выбор на свой страх и риск? Вряд ли,— он был дисциплинированным монахом. А может быть, то была язвительная шутка афонских затворников, подменивших «святые» книги «богомерзостными» и предвкушающих пуританский ужас москвичей?

Или же это прямая инструкция грекофила Никона, его

реакция на веяние времени, своеобразная гибкость, чтобы не упустить из-под контроля церкви назревшую в обществе мощную тягу к просвещению? Раз это неизбежно, то лучше пусть оно идет под сенью авторитета церкви, чем завоюет свой, ей враждебный. Примерно тогда же (1654 год) в Москве как раз открывается греко-латинская школа Арсения Грека. Вполне вероятно, что часть привезенных Сухановым книг предназначалась для нее (в «разумных» пропорциях: больше душеспасительного чтения и некоторая толика философии). И, таким образом, миссия Суханова преследовала двойную цель.

Деятельность Никона вызвала глубокую оппозицию в русской церкви и в конечном счете привела к ее расколу. Это было сложное и противоречивое явление. Демократическое в своей основе, оно, будучи антиофициальным, привлекло на свою сторону массы обездоленных и угнетенных. И одновременно — реакционное, потому что смотрело назад, а не вперед.

Приверженцы «древнего благочестия» имели своих талантливых идеологов, среди которых самым выдающимся был протопоп Аввакум Петров. Его страстные филиппики против сторонников Никона противоречивы. Он резко обличает неправду сильных мира сего, эгоизм и барство, корыстолюбие и жестокость высших представителей церкви, выступает в защиту обиженных. Спасения же от зла ищет в возвращении к «покинутому» русскому богу, к прежней церковной и мирской жизни.

Мы не будем здесь больше касаться разногласий противников. Для нас интереснее другое: знаком этой борьбы, символом ее содержания стали книги. И не только богослужебные. Это также вызывало резкую реакцию сподвижников Аввакума. Они не понимали намерений Никона или понимали их по-своему, однако устремления его уловили отчетливо.

Это хорошо видно из одной беседы златоречивого Авва-

кума, где он обрушивается на приспешников «внешней мудрости», то есть просвещения: «...альманашники и звездочетцы, и вси зодейщики познали бога внешней хитростью, и не яко бога почтоша и прославиша, но осуетишася своими умышленьми, уподоблятися богу своею мудростию начинающие якоже... Платон и Пифагор, Аристотель и Диоген, Иппократ и Галин: вси сии мудри быша и во ад угодиша...» Ту же участь предрекает Аввакум и их последователям.

Приведенные строки написаны значительно позже того, как Суханов доставил в Москву свои афонские приобретения. Но они — эти строки — свидетельство прежнего размежевания позиций. Для такого размежевания существенным являлось то или иное отношение к «внешней мудрости», просвещению, светским произведениям.

Книга, «кладезь мудрости», «прелестница» делалась знаменем и орудием борьбы, что, впрочем, отлично доказывал и сам Аввакум.

И знаменитый фонд Патриаршей библиотеки, возникавший в недрах старого и для его сбережения, неожиданно начал тяготеть к новому, обретал иную суть.

Пополнившееся собрание оказалось актуальным, созвучным времени.

Планы Никона не осуществились, логика событий оказалась другой. Не удалось ему победить и в негласном соревновании с царем за приоритет. В сердцах он ушел в отставку: покинул патриарший стол и удалился в 1658 году в только что построенный ново-иерусалимский Воскресенский монастырь. За Никоном последовала часть — самая ценная, новгородская и сухановская,— Патриаршей библиотеки.

В связи с этим предварительно была составлена новая ее опись. Но прежде чем посмотреть в нее, нужно пояснить, что Патриаршая библиотека не была единым целым. Она ведь, как мы помним, принадлежала патриаршей казне, а та делилась на три вида: «Патриаршая ризная казна — церковное облачение и утварь, являвшиеся принадлежностями цер-

Миниатюра из «Александрии».

Миниатюра из «Александрии».

ковного служения митрополитов и патриархов... Патриаршая домовая казна — предметы домашнего быта и церковные вещи, имевшие как церковное, так и домашнее употребление... Патриаршая келейная казна — личная собственность каждого патриарха»... В состав каждого из видов казны входили соответственно и книги. Причем келейные были личной собственностью патриарха, которой он или его наследники могли располагать как угодно. Все же остальные являлись казенным имуществом. Фактически в распоряжении патриархов были две библиотеки.

Так вот из описи 1658 года видно, что в составе ризной казны находилось 28 богослужебных книг, а домовая казна насчитывала 1364 книги, из которых 156 — лично никоновские (среди них древние пергаментные рукописи, привезенные из Новгорода); остальные 1208, в том числе сухановские,— казенное имущество.

Характерной особенностью собрания, как явствовало из описи, было наличие в нем 562 иностранных трудов (467 греческих рукописей, 91 греческая печатная книга и четыре немецкие печатные грамматики).

В Воскресенский монастырь Никону отправили его келейные книги и сухановский фонд, за исключением 48 книг, переданных на Печатный двор. Однако все они уже на протяжении 70-х годов по частям стали возвращаться в Москву, но теперь не в домовую, а в Патриаршую ризную библиотеку.

По указанию патриарха Иоакима в 1675 году проведена новая «опись греческим, греко-латынским, польским и славянским печатными и письменными книгами», поступившим сюда из Воскресенского монастыря. В ней значился 501 том. В 1677 году их оказывается уже 551, так как были собраны книги, ранее взятые отдельными людьми. До конца века ризная библиотека продолжала пополняться из различных источников. Они перечислены в описи за 1718 год, опубликованной в журнале «Русский архив» в 1864 году М. Полуденским.

В небольшом предисловии автор публикации отмечал: «Патриаршая библиотека так драгоценна для нас и значение ее так было велико, особенно в патриаршество Никона, что любопытно проследить по описи за постепенным приращением тех сокровищ, которые в ней были и которые сохранились до нас».

Книги поступали от отдельных лиц, из монастырей и Посольского приказа, часть составляли подаренные патриархам киевские издания.

К тому времени ризная библиотека уже не имела тех богослужебных книг, из которых когда-то единственно и состояла. Вероятно, они были переданы какому-нибудь собору. Но зато в своем теперешнем виде именно она, а не домовая, представляла собой замечательную коллекцию.

На основании описи 1718 года С. П. Луппов сделал подсчеты, очерчивающие фонд ризной библиотеки. Всего — 999 книг; из них 422 — печатные и 577 — рукописных; 13 процентов приходится на книги светского содержания и 73,3 процента — иностранные книги, чаще всего греческие.

Что же это за книги? Большинство носило религиозно-церковный характер: библии, евангелия, псалтыри, требники, месяцесловы, часословы, шестодневы, патерики, служебники, жития святых, «песни божественные».

В частности, стоит упомянуть один из старейших памятников древнерусской письменности — «Синайский патерик», относящийся к XI—XII векам. Патериком назывались или собрание житий подвижников отдельных монастырей, или повествования о различных событиях, свидетелями которых эти подвижники были. «Синайский патерик» является переводом произведения византийского писателя VII века Иоанна Мосха «Луг духовный». Это сборник разнообразных новелл, посвященных путешествию Мосха по Египту, Сирии, Палестине и содержащих географические и этнографические сведения, а также сказочные и любовные истории.

Занимательность и живость изложения делали эту книгу весьма популярной у читателя. В ризной библиотеке имелась, кстати, и греческая рукопись с частью текста Мосха.

Позже были обнаружены два других древнейших памятника русской письменности: «Изборник Святослава» 1073 года и «Юрьевское евангелие» начала XII века. Они принадлежали Никону, были подарены им Воскресенскому монастырю и оттуда уже в XIX веке перешли в Патриаршую библиотеку.

Светская литература, хоть и представленная в меньшем объеме, отличалась разнообразием: книги по астрономии, географии, истории, языку, философии, медицине и художественные.

Особенно много книг было по истории. Сочинения Геродота, Ксенофонта, Плутарха, Фукидида, хронографы на греческом и русском языках, летописцы и степенные книги. В Воскресенский монастырь Никон пожертвовал два крупных московских летописных свода XVI столетия: Воскресенскую летопись, доводящую изложение событий до 1541 года, и Патриаршую, заканчивающуюся 1558 годом. Обе они также были возвращены.

Имелась в библиотеке и книга «Иосифа Флавия, Евреина, рукописная, русская, в пленении иерусалимском»,— русский вариант «Истории иудейской войны», которая называлась иногда «Повестью о полонении Иерусалима». Это один из первых переводов на Руси.

Находим мы здесь труды Аристотеля, Пифагора, Платона. Впрочем, монахи, составлявшие опись, по-видимому, питали уже столь глубокое почтение к философии, что почти всех античных авторов именовали не иначе как философами: «Иппократа-философа», «Омира (Гомера)-философа»... Может, они были и правы. Любопытно, что одна из книг Аристотеля (рукописная) была на русском языке.

Языковедческий «раздел» — в основном разнообразные

«лексиконы греко-латинские и латино-греческие», грамматика Мелетея Смотрицкого; медицинский — сочинения Гиппократа и Галена, травники и лечебники, печатные и письменные по-гречески и по-латыни.

Под номерами 333—339 в описи значились: «Описания разных государств и земель. 7 книг атласов на латинском языке с чертежами». Под номером 515 — «Строительная и рудознатная, немецкая, печатная с образцами 1629 лета печатана». Была в библиотеке и «Арифметика». Вообще же подбор книг по естественным наукам выглядит случайным.

Зато известная целостность чувствуется в подборе художественных произведений древнегреческих авторов: Гесиод, Гомер, Эсхил, Софокл, Эзоп, Аристофан.

Вполне естественно, что здесь же и «Повесть о Варлааме и Иосафе», и сборник «Великое зерцало».

Первая — одна из самых давних по времени появления на Руси — перевод византийской повести, восходящей в свою очередь к индийским жизнеописаниям Будды, переделанным на христианский лад. Она рассказывает историю индийского царевича Иосафа, обращенного пустынником Варлаамом в христианство. Экзотический фон повести, чудеса, притчи, размышления о смысле жизни и, конечно, благочестивая христианская тенденция привлекали внимание, и повесть была широко распространена на протяжении нескольких веков.

«Великое зерцало» тоже завоевало значительную популярность. Сборник был переведен в 1677 году с польского, но всецело приспособлен к русскому читателю. Инициатива его издания получила личное одобрение царя Алексея Михайловича.

Заметим, однако, что и польский текст не был оригинальным, а вел свое происхождение от средневекового латинского. Это различные по сюжету рассказы, иллюстрирующие те или иные положения христианской морали. Сюда вошли и короткая бытовая повесть, и забавный анекдот, в частности об

упрямой жене, которая, даже утопая, все же показывала пальцами: «стрижено».

Вот так вкратце выглядела Патриаршая ризная библиотека по описи 1718 года. Что касается домовой, то она, хоть и насчитывала вдвое больше книг, но, лишившись особо ценной части, потеряла прежнее значение. Рукописям в ней принадлежит уже только 12 процентов, а «обширность» объясняется многоэкземплярностью. Например, «Книга о священстве» — 241 экз., «Извещение о сложении трех первых перстов» — 85 экз., Устав — 53 экз., Канонник — 92 экз., Псалтырь — 89 экз., Служебник — 94 экз.

Эту домовую библиотеку можно сравнить с современным коллектором, так как и ее назначением, по-видимому, было формирование библиотек, только монастырских.

Иную функцию выполняла ризная Патриаршая библиотека. Мы уже говорили, что книги из нее выдавались для пользования. Это видно из пометок, оставленных на ее описях. В описи 1675 года против одних книг указано, что они — в школе грека Тимофея, против других — что отосланы в правильню (на Печатный двор). Есть пометки, что книги переданы отдельным лицам: некоему «Сергию», «Ивану Калитину» (возможно, справщикам Печатного двора). Есть сведения и о возвращении их обратно. Известно о выдаче книг высшим представителям духовенства: царскому духовнику Андрею, митрополиту Газскому Паисию Лигариду, митрополиту Сарскому и Подонскому Павлу... И пусть данные эти, в общем, немногочисленны и разрозненны, не вызывает сомнения, что библиотека имела постоянный, хотя и ограниченный контингент лиц, пользовавшихся ее услугами. Библиотека -- «работала».

Любое книжное собрание несет на себе обычно не только отпечаток личности его владельца, но и какие-то черты его времени. Они могут быть существенными или второстепенными, проступать в содержании книг или выражаться в их подборе, но они всегда есть.

Обнаруживаем мы их и в истории формирования Патриаршей библиотеки. Книги бесстрастны сами по себе, однако им дано возбуждать страсти, участвовать в столкновении людских побуждений, надежд, позиций.

Иногда библиотека может и умалчивать о чем-то в современной жизни. Но для историка и само это молчание оказывается красноречивым. Патриаршая библиотека была официальной, высшего порядка. И отражала интересы господствующей идеологии.

Одновременно возникали и другие идейные течения. Одно из них представлял протопоп Аввакум. В XVII столетии известна и иного рода оппозиционно-критическая струя, связанная с именем Григория Котошихина. Среди обличителей порядков в государстве на какой-то момент оказался даже сам Никон.

Существовали и просто разные культуры. Официальной противостояла культура народная, демократическая. В ее недрах созрела замечательная литература, запечатлевшая переменчивость века, заклеймившая власть имущих и открывшая мир простого человека.

Но мы напрасно стали бы искать эти памятники литературы в Патриаршей библиотеке. Мы не найдем здесь ни сочинений протопопа Аввакума, ни таких знаменитых произведений, как «Повесть о Савве Грудцыне» или «Горе-Злосчастии», «Повесть о шемякине суде» и многих других. Зато есть вирши придворного поэта Симеона Полоцкого. В этом ясно сказалась позиция церковно-абсолютистской верхушки, при которой библиотека складывалась и функционировала.

Историк библиотечного дела М. И. Слуховский справедливо замечает: «Со своим тихим, невидным трудом библиотека органически вплеталась в социальную борьбу. Об общем направлении этого труда можно судить по материалам гражданской и церковной истории, характерных классовых взаимоотношений, литературной полемике и т. д.».

В дальнейшем Патриаршая библиотека утратила свою

актуальную роль. Но с течением времени ценность ее не уменьшалась, а, пожалуй, возрастала. Ведь здесь представлены все века русской письменности — богатейший материал по истории культуры, и не только в масштабах нашей страны.

* * *

В 1920 году декретом Совнаркома Патриаршая библиотека переведена в Исторический музей. Новым и новым поколениям историков, исследователей языка и литературы, издателей произведений античности раскрывает она свои сокровища.

„НА РОЗНЫХ ЯЗЫКАХ“

ного хлопот у Посольского приказа! И сношения с иностранными государствами, и прием зарубежных посольств, и отправка за границу посольств русских, и все дела с иноземными торговцами, и суд по их делам, и составление всевозможных грамот, выпуск газеты...

Для выполнения столь сложной и ответственной работы нужны хорошо подготовленные люди. И, как правило, возглавляли приказ (первоначально он назывался Посольской избой) образованные дьяки, с широким государственным образом мыслей. В подчинении дьяка — его помощник, подьячии, переводчики и толмачи. Все они приводились «к вере», то есть присягали: «Всякие государственные дела переводить вправду и с неприятели их государскими тайно никакими письмами не ссылаться, и мимо себя ни через кого писем не посылать, и в Московском государстве с иноземцами о государственных делах, которые ему даны будут для переводу, ни с кем не разговаривать».

В середине XVII века насчитывалось свыше сорока приказов, почти все они располагались в Кремле. Потом на Ивановской площади было построено новое двухэтажное здание — административный государственный центр. В нем разместились многие приказы, в том числе и Посольский, помещение которого находилось вблизи колокольни Ивана Великого...

При Иване Грозном во главе приказа стоял Иван Висковатый, тот самый, что, по словам пастора Веттермана, присутствовал при осмотре книг «великолепной либереи» московских великих князей. Он играл видную роль во внешней политике страны, участвовал почти во всех переговорах с послами, которые величали его «канцлером».

Этот образованный дьяк провел целое книжное изыскание по религиозной живописи. В его время псковские мастера реставрировали Благовещенский собор, пострадавший от пожара. Канцлеру показалось, что псковичи создают новые иконы без должной идейной выдержанности. Но он не сразу выдвинул этот вопрос на обсуждение. Предварительно Висковатый, чтобы подтвердить свои сомнения, стал изучать источники. Его личных книг, среди которых были произведения Дионисия Ареопага и Иоанна Златоуста, оказалось недостаточно, и он позаимствовал необходимое у московских бояр Морозова и Юрьева (о том, что у главы Посольского приказа были не только произведения церковных писателей, свидетельствует принадлежавший Висковатому «Травник» — медицинский справочник).

Блистал образованностью и дипломат Федор Карпов; он увлекался священным писанием и астрологией, хорошо знал античную литературу и философию, любил стихи Овидия и читал их в подлиннике, переписывался с Максимом Греком. В одном из «Слов...» Максим Грек называет Карпова «разумным», «многим разумом и православием украшенным», «честнейшим и премудрейшим Федором».

После Висковатого, казненного Иваном Грозным по подозрению в измене, приказ возглавил Андрей Щелканов, который также спускался в кремлевский тайник для осмотра великокняжеской библиотеки. По отзывам современников, он был необыкновенно проницательный, умный и работоспособный. Царь Борис Годунов, дивясь его трудолюбию, часто говорил о Щелканове: «Я никогда не слыхал о таком человеке, весь мир кажется для него тесен».

При Щелканове в Посольском приказе стала складываться справочная библиотека — ведь сотрудники такого важного учреждения постоянно нуждались во всевозможных справках о странах мира, обычаях народов, в словарях, картах и атласах. С сожалением надо признать, что от первых шагов по существу первой на Руси библиотеки иностранной лите-

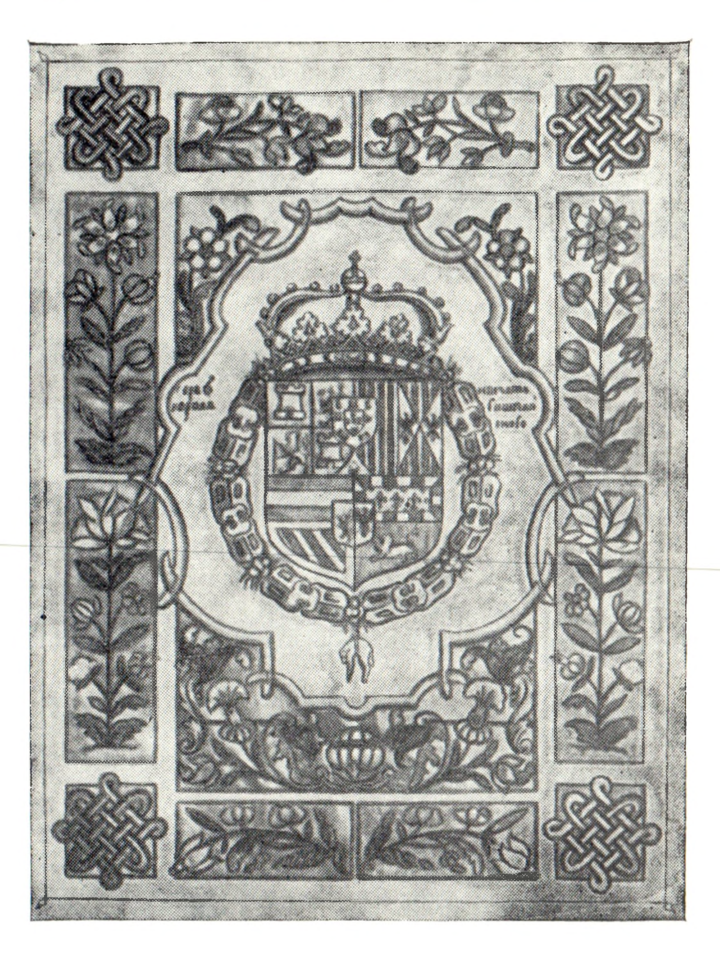
ратуры не осталось никакого следа. Лишь от конца XVI века сохранилась опись архива приказа. В ней, наряду с документами, перечислены рукописи «на розных языках»: «Летописец литовских князей», «Судебник», «Перевод с летописца польского», «Космография», а также «коробья новгородская» с какими-то «латинскими книгами» и «книги татарские». Однако книги эти в XVII веке пропали и больше не упоминаются.

Становление подлинной библиотеки Посольского приказа со значительным фондом относится ко второй половине XVII века, когда приказом руководили выдающиеся деятели А. Л. Ордин-Нащокин, А. С. Матвеев, В. В. Голицын. Прежде всего сами они были не только дипломатами, но и большими библиофилами, обладателями значительных книжных коллекций.

Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин получил хорошее образование, изучил иностранные языки, риторику, любил математику. Он активизировал внешнюю политику государства и являлся ревностным сторонником прогрессивного преобразования России в экономической и военной областях; по его инициативе была организована почта между Москвой, Ригой и Вильнюсом. При нем библиотека приказа интенсивно пополнялась, при нем, наконец, стала регулярно выходить рукописная газета «Куранты». (Заголовок позаимствован у одного зарубежного печатного органа, а само слово восходит к латинскому «curren», что означает «текущий».)

Техника этого дела была такова. В Посольский приказ поступали газеты — немецкие, польские, голландские, итальянские. Они переводились на русский язык, и из них выбирали важнейшие материалы. Источником информации служили также письма русских людей, находящихся за рубежом.

Наиболее существенные выборки писались от руки на листах склеенной бумаги сверху вниз — столбцом (отсюда современное — «столбец»). Длина столбцов достигала нескольких метров, столбцы напоминали папирусные свитки...

Герб короля испанского. Миниатюра из «Титулярника» (1672—1673 годы).

Самый ранний сохранившийся выпуск газеты относится к 1621 году. Выходила она на протяжении восьмидесяти лет в единственном экземпляре и предназначалась для царя, руководителей и работников приказа. «Куранты» сообщали о политических событиях, военных столкновениях, торговых новостях в странах Западной Европы и Малой Азии. Сообщения отличались краткостью, лаконизмом, начинались они с указания, откуда «пишут» и с какого языка переведено. Вот, к примеру: «Перевод с голландского письма о перемирии меж королей испанского да французского». «Куранты» пестрят заметками из разных городов — «из Варшавы» и «из Виницеи», «из Рима» и «изо Гданска», «из Турина» и «из Бреславы». Так, «из Лифляндской земли пишут, что он, Хмельницкий, призывает на помощь Московское государство», «а еще из Мейпланта (Милана) августа 26 числа года 1643 пишут: к городу Трино французские люди дважды подходили, только с большими потерями обратно отошли, и стреляли они из четырех раскатов (батарей) и из двадцати четырех пушек...».

Несмотря на внешнюю медлительность, информация была довольно оперативной. Не успел, например, в Москву прибыть первый посланник от Кромвеля, а о его деятельности в России уже знали «из перевода с вестового печатного листа, что подал в Посольском приказе свейский комиссар Яган Дородес в нынешнем 1654 году февраля в 20 день».

Включались в «Куранты» и свои материалы: «З Дону пишут, что посылали донские казаки отряды против крымских татар...»

Приказ получал не менее двадцати наименований зарубежных газет. И все они переводились.

Когда дипломатическая карьера Ордин-Нащокина приближалась к концу, в Посольском приказе одних знатоков иностранных языков было более ста человек. Имелись переводчики с латинского, шведского, немецкого, польского, греческого, татарского и других языков. Подьячий Григорий

Котошихин рассказал в своей книге, что заниматься переводами разрешалось только в стенах самого приказа, а «на дворы им великих дел переводит не дают», опасаясь «порухи от пожарного времени и иные причины». Причем работа велась «по вся дни», так что «толмачи днюют и ночуют в приказе человек по десяти в сутки».

Мы потому подробно остановились на «Курантах» (они назывались также «Столбцами», «Ведомостями», «Вестовыми известиями» и просто «Вестями»), что они были прообразом петровских «Ведомостей». Кроме того, поступавшие из-за рубежа периодические издания и «Куранты» хранились в библиотеке приказа, составляли часть ее фонда.

И хотя начало выпуска «Курантов» датируется 1621 годом, регулярно они стали выходить позже, при Ордин-Нащокине.

Для пополнения книжного собрания приказа литература довольно часто покупалась за границей. Так, послу в Польше Репнину-Оболенскому велено было приобрести «самые нужные к Московскому государству» книги. До наших дней дошел этот перечень. Тут и «Хронограф» Герберштейна по-латыни, а в нем «писано про все Московское государство», и «Хроника польская Гвагвина», и «Хроника Пясецкого» на латинском языке, и «Орбис Полонус», в котором представлены «староверечность» русских и польских шляхетских домов и их гербы, и «Лексикон славяно-русский», а также «Лексикон гданский шестиязычный». Из двух старых польских летописцев требовалось купить тот, что на польском языке. Подавляющее число книг Репнин-Оболенский смог достать в Люблине и во Львове, среди них «Лексикон славяно-русский», «Хроника Пясецкого», «Лексикон гданский», «Описание Польши».

Особенно много поступлений в библиотеку было при Ордин-Нащокине. Известно, например, что, отправляясь на посольский съезд в Мигновичи, он попросил, чтобы ему прислали из Смоленска «82 книги латынских», которые были

у иезуитов. Распоряжение Ордин-Нащокина, разумеется, выполнили. Аналогичный запрос был послан в Архангельск — «у немец купить чертежи пространные и полные всем государством» и доставить их в Посольский приказ.

При Артамоне Сергеевиче Матвееве был составлен важный документ: опись посольской библиотеки. Но прежде чем говорить о нем, несколько слов о самом Матвееве, сменившем Ордин-Нащокина, который ушел из приказа «по собственному желанию» (а фактически из-за несогласия с царем по некоторым внешнеполитическим вопросам).

Матвеев, сын русского посла в Турции и Персии, рано попал ко двору и благодаря своим дарованиям быстро выдвинулся. Сначала возглавлял Малороссийский приказ, а потом — Посольский. Он был сторонником просвещения, сближения с Западом. Дом обставил по-европейски, завел у себя театральную труппу, собрал большую личную библиотеку не только на русском, но и на немецком, латинском, греческом, польском, французском, голландском, итальянском языках самой разнообразной тематики. Книги по архитектуре соседствовали с трудами по географии и космографии; медицинские пособия чередовались с юридическими трактатами; рядом с описанием городов были исследования по военному делу. Множество карт: «Чертеж Архангельского города и иных поморских городов и мест», «Три чертежа печатных, на одних листах Московской, другой польской, третий асийской земли», чертежи «свейской и датской земель»...

У знатного вельможи имелись сочинения Аристотеля, «Кодекс» Юстиниана, произведения Вергилия и даже «Разговоры» Эразма Роттердамского.

В то время в различных библиотеках, в том числе и домашних, книги держались в ящиках, лубяных коробьях, сундуках, ларях и ларцах, стенки и крышки которых украшала роспись на литературные сюжеты.

В сборнике изречений «Пчела» обличались мнимые книголюбы, которые прячут свои богатства в ларе. Например, у

Портрет боярина А. С. Матвеева. Масло. 1600 год.

патриарха Никона часть книг лежала «в казенном сундуке железном немецком большом з замком». Для царевича Алексея Петровича приказано было столяру Левонтью Федорову «зделать книгохранительницу из липовых досок длиной полтора аршина, шириною в девять вершков, вышиною аршин без дву вершков, по передней стене с затворы, и расписать зеленым аспидом и зделать к ний замок, петли луженые железные...».

Постепенно на смену горизонтальному приходило вертикальное, более удобное расположение литературы. Бояре заводили у себя всевозможные шкафы и шафы (полки, устроенные в стенной нише, с дверцами), а Матвеев ставил книги в поставец.

Летом 1676 года, вскоре после смерти царя Алексея Михайловича, Матвеев впал в немилость. Он был назначен в Сибирь воеводой Верхотурья. Захватив с собой и часть книг, в том числе «две тетради словенского письма о болезнях», бывший канцлер отправился в далекий путь. Однако до цели добраться не успел. Его противникам показалось, что наказан он слишком мягко. Матвеева обвинили в чернокнижии, лишили всех чинов и имущества и сослали в Пустозерск — «место тундрявое, студеное и безлесное». Там же «держали в тюрьме с великою крепостью» протопопа Аввакума...

Книги, взятые Артамоном Сергеевичем на Север, в большинстве своем рассеялись кто куда, и их находили не только в XIX, но и в середине XX века. В начале 50-х годов филолог И. М. Кудрявцев, изучая рукописи, привезенные из Вологды, обратил особое внимание на одну — в сафьяновом переплете, с золотым тиснением на крышках и на корешке, с золотым обрезом. «Артаксерксово действо»,— определил исследователь. Это была первая пьеса русского театра XVII века, текст которой считался утраченным,— принадлежала она Матвееву.

Опальный боярин писал из Пустозерска множество челобитных и царю Федору, и его приближенным. Челобитные

Часть боярского терема (XVII век).

показывают, что их автор — человек начитанный и высокообразованный, обладающий литературным талантом. В одном из писем он утверждает: «Кровь моя, как вода, пролита за вас государей, и вопию ко всесильному богу на тех, которые меня, холопа твоего, без всякие моей вины от милости твоей государевой отлучили и послан в заточение в Пустозерский острог, где гладом и тамошние жители тают и скончаваются, а мне, холопу твоему, глада ж ради прежде времени душа изврещи».

Возвращен был Матвеев в Москву лишь в 1682 году, но вскоре погиб во время стрелецкого бунта...

Из оставшейся после Матвеева библиотеки 77 книг исключительно на иностранных языках были переданы в Посольский приказ.

Что же находилось в библиотеке приказа до этого значительного добавления? Обратимся к описи 1673 года. Собственно, в том году составлялась опись всего архива. Последняя, тридцать шестая глава — «Книги на розных языках печатные и письменные» — содержит их перечень. Перед текстом помещен заголовок: «Сундук липовый большой, с нутреным замком, а в нем книги розных языков». И далее перечислены всевозможные летописцы, космографии, атласы, разные уложения и статуты, конституции, труды по истории и филологии. Открывается опись атласом в четырех книгах «с описанием земель и государств, в лицах, на немецком языке, на александрийской бумаге, оболочены белым клееным пергаментом, по обрезу все золочены». Затем идет знаменитая космография Меркатора — «всей вселенной описание в лицах, на латинском языке, на средней александрийской бумаге, оболочена кожею черною аспидною, по обрезу аспидна ж».

Значительная часть собрания имела прямое отношение к деятельности Посольского приказа. Таковы: «Конституция или уложение, коруны польской с 1550 по 1603 год», «Каково подобает быти секретарю или подьячему», «Подлинное объ-

явление причин, для чего король свейский с датским войну начал». Не без пользы хранились в библиотеке и «Хроника на латинском языке о королях польских и о великих князьях литовских, також и о московских, и о прусских магистрах и курфюрстах, и о татарех», «Хроника действ во всей Европе знатных» Пясецкого.

Безусловно, религиозная литература непосредственно не относилась к служебным делам работников приказа, но она была в библиотеке. Попали туда цифирные книги, сочинения Аристотеля и Сенеки, произведения Вергилия, книга Квинта Курция об Александре Македонском и «Книга учения конского».

Основную часть фонда составляли латинские, потом (по количеству) польские, немецкие, шведские, итальянские издания.

Посольский приказ — единственный из всех — выделил под книги специальное помещение, которое именовалось... казенкой,— термин чрезвычайно редкий. Мы знаем книгохранительные палаты, книгохранительницы, книжные дома, библиотеки, а тут — такое странное наименование.

Значительное место в казенке, кроме книг, рукописей и документов архива, занимали всевозможные карты, или, как тогда говорили, чертежи. С XVI века в России множатся географические знания, участники русских экспедиций и служилые люди составляют добротные чертежи уже огромной страны. Они изготовлялись и в Москве, и в провинции. На рубеже XVI—XVII веков появился сводный «Чертеж всему Московскому государству». Сам «Чертеж» утрачен, остался лишь объяснительный текст к нему, написанный около 1627 года. Он имеет заголовок: «Книга Большому чертежу». Из текста следует, что карта действительно охватывала территорию от Финского залива до реки Обь в Сибири, от Ледовитого океана до Черного моря...

До последнего времени Большой чертеж считался первой

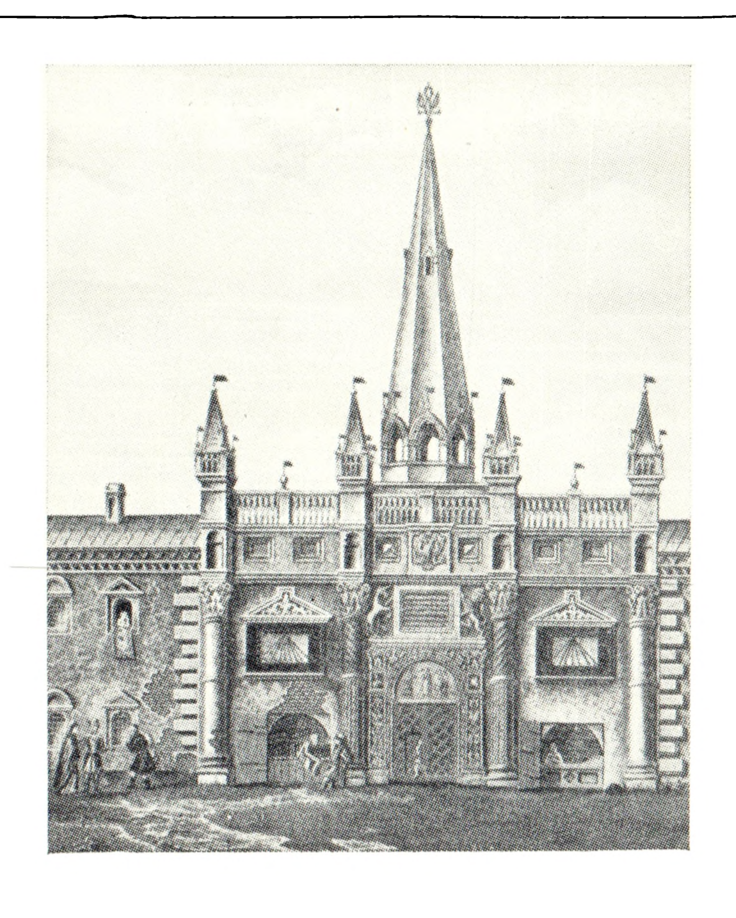
русской картой. Исследования академика Б. А. Рыбакова, проведенные им сравнительно недавно, показали, что это не так. Одна из первых карт, по мнению академика, была сделана в Посольской избе на целое столетие раньше, примерно в 1496 году. Она отразила новую идею — именно в это время, как известно, завершалась централизация государства.

Удивительно ярко сказал об этом Карл Маркс. Он отметил, что в начале своего царствования Иван III все еще был монгольским данником; его власть все еще оспаривалась удельными князьями; Новгород, стоявший во главе русских республик, господствовал на севере России, Польско-Литовское государство стремилось к завоеванию Московии, наконец, ливонские рыцари еще не сложили оружия. К концу царствования мы видим Ивана III сидящим на вполне независимом троне об руку с дочерью последнего византийского императора; мы видим Казань у его ног, мы видим, как остатки Золотой Орды толпятся у его двора; Новгород и другие русские республики покорны; Литва уменьшилась в своих пределах, и ее король является послушным орудием в руках Ивана; ливонские рыцари разбиты. Изумленная Европа, в начале царствования Ивана III едва ли подозревавшая о существовании Московии... была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на ее восточных границах...

Нетрудно представить, с каким неподдельным интересом зарубежные картографы рассматривали «чертежи» Московии, совершенно им неведомой. В 1523 году в Посольской избе прибавляется еще одна карта, закрепившая новые приобретения Москвы в западных землях.

Эту карту 1523 года через три четверти столетия дополнил сын Бориса Годунова — Федор. Царевич нанес на устаревший уже чертеж новые города, изобразил оборонительную линию конца XVI века — «Засечную черту».

А. С. Пушкин в «Борисе Годунове» описывает так:

Московский Печатный двор в середине XVII века. Реконструкция В. Е. Румянцева.

Царь

А ты, мой сын, чем занят? Это что?

Федор

Чертеж земли московской; наше царство
Из края в край. Вот видишь: тут Москва,
Тут Новгород, тут Астрахань. Вот море,
Вот пермские дремучие леса,
А вот Сибирь.

Царь

А это что такое
Узором здесь виется?

Федор

Это Волга.

Царь

Как хорошо! вот сладкий плод ученья!
Как с облаков ты сможешь обозреть
Все царство вдруг: границы, грады, реки.

Западноевропейский картограф Гессель Герритс в 1613 году скопировал свою карту «с автографа Федора, сына царя Бориса».

В Посольском приказе в коробьях было множество различных карт. Здесь была составлена в 1614 году дошедшая до наших дней «Роспись чертежам розных государств» — всего двадцать названий. Против некоторых пометка — «наклеена на холст» (для прочности). Другие же пришли в негодность от времени и от частого употребления. Поэтому составитель вынужден был к очень старым чертежам делать печальные приписки: «ветх», «ветх добре», «ветх, роспался».

Кроме этого, «Роспись» кратко упоминает, что есть еще «чертежи ж розных государств», но они «ветхи добре» и разобрать их по названиям «немочно».

В последнюю четверть века библиотека неоднократно пополнялась. И, как уже говорилось, в нее влились книги, отобранные у опального Артамона Сергеевича Матвеева.

Через несколько лет в Посольский приказ было передано 29 книг из мастерской палаты. Среди них «Всемирный географический атлас» Иоанна Блеу в 15 томах, изданный в Амстердаме, «Летописец» на чешском языке и «Хронограф в лицах» на латинском.

Более обширным было собрание, полученное из Верхней типографии,— 71 книга, но две трети их падало на религиозную литературу. Из светских были труды по истории — «Краткое описание польских королей», «Летописец» Каллиста, несколько философских, в том числе сочинения Аристотеля; книги по естествознанию: письма Плиния, «Дело лекарственное», «Книга земли описание».

Еще больше — 76 книг — принадлежало раньше архимандриту македонского Николаевского монастыря греку Дионисию. В конце восьмидесятых годов XVII века он поселился в Нежине, где и осталась его библиотека. Потом ее затребовали в Москву, в Малороссийский приказ, а оттуда — в Посольский. Помимо религиозной литературы (около 60 процентов), в ней были филологические труды, главным образом грамматики, несколько книг по философии и истории (Геродота), две книги Демосфена, «Илиада» Гомера...

Таким образом, меньше чем за 25 лет в приказ поступило свыше 250 книг!

Правда, не все они соответствовали профилю учреждения, некоторые совершенно были не нужны. Отдавая те или иные книги в Посольский приказ, государственные деятели руководствовались принципом — сконцентрировать в одном месте иностранную литературу.

Другой источник пополнения фонда — переписка книг. И она велась во второй половине XVII века столь интенсивно, что можно говорить об издательской функции Посольского приказа. Здесь переводились, составлялись и оформлялись книги, имеющие и общекультурное значение. Среди них часть предназначалась для обучения царевичей, в частности Петра. Это прежде всего «Александрия», переводная повесть, извест-

ная на Руси с глубокой древности, «Польская хроника», пьеса «Артаксерксово действо», «Книга огнестрельного художества», «Великое зерцало» — сборник нравоучительных новелл; роман «Петр — златые ключи», знаменитая «Космография» Герарда Меркатора, сборник басен и т. д.

Издание этих книг было роскошным. И не удивительно: один экземпляр делался, или «строился», для подношения «в Верх», то есть царю и членам его семьи.

Посмотрим хотя бы «Избрание на царство Михаила Федоровича». Полное название, по обычаю того времени, чрезвычайно длинное: «Книга об избрании на превысочайший престол царский и венчание царским венцом великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Великия России и возведении на патриарший престол... светейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всея Руси в лицах». По своему характеру — это историческое произведение, основанное на документах, в нем не только излагаются факты, но и дается оценка этих фактов. Книга написана четким полууставом на 57 листах александрийской бумаги.

Мы знаем сейчас всю историю ее создания, известно, кто автор, переписчик, переплетчик, художники и их помощники; есть сведения о том, сколько платили (или не заплатили, бывало и такое) мастерам, и о том, сколько всевозможного материала израсходовано при строении «Избрания». И сведения эти почерпнуты из писем, челобитных, смет, надписей на книге.

Сравнительно недавно считалось, что текст составил боярин Матвеев. Мнение это как будто подтверждалось его челобитной, где он указывал на свое авторство. Он же высоко оценивал и готовую книгу, относя ее к числу таких, «каких не бывало». Теперь установлено, благодаря ряду источников (в том числе одной повести), что текст подготовил Петр Долгово. Матвеев же, как начальник Посольского приказа, осуществлял общее руководство...

Переписывал текст, оставляя чистые листы для миниа-

Библиотека и правильная палата Печатного двора.

Эмблема Печатного двсра.

тюр, Иван Верещагин — по два листа в день, «окромя воскресных дней и великих праздников». За работу ему платили два алтына ежедневно. 21 миниатюра последовательно рассказывает о порядке венчания царя и патриарха; во многих случаях художники изобразили массовые сцены. Фронтиспис состоит из заглавия книги, выполненного золотом и заключенного в красочный орнамент из трав и цветов. Первая страница украшена изящной рамкой из цветов — серебро и золото с черныю. Золото — всюду. Заглавная строка выведена вязью золотом, текст каждого раздела начинается золотым инициалом...

Сделанные пером и затем раскрашенные миниатюры переложены малиновой тафтой. К миниатюрам подклеены на шелковой подкладке подписи.

Книга, как говорится в старинном документе, «переплетена по обрезу в золоте, оболочена бархатом червчатым, застежки и наугольники, и средники серебряные золочены, прорезные...».

Главными художниками были Иван Максимов, создававший «личное», Сергей Рожков — «до-личное», Ананий Евдокимов и Федор Юрьев — травы, а также Григорий Благушин с товарищами — мастера по золоту. Переплетал книгу капитан Яган Элингуз.

Смета на необходимые материалы требовала «к строению той книги: золота красного 1000 листов, серебра 500 листов, бакану виницейского четверть фунта, яри виницейской фунт, киновари фунт, сурику фунт, шингелю фунт, шафрану четверть фунта, вохры фунт, белил фунт, умры четверть фунта, голубцу фунт, шмелти полфунта, черлени фунт, яиц 500 штук, кистей 60».

Во многих отчетах можно встретить данные о том, что по окончании работы царь «одаривал» мастеров подарками: кому «по 5 аршин кармазина», кому «денег 5 рублев», а кому английского сукна... Но роскошные рукописи политы пòтом и слезами.

Иван Верещагин, который переписывал еще «Александрию», «Василиологион», в одной челобитной царю сообщает: «Книгу пишу я, холоп твой, беспрестанно, а поденного корму мне твоего, великого государя жалования за мою работишку еще ничего не указано». И таких просьб Верещагина было несколько, а когда плату назначили, все равно «государева корму» ему не хватает. На обороте этой челобитной ему поручено «писать без лености со прилежанием». Не вынеся «каторги», мастер сбежал... Его разыскали, сковали, доставили в приказ и снова впрягли в ярмо. Теперь, наконец, его зачислили подьячим, но положение его не очень уж улучшилось: «Велено мне, холопу твоему, быть в Посольском приказе в подьячих и книжное письмо по-прежнему же писать, а твоего, великого государя, жалования... не указано».

Столь же тяжка была судьба и другого мастера, Ивана Максимова, иконописца и ученика Симона Ушакова. В челобитной он жалуется: «Взят я, холоп твой, из Пушкарского приказа в Посольский приказ для твоих, великого государя, дел... а твоего, великого государя, годового денежного и хлебного жалования мне, холопу твоему, не учинено...»

Нет, не сладкое житье было у государевых слуг, не легко удавалось получить «корм», «хлебное» и «денежное жалование», а работать приневоливали «без лености со прилежанием».

Листая старинные рукописи, любуясь их четким шрифтом, красочными причудливыми буквицами, роскошными миниатюрами, восхищаясь дорогими, тонко выполненными окладами, не следует забывать о тех мастерах, чьим трудом создавались эти произведения искусства.

Одной из удач мастерской Посольского приказа была «Книга описания великих князей и великих государей царей российских, откуду корень их государьской произыде, и которые великие князи и великие государи цари с великими же государи окрестными христианскими и мусульманск-

ми были в ссылках», или так называемый «Титулярник».

В книге 75 портретов русских князей и царей — от Рюрика до Алексея Михайловича, и иностранных повелителей, московских и вселенских патриархов, рисунки русских и иноземных государственных гербов и печатей, русских городских и областных гербов. Это золото, серебро и краски на александрийской бумаге. Есть также сведения о происхождении Русского государства, о монархах и духовных лицах.

Акварельные портреты — кисти одного из лучших иконописцев И. Максимова и Д. Львова. Гербы и портреты окаймлены орнаментом.

Переплетал книгу опять-таки Яган Элингуз, которому поручалось все, что шло в дворцовую библиотеку. «Титулярник» оформлен «по обрезу в золоте, доски оболочены червчатым бархатом, застежки и наугольники и средники серебряные золоченные прорезные, на верхних досках в срединах по орлу, перед персонами и перед гербы вклеивана тафта...».

Книга предназначалась для царевича Федора Алексеевича, но была оставлена в Посольском приказе и для руководства в работе, и для показа приезжающим иностранцам. Не подходил царю и слишком большой размер «Титулярника», и он приказал сделать «в Верх» еще два экземпляра, так же украшенных, но меньшего размера. Все три варианта «Титулярника» дошли до наших дней, два из них хранятся в Ленинграде (Государственная публичная библиотека и Государственный Эрмитаж), один — в Москве (ЦГАДА).

Близко к «Титулярнику» примыкает по своему характеру «Василиологион», в котором изложены биографии множества монархов — от властителей Древнего Востока до Алексея Михайловича. Среди них — Семирамида, Навуходоносор, Соломон, Кир, Александр Македонский, Юлий Цезарь, Октавиан Август, Владимир Мономах, Александр Невский, Дмитрий Донской, Иван Грозный...

В Посольском приказе строился и «Чин, как всех госу-

Страница из «Букваря» 1694 года.

дарств послы и с посланники по окрестным и мусульманским государям приказывать поклон».

Факты свидетельствуют, что один экземпляр «построенных» книг оставался, как правило, в распоряжении Посольского приказа. И пока загадка, почему все они (а их было довольно много) не попали в описи. Выдвигается предположение, что они были отделены от иностранной литературы и на них существовала особая опись. Но документального подтверждения этому пока нет.

Однако и без отечественных рукописей библиотека Посольского приказа насчитывала около четырехсот книг. Важно не только количество иностранной литературы, что само по себе — отрадный факт, но и то, что подбиралась она, комплектовалась целенаправленно, тем, что нужно было для учреждения.

Сотрудники приказа брали, видимо, книги для чтения на дом. А уж начальство пользовалось казенкой без ограничения. Так, некоторые книги, конфискованные у Матвеева, принадлежали ранее приказу, который он возглавлял. В свою очередь В. В. Голицын тоже взял 17 книг «огородного и палатного городового строений и резных фигурных образцов» (т. е. по архитектуре и садово-парковому делу), а назад их «не присылывал».

Наконец, патриарх Андриан пытался объединить посольскую библиотеку с библиотекой Печатного двора. В 1696 году он обратился к царям Петру Алексеевичу и его брату Ивану (они правили тогда вместе) с докладной запиской («Известием»). Отметив, что в Посольском приказе многие книги «неупотребительны», что «до них приказного дела нет» и они «хранятся там напрасно», патриарх писал: «Чтобы те книги собрав, указали великие государи цари отдать их в книгохранительную палату на Печатный двор. И они будут там в ведоме и в сохранстве и к книжному деланию потребны и ко временам, когда какая книга понадобится им государям или в церковную пользу, всегда в готовности, что в их царского

пресветлого величества книгохранительнице все книги их государские разобраны чином и назираются особенно и относятся в ведении и всячески суть соблюдаемы, чтобы не пропадали напрасно где».

Однако решение Петра было совершенно противоположно устремлениям патриарха. Он приказал «печатные и письменные книги в Посольском приказе пересмотреть и переписать имянно да в приказе Малые России такие же книги, которые есть налицо, переписать же и взять их в Посольский приказ... и держать в Посольском приказе в бережении и записать для ведомо в книгу».

И все же после этого эпизода библиотекой Посольского приказа стали пользоваться не только его сотрудники, но и лица посторонние, в том числе работники Печатного двора...

Фонд библиотеки уцелел, его можно видеть в Центральном государственном архиве древних актов (Москва).

* * *

Посольский приказ не составлял исключения. Библиотеки были и в Аптекарском приказе, где имелись «лучшие, на всевозможных языках сочинения по медицине», и в Пушкарском, где подбиралась литература по фортификации, строительному делу, геодезии, астрономии, арифметике.

И вообще в области культуры, как уже говорилось, в России середины XVII века произошли значительные изменения. Возникают первые школы не только для обучения грамоте, но и для получения образования. Такие школы возглавляли Арсений Грек, Федор Ртищев, Симеон Полоцкий. Потом было создано первое в стране высшее учебное заведение — Славяно-греко-латинская академия. Значительно увеличивается количество печатных книг, в том числе светского содержания. Помимо Печатного двора, в Москве непродолжительное время существовала так называемая Верхняя типография — специально для выпуска произведений Симеона Полоцкого.

Новшеством были всевозможные буквари. Зачинателем

Второе издание букваря Василия Бурцева.

этого важного дела стал подьячий Василий Бурцев, руководивший самостоятельным отделением Печатного двора. Особенно примечательно второе издание его «Букваря языка славенска, сиречь начало учения детям...». Это первая русская иллюстрированная азбука. После обращения к учащимся о целях и методах обучения автор поместил ксилографический фронтиспис, на котором изображено училище и наказание розгами провинившегося ученика. Обращение написано виршами. Его начальные строки:

Сия зримая малая книжица
По реченному алфавитица
Напечатана бысть по царьскому велению
Вам младым детем к научению.

Букварь неоднократно переиздавался и долго был самым авторитетным учебным пособием.

Увидела свет переработанная и дополненная «Грамматика» Мелетия Смотрицкого — настоящее научное сочинение, стоящее на высоте филологической науки того периода. Епифаний Славинецкий перевел вышедшую в Амстердаме обширную «Космографию» Иоганна Блеу, в которой излагалось представление о двух системах мироздания — Птолемея и Коперника.

Заботой об обороне объясняется выпуск таких книг, как «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» и «Краткое обыкновенное учение о строении пеших полков»...

В конце XVII века ясно обнаружилось стремление России к государственным преобразованиям, заметно усилилась тяга к дальнейшему сближению с культурой Западной Европы. По выражению историка С. М. Соловьева, «народ собрался в дорогу» и на заре XVIII столетия начал новый период своей истории.

* * *

В путешествии по Руси книжной мы вплотную подошли к правлению Петра I с его решительными реформами во всех областях жизни. Коснулись они и культуры. Уничтожается вековая монополия духовенства на книгу, вводятся в употребление новая гражданская азбука и арабские цифры. По меткому замечанию М. В. Ломоносова, «при Петре Великом не одни бояре и боярыни, но и буквы сбросили с себя широкие шубы и нарядились в летние одежды». Меняется и характер печатных книг — появляются труды по математике, географии, кораблестроению, на политические и культурно-бытовые темы. Учреждаются общеобразовательные и специальные учебные заведения, среди них — Морская академия и школы — навигацкая, артиллерийская, медицинская, цифирная. Зарождается идея об организации Академии наук.

Строятся новые типографии, одна из них — в новой столице (1711 год). Именно здесь, в этой типографии, была выпущена знаменитая «Книга Марсова, или Воинских дел» — в ней рассказывалось о победе русских над шведами.

Трудно перечислить все выдающиеся издания при Петре I. Это и «Арифметика, сиречь наука числительная» Л. Магницкого, и греко-славянско-латинский букварь Ф. Поликарпова, «География генеральная» и «Геометрия славенски землемерие». В «Букваре» Поликарпова давались основы латинского и греческого языков, текст сопровождался гравюрами на дереве — на двух из них изображены школы того времени. В «Арифметике» — сведения по алгебре, геометрии и тригонометрии.

Начинает выходить первая печатная газета «Ведомости», сменившая рукописные «Куранты».

Всего от введения гражданского шрифта до смерти Петра I увидели свет почти 350 гражданских книг, не считая 30 на иностранных языках. Они издавались не только в Москве, но и в Петербурге, Киеве, Риге, Ревеле.

Ученые, писатели, государственные деятели заводят у себя личные библиотеки. Солидное собрание имел сам Петр I, которое состояло из произведений «о гражданской, военной и корабельной архитектуре, механике, натуральных вещах и о резном, живописном и других изрядных художествах».

Книги по всемирной истории, дипломатическому искусству коллекционирует дипломат Д. Голицын. Этот высокообразованный князь интересуется и литературой по торговому делу, по счетоводству, не говоря уже о художественной. Когда Голицын попал в опалу (1737 год), то при конфискации имущества оказалось, что у него «имелось на чужестранных диалектах, також и переведенных на русский язык, около 6 тысяч книг...». Пожалуй, за всю историю русской культуры это первый случай, когда библиотека одного человека насчитывает не десятки, даже не сотни, а тысячи томов.

...Вскоре возникла потребность в крупном книгохранилище, где были бы книги по всем отраслям знания. И вот повелением Петра I в 1714 году начала свою историю первая в России из дошедших до нас научных библиотек. Вначале в ней было около двух тысяч книг. Потом фонд стал пополняться и старинными рукописями, и иностранными новинками, и только что отпечатанными изданиями. Вскоре в Летнем дворце, где первоначально размещалась библиотека, стало тесно, и для нее на Васильевском острове отстроили новое здание... В газете «Санкт-Петербургские ведомости» 26 ноября 1728 года появилась заметка об открытии библиотеки Академии наук. Газета по поводу этого знаменательного события писала: «Впредь будет Библиотека равным же образом повсенедельно дважды, а именно во вторник и в пятницу, пополудни, от 2 до 4 часа, отперта и всякому вход в оную свободен». Теперь она уже могла удовлетворить запросы академии.

Академия посылала свои печатные труды во Францию, Англию, Швецию, Германию. Взамен получала труды научных учреждений и обществ этих стран. Большое внимание

библиотеке уделял М. В. Ломоносов. Он неоднократно подчеркивал, что ее ценность заключается не в роскошных шкафах, а в книгах, в их тщательном подборе, что надо постоянно заботиться о приобретении недостающей литературы.

Долгое время не удавалось собирать все выходящие отечественные книги. Только в 1783 году был принят правительственный указ, который предписывал типографиям обязательно выделять в академическую библиотеку по одному экземпляру.

Там занимались и брали книги первые русские академики, потом первые русские студенты...

Казалось, дальше развитие книгоиздательства, расширение библиотечного дела, просвещения пойдет семимильными шагами. Но этого не произошло...

После смерти Петра I Верховный тайный совет издал указ о закрытии сразу нескольких типографий. Были ликвидированы рассчитанные на сравнительно широкую сословную аудиторию цифирные школы. Один из указов Анны Иоанновны гласил: «Подлый народ не следует обучать грамоте, дабы не отвлекать его от черной работы». Этот принцип правящей верхушки был в силе вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. Уже выше отмечалось, что при Екатерине II, которая слыла «просвещенной» царицей, грамотность населения не превышала половины процента! Меньше даже, чем в Киевской Руси...

Медленно, черепашьими темпами росла библиотечная сеть, да по существу и не было никакой сети. Изредка возникали, как островки в безбрежном океане, отдельные книгохранилища. Вот некоторые из них.

В 1814 году открылась Публичная библиотека в Петербурге со значительным фондом — четверть миллиона томов. Но публичной она была только по названию. «Низшие сословия» доступа в нее не имели, библиотеку не могли посещать, как говорилось в правилах, люди «непристойно одетые», «лакеи в ливреях», а также другие «неугодные» лица.

Не удивительно, что в результате таких мер за весь 1816 год в библиотеке побывало всего 400 человек из числа дворян и чиновников.

Чтобы приблизить книгу к народу, к массовому читателю, русские просветители создавали частные библиотеки. При Московском университете, например, Н. И. Новиков основал бесплатную библиотеку-читальню.

В Вятке (ныне г. Киров) в организации общественной библиотеки принял участие А. И. Герцен. Именно тогда он сказал замечательные слова: «Публичная библиотека — это открытый стол идей, за который приглашен каждый, за которым каждый найдет ту пищу, которую ищет; это — запасный магазейн, куда одни положили свои мысли и открытия, а другие берут их в рост».

Но... «пища духовная» сортировалась с пристрастием, за деятельностью всех общественных библиотек (а их количество постепенно увеличивалось) был установлен тщательный надзор, за запрещенную литературу владельцев преследовали. Книги для чтения (за редким исключением) выдавались за плату. Во многих публичных библиотеках имелись «заповедные книги» и «заповедные кресла» дворян и высших чинов.

Царское правительство делало все возможное, чтобы держать народ в темноте и в невежестве, не допуская «кухаркиных детей» к учебе, к книге. От правительства не отставали и его прислужники. На московском заводе Гужона (ныне «Серп и молот») пункт правил для рабочих гласил: «Читать в стенах завода строжайше воспрещается. За нарушение штраф и другие карательные меры вплоть до увольнения».

Рабочий класс формировал свои подпольные библиотеки с запрещенной литературой. Эта литература воспитывала рабочих, учила их революционной борьбе. Уже первые политические кружки и союзы брали на вооружение книгу. Например, в библиотеке «Северного союза русских рабочих» число

книг было так велико, что их нельзя было хранить в одной квартире. Пришлось разделить на несколько частей и развезти по рабочим кварталам. Каждый квартал имел своего библиотекаря, у которого был полный список всех принадлежащих «Союзу» книг. Главным библиотекарем был Степан Халтурин — один из создателей «Северного союза».

Место разгромленных библиотек занимали новые, искуснее законспирированные, лучше подобранные. Воспитывались прекрасные подпольщики-профессионалы. Среди них И. В. Бабушкин — человек, отдавший жизнь рабочему делу. «Гордостью партии» назвал его В. И. Ленин. Бабушкин страстно и непрестанно учился, учил других, устраивал подпольные библиотеки. Организатором нелегальной библиотеки в Нижнем Новгороде был Я. М. Свердлов, а в Гудаутах — Серго Орджоникидзе. И многие другие революционеры занимались библиотеками для рабочих.

...Книги давным-давно покинули монастыри, перешли в университеты, в академии наук, в публичные и национальные библиотеки. А народ пребывал в темноте. Поднимаясь на борьбу, он, как никогда раньше, хотел учиться. В начале XX века среди взрослого населения из каждых четырех человек трое были неграмотны. Вот каков результат «многолетней порчи народного просвещения царизмом» (В. И. Ленин). В 1906 году журнал «Вестник воспитания» писал, что для достижения всеобщей грамотности мужчин понадобится 180, а женщин — 280 лет (!).

Этот мрачный прогноз не оправдался. Великая Октябрьская социалистическая революция внесла свои коррективы, в кратчайшие сроки книга стала достоянием каждого, а страна наша превратилась в могучую книжную державу.

КНИЖНАЯ ДЕРЖАВА

(Вместо послесловия)

...Утро 27 октября 1917 года (по старому стилю). Только что закончился Второй Всероссийский съезд Советов. Власть перешла в руки трудящихся. Съезд образовал первое на планете рабоче-крестьянское правительство — Совет Народных Комиссаров во главе с Владимиром Ильичем Лениным. Смольный бурлит. Тут же даются важнейшие поручения и назначения. Дел — множество! Их нужно выполнять незамедлительно, сейчас же. Решаются вопросы войны и мира, защиты революции, обеспечения рабочих хлебом...

Одновременно Ленина не оставляли мысли другого рода. По воспоминаниям Луначарского, Владимир Ильич встретился с ним в Смольном и заговорил «относительно первых шагов революции в просвещенском деле», о том, что «очень многое придется совсем перевернуть, перекроить, пустить по новым путям». Именно тогда были произнесены В. И. Лениным слова:

«Книга — огромная сила. Тяга к ней в результате революции очень увеличится. Надо обеспечить читателя и большими читальными залами, и подвижностью книги, которая должна сама доходить до читателя. Придется использовать для этого почту, устроить всякого рода формы передвижек. На всю громаду нашего народа, в котором количество грамотных станет расти, у нас, вероятно, станет не хватать книг, и если не сделать книгу летучей и не увеличить во много раз ее обращение, то у нас будет книжный голод».

Пролетарское государство только что родилось,

а Владимир Ильич уже думал о книгах для народа...

Сразу же после свержения Временного правительства принимались меры к тому, чтобы приобщить широкие массы к политике, чтобы правильно информировать их о происходящих событиях, чтобы снабдить их книгами, газетами, листовками, брошюрами. По воспоминаниям В. Д. Бонч-Бруевича, один из первых декретов Советской власти — Декрет о земле — был не только немедленно напечатан в газетах, его много раз издавали отдельной книжечкой и бесплатно рассылали во множестве экземпляров в губернские и уездные города, во все волости России.

Что же прежде всего выпускалось в то время, какие книги рассылались? «Это была,— пишет Джон Рид,— не дешевая, разлагающая макулатура, а общественные и экономические теории, философии, произведения Толстого, Гоголя и Горького»...

Особенное внимание обращалось на труды классиков марксизма. В 1918 году тиражи произведений Маркса и Энгельса доходили до 50 тысяч, В. И. Ленина — до 500 тысяч экземпляров.

Появляются первые крупные издания художественной литературы: собрания сочинений Салтыкова-Щедрина, Чехова, Глеба Успенского, Герцена... Они печатаются огромными для того времени тиражами — от 50 до 100 тысяч экземпляров. Начался выпуск «Народной библиотеки». Читатели получили «Метель» и «Выстрел» Пушкина, «Тамань» Лермонтова. Одной из лучших продукций полиграфии первого года революции была повесть Л. Н. Толстого «Хаджи-Мурат» с иллюстрациями Е. Лансере. В 1918 году вышла поэма А. Блока «Двенадцать».

И книга не лежала на складах — она немедленно поступала во все уголки страны. Спрос на нее был огромный.

В эти годы по инициативе М. Горького предпринимается ряд интереснейших издательских начинаний. Такова «Всемирная литература», ставившая своей целью познакомить читателей со всеми сокровищами мировой поэзии и прозы.

Англичанин Герберт Уэллс, посетивший молодую Советскую республику в 1920 году, в книге «Россия во мгле» так охарактеризовал деятельность «Всемирной литературы»: «...Большинство писателей и художников нашли работу по выпуску грандиозной по своему размаху, своеобразной русской энциклопедии всемирной литературы. В этой непостижимой России, воюющей, холодной, голодной, испытывающей бесконечные лишения, осуществляется литературное начинание, немыслимое сейчас в богатой Англии и богатой Америке. В Англии и Америке выпуск серьезной литературы по доступным ценам фактически прекратился сейчас «из-за дороговизны бумаги». Духовная пища английских и американских масс становится все более скудной и низкопробной, и это нисколько не трогает тех, от кого это зависит. Большевистское правительство, во всяком случае, стоит на большей высоте. В умирающей с голоду России сотни людей работают над переводами; книги, переведенные ими, печатаются и смогут дать новой России такое знакомство с мировой литературой, какое недоступно ни одному другому народу».

По предложению М. Горького стали выходить книги серий «История фабрик и заводов», «Жизнь замечательных людей», «Библиотека поэта», «История молодого человека XIX века».

Тома «Литературного наследства» были призваны помочь детальному и полному изучению литературных источников...

Так росло и ширилось наше книгоиздательство,

воплощая на практике ленинское указание о необходимости продвижения книги в самые широкие массы рабочих и крестьян. Уже в 1918 году было напечатано около 7000 книг и брошюр общим тиражом почти 70 миллионов экземпляров. Сейчас даже трудно представить себе, что сравнительно недавно — в масштабах истории — в стране лишь один человек из четырех умел читать вывески и названия улиц. Трудно представить тиражи книг в несколько сотен экземпляров. Трудно представить, как можно было обходиться без учебников. А ведь совсем не просто было победившему классу подниматься к вершинам науки.

Учиться, учиться и учиться! — этот призыв вождя молодежь впервые услышала на III съезде РКСМ 2 октября 1920 года.

Вот что писал о тех днях Джон Рид: «Вся Россия училась читать и действительно читала книги по политике, экономике, истории — читала потому, что люди хотели знать... Жажда просвещения, которую так долго сдерживали, вместе с революцией вырвалась наружу со стихийной силой. За первые шесть месяцев революции из одного Смольного института ежедневно отправлялись во все уголки страны тонны, грузовики, поезда литературы. Россия поглощала печатный материал с такой же ненасытностью, с какой сухой песок впитывает воду».

Обращаясь к работникам политпросветов, Владимир Ильич говорил: «Нам нужно громадное повышение культуры. Надо, чтобы человек на деле пользовался уменьем читать и писать, чтобы он имел что читать...»

С полным правом можно утверждать, что за годы Советской власти произошла подлинная культурная революция. Книга, бывшая ранее привилегией избранных, стала достоянием народа.

И мы с гордостью можем сказать сегодня: советским людям есть что читать. Ежегодно выходят сотни миллионов экземпляров книг по естественным и общественным наукам, по технике и сельскому хозяйству, по всем вопросам культуры и искусства.

В Советском Союзе насчитывается свыше двухсот издательств, из которых две трети находятся в национальных республиках, краях и областях. В их числе такие всемирно известные гиганты, как Политиздат, «Наука», «Мысль», «Художественная литература», «Советский писатель», «Молодая гвардия»... Названия довольно ярко отражают их направленность.

В кратком обзоре трудно подробно проследить весь пройденный путь. Можно лишь сказать, что всегда — и в годы первых пятилеток, и в период Великой Отечественной войны, и в годы послевоенного строительства — одной из первоочередных задач считалось развитие издательского дела. Наши издательства добились громадных успехов. И мы вправе ими гордиться.

Вот некоторые цифры.

Более чем за 350 лет, со времени появления первой русской печатной книги и до Великой Октябрьской социалистической революции, в России было издано примерно 550 тысяч книг. За последние 60 лет в СССР выпущено свыше 2,9 миллиона книг и брошюр общим тиражом в 48 миллиардов экземпляров. Ежегодно в нашей стране выходит свыше 1 миллиарда 800 тысяч экземпляров книг и брошюр, то есть 4,9 миллиона экземпляров в день.

И конечно же, о степени обеспеченности населения Советского Союза книжной продукцией свидетельствуют такие данные: если в 1913 году на сто человек в России приходилось 62 экземпляра

книг, то ныне — около 700. У нас возникла гигантская читательская аудитория, выработалась привычка к чтению. Успехи народного образования, неуклонный подъем духовного уровня людей, улучшение материальных и жилищных условий привели к тому, что свыше 95 процентов семей покупают книги и имеют личные библиотеки.

Следует также отметить, что советское книгоиздание приобрело многонациональный характер. Оно «освоило» 195 языков, причем 89 из них — языки народов СССР.

До революции на территории многих нынешних союзных и автономных республик книг либо совсем не было, либо — в ничтожном количестве и только по-русски. Так, в 1913 году в Туркмении вышли всего 4 книги, в Таджикистане — несколько литографированных изданий, а в Киргизии — и вообще ничего. Более сорока народов царской России, в том числе и киргизы, не имели своей письменности.

В первое же десятилетие после Октября были созданы буквари для всех в прошлом бесписьменных народов. В 1928 году появились книги уже на 50 языках народов СССР (без русского) тиражом, в десять раз превышающим тиражи 1913 года. Ныне ежегодный тираж изданий на туркменском языке составляет 3,68 миллиона экземпляров, на таджикском — 4,17, на киргизском — 4,25 миллиона экземпляров. Чтобы судить о темпах увеличения выпуска книжной продукции в других республиках, достаточно привести такие цифры: сейчас по сравнению с 1913 годом число книг и брошюр на армянском языке возросло почти в 23 раза, на грузинском — в 29, на казахском — в 89, на украинском — более чем в 153 раза, на узбекском — более чем в 264 раза.

Но дело не только в количественном росте. Каче-

ственно наша книга также стала иной. Давно уже не встретишь литературу, проповедующую низменные цели и безнравственность, воспевающую идеализм и мракобесие. Советская книга — подлинно передовая, подлинно гуманная в самом высоком значении этого слова, зовущая на труд и на подвиги.

Гигантский рост выпуска печатной продукции высокого качества стал возможным благодаря тому, что за годы Советской власти в стране создана мощная производственная база печати. Всем известны такие крупные предприятия, как типографии газет «Правда», «Радянська Украина», Калининский, Ярославский, Минский, Саратовский, Чеховский и Можайский полиграфические комбинаты, да и сотни других.

Неузнаваемо изменились типографии, ведущие свою историю с дореволюционных времен. В десятки раз «подскочили» мощности «Печатного двора», «Красного пролетария», 1-й Образцовой типографии имени А. А. Жданова, типографии имени Ивана Федорова и т. п.

Во многих районах страны, например в республиках Средней Азии, Казахстане, где издательского дела не было вовсе, теперь работают оснащенные современной техникой комбинат печати в Алма-Ате, полиграфические комбинаты в Ташкенте, Фрунзе, Душанбе...

Факты, которые здесь приведены, свидетельствуют о больших успехах книгоиздательства в СССР. Но, возможно, и во всем мире произошли подобные изменения?

Число жителей нашей планеты превысило три миллиарда. Две трети неграмотных... Сорок процентов вообще не имеют своего алфавита. Писатель

В. Захарченко горестно заметил по этому поводу: «Страшные цифры. Я склоняюсь над ними в жалкой попытке почувствовать на мгновенье их леденящий душу смысл. И вдруг в сознании рождается яркий образ трагедии человечества. Ведь среди этих двух третей, населяющих Землю, бесспорно, рождаются великие гении: Толстые и Бетховены, Рембрандты и Данте, Эйнштейны и Циолковские... Иначе и быть не может — ведь по любой теории вероятности на каждый миллиард скупая природа отпускает равное количество совершенства.

Но мы никогда не узнаем ни великих мыслей, ни гениального искусства, ни научного прозрения этих людей — они неграмотны».

Тем более поразительны достижения Советского Союза, страны сплошной грамотности, где количество библиотек приближается к астрономической цифре — 400 000, с небывалыми тиражами книг. Вот почему нашу страну называют страной читателей.

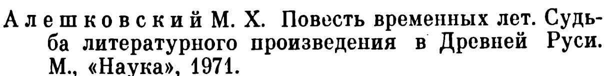
Ленинская забота о книге как сильнейшем средстве развития народного хозяйства и культуры, науки и техники, воспитания и образования придала всему книжному делу то значение и авторитет, которые отличают его сегодня.

Новая Конституция СССР, воплотившая в себе достижения нашего общества, в законодательном порядке обеспечивает полное удовлетворение растущих духовных потребностей советских людей. В соответствии со статьей 46 всем гражданам нашей страны предоставляются широкие права на пользование достижениями культуры. Эти права подкреплены общедоступностью ценностей отечественной и мировой культуры, равномерным размещением культурно-просветительных учреждений, развитием телевидения и радио, книгоиздания и периодической печати, сети

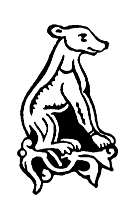
бесплатных библиотек, расширением культурного обмена с другими государствами.

Подтвердились замечательные слова В. И. Ленина, сказанные еще в 1918 году на III Всероссийском съезде Советов, исполненные глубочайшего смысла и веры в будущее: «Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием...»

В нашем социалистическом обществе книга превратилась в неисчерпаемый источник знания, служащий интересам всего народа, в мощное орудие борьбы за построение коммунизма.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., «Наука», 1971.

Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898.

Березов П. С. Чудо из чудес. М., «Московский рабочий», 1969.

Горбачевский Б. С. Люди, книги, библиотека. М., Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1963.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., Учпедгиз, 1953.

Драчук В. С. Дорогами тысячелетий. О чем поведали письмена. М., «Молодая гвардия», 1976. («Эврика»). Глава «Здравствуй, Русь!».

Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., «Наука», 1972.

Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX века. М., Госкультпросветиздат, 1955.

Изборник Святослава 1073 г. Сб. статей. М., «Наука», 1977.

Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М., «Наука», 1965.

Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуки. М., Изд-во АН СССР, 1963.

Кацпржак Е. И. История книги. М., «Книга», 1964.

Клепиков С. Из истории русского художественного переплета.— В кн.: «Книга. Исследования и материалы». Сб. 1. М., «Книга», 1959.

Копреева Т. Н. Рукописные сборники энциклопедического состава XV—XVI веков и славяно-русское Возрождение.— В кн.: «Книга. Исследования и материалы». Сб. XXXII. М., «Книга», 1976.

Крачковский И. Арабские рукописи в русских монастырях. Библиографическая загадка.— В кн.: «Записки восточного отдела Русского археологического общества». Т. 13. Спб., 1915.

Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа.— В кн.: «Книга. Исследования и материалы». Сб. 8. М., «Книга», 1963.

Куницын М. Н. Александрова Слобода. Ярославль, Верхне-Волжское кн. изд-во, 1976. Глава «Тайна царского книгохранилища».

Лазарев В. Н. Андрей Рублев и его школа. М., «Искусство», 1966.

Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М., «Наука», 1965.

Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., «Современник», 1975. («Любителям российской словесности»).

Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. М., «Наука», 1970.

Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., «Наука» (Ленинградское отделение), 1973.

Луппов С. П. Книга в России в послепетровское время (1725—1740). Л., «Наука» (Ленинградское отделение), 1976.

Монгайт А. Л. Надпись на камне. М., «Знание», 1969.

Натанов Н. Путешествие в страну летописей. М., «Детская литература», 1965.

Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве. М., «Книга», 1964.

Овсянников Ю. М. Ради братий своих... Историческая повесть (Иван Федоров). М., «Молодая гвардия», 1975.

Очерки русской культуры XIII—XV веков. Ч. 2. Духовная культура. М., Изд-во МГУ, 1969.

Очерки русской культуры XVI века. Ч. 2. Духовная культура. М., Изд-во МГУ, 1977.

Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1974. М., «Наука», 1975. Раздел «Письменность».

Попов О. С. Русская книжная миниатюра XI—XV веков. Л., «Аврора», 1975.

Приселков М. Д. Нестор-летописец. Пб., изд-во Брокгауз-Ефрон, 1923.

Розов Н. Н. Книга Древней Руси. XI—XIV вв. М., «Книга», 1977.

Розов Н. Н. Русская рукописная книга. Этюды и характеристики. М., «Книга», 1971.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., Изд-во АН СССР, 1948.

Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М, «Наука», 1972.

Сапунов Б. В. Изменение соотношений рукописных и печатных книг в русских библиотеках XVI—XVII вв.— В сб.: «Рукописная и печатная книга». М., «Наука», 1975.

Сапунов Б. В. Производство русской рукописной книги, ее цена и стоимость в XI—XIII вв.— В кн.: «Книга. Исследования и материалы». Сб. XXX. М., «Книга», 1975.

Свирин А. Н. Искусство книги Древней Руси XI—XVII вв. М., «Искусство», 1964.

Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., Изд-во АН СССР, 1951.

Сидоров А. А. История оформления русской книги. Изд. 2-е. М., «Книга», 1964.

Слуховский М. И. Библиотечное дело в России до XVIII века. М., «Книга», 1968.

Слуховский М. И. Русская библиотека XVI—XVII вв. М., «Книга», 1973.

Слуховский М. И. Из истории книжной культуры России. Старорусская книга в международных культурных связях. М., «Просвещение», 1964.

Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М., «Наука», 1968.

Черепнин Л. Русская палеография. М., Госполитиздат, 1956.

Черняк А. Я. История технической книги. С древнейших времен до 1917 года. М., «Книга», 1969.

Янин В. Л. Я послал тебе бересту... Изд. 2-е. М., Изд-во МГУ, 1975.

СОДЕРЖАНИЕ

Глухов А. Г.

Г55 Русь книжная. М., «Сов. Россия», 1979.
224 с.

В книге рассказывается о крупнейших и наиболее примечательных книжных собраниях нашей страны, начиная с первого, основанного Ярославом Мудрым; о монастырских библиотеках, о книжных коллекциях государственных учреждений (приказов), о знаменитой Патриаршей книгохранительной палате и некоторых других. Идет речь и о культуре, о книгах и писателях, о переводчиках и переписчиках литературных памятников.

А. Г. Глухов известен широкому кругу читателей как автор научно-популярных книг «Из глубины веков», «Книги, пронизывающие века», «В свете солнца».

$Г\frac{61004-041}{М-105(03)79}$ 39—79 443040С00 002

Алексей Гаврилович Глухов

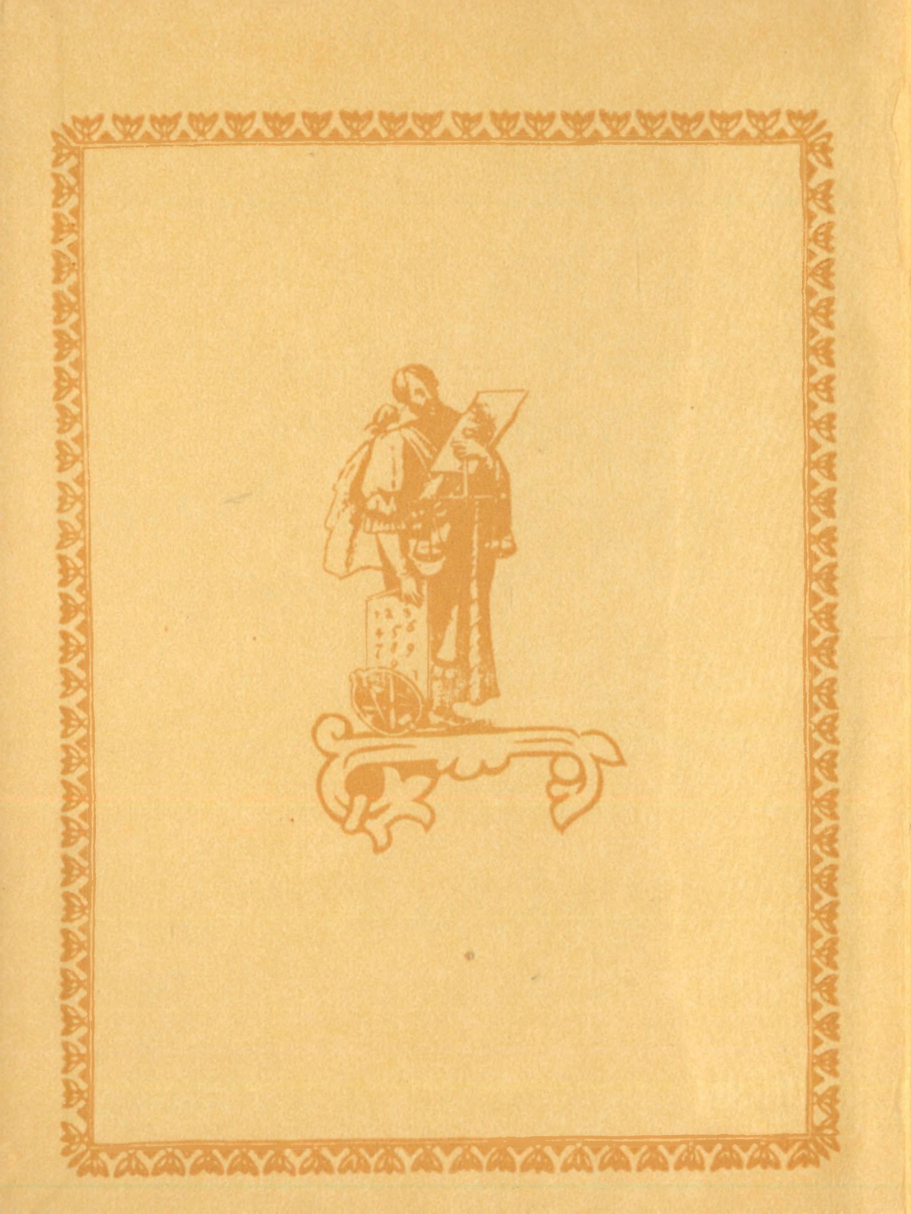
РУСЬ КНИЖНАЯ

Редактор М. С. ЧЕРНИКОВА
Художник В. Е. ТЕРЕХОВ
Художественный редактор В. В. ЩУКИНА
Технический редактор И. И. КАПИТОНОВА
Корректор Л. В. КОНКИНА

ИБ № 1523
Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Север». Подп. в печать 11.12.78. А08278. Формат 70×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл.-п. л. 9,80. Уч.-изд. л. 9,48. Тираж 30.000 экз. Заказ № 1316. Цена 70 к. Изд инд. НА-69.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

СОВЕТСКАЯ
РОССИЯ